

Уфимский университет
науки и технологий

приоритет2030⁺
лидерами становятся

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ



**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ**

**ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ**

Материалы

*VIII Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием, посвящённой
15-летию кафедры лингводидактики и переводоведения ИГСН
(г. Уфа, 16 мая 2024 г.)*

Научное электронное издание сетевого доступа

**Уфа
РИЦ УУНИТ
2024**

УДК 81'1+81'44
ББК 81+81'2В3
Я41

*Печатается по решению кафедры лингводидактики и переводоведения
ВШЗФЛиП УУНиТ.
Протокол № 12 от 07.06.2024 г.*

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, профессор **Р.А. Газизов** (*отв. редактор*);
д-р филол. наук, профессор **Е.А. Морозкина** (*зам. отв. редактора*);
д-р филол. наук, профессор **Р.З. Мурясов**;
д-р филол. наук, профессор **Р.Г. Гатауллин**;
д-р филол. наук, профессор **А.С. Самигуллина**;
д-р филол. наук, профессор **Н.П. Пешкова**;
канд. филол. наук, доцент **Р.И. Камалов** (*отв. секретарь*)

Языковые единицы в свете современных научных парадигм:

Я41 материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 15-летию кафедры лингводидактики и переводоведения ИГСН (16 мая 2024 г.) / отв. ред. Р.Р. Газизов. [Электронный ресурс] / Уфимск. ун-т науки и технологий. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2024. – 244 с. – URL: <https://uust.ru/digital-publications/2024/085.pdf> – Загл. с титула экрана. ISBN 978-5-7477-5916-9

В сборник включены научные статьи, объединенные общей тематикой исследования языковых единиц в свете современных научных парадигм. Рассматривается широкий круг актуальных проблем, отражающих различные аспекты указанной проблематики в междисциплинарной перспективе.

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

УДК 81'1+81'44
ББК 81+81'2В3

ISBN 978-5-7477-5916-9

© УУНиТ, 2024

УДК 81'42

Бакиев А.Г.

канд. филол. наук, доцент УУНУТ,

г. Уфа, Россия

Черепанова Е.М.

ст. преподаватель УУНУТ,

г. Уфа, Россия

ИНТЕГРАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ СИНЕРГЕТИКИ В ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

В настоящей статье представлен опыт интеграции синергетического подхода в гуманитарных областях знания – лингвистика, социология и история. С точки зрения синергетической парадигмы, язык, социум и исторические процессы представляют собой нелинейные открытые динамические системы, проходящие на своем пути стадии «порядка» и «хаоса», ведущие к качественно новым изменениям.

***Ключевые слова:** синергетика, синергия, эмерджентность, лингвосинергетика, социосинергетика, исторический процесс, порядок, хаос.*

В настоящий момент наблюдается активная интеграция методологии синергетики в область гуманитарных наук, таких как психология, история, социология, лингвистика и другие. Безусловно, данный опыт имеет свои положительные результаты в каждой из представленных наук. Синергетическая парадигма в гуманитарных областях знания значительно трансформирует представления о функционировании различных объектов исследования (языка, психики, социума, исторических процессов и т.д.), позволяет создать универсальные модели, которые обнаруживают общность развития процессов самой разной природы как процессов самоорганизации.

Идеи синергетики в лингвистике отразились в таком направлении, как лингвосинергетика, которая формировалась на рубеже столетий. У истоков данного направления стояли ученые, занимавшиеся исследованием *речевой деятельности* как синергетического процесса, а также проблемами *смыслопорождения* в пространстве текста и дискурса [4]. Становление лингвосинергетики связано в первую очередь с фундаментальным положением о том, что сам язык и многоуровневые языковые феномены образуют незамкнутую нелинейную динамическую систему, обладающую свойствами эмерджентности и способностью к формированию нового качества за счёт внутренних механизмов самой

системы. При обращении к тексту как к объекту исследования следует отметить его синергетический потенциал смыслопорождения. С точки зрения лингвосинергетики, текст представляет собой крупную единицу, посредством которой происходит взаимодействие человека и окружающего мира. Текст не существует изолированно, он непосредственно соотносится с культурным и социальным контекстом, который постоянно меняется [2, 22]. Можно утверждать, что в тексте образуется своего рода *синергия*, взаимодействие энергий, смыслов, исходящих непосредственно от автора текста, читателя, а также окружающей среды (социально-культурного контекста, времени). При восприятии текста неизбежно столкновение данных энергий, смыслов, что может привести к непониманию / частичному пониманию текста.

Разработкой теоретико-методологического инструментария социосинергетики занимались В.П. Бранский, Г.А. Котельников И.В. Черникова и др. Социосинергетика как прикладной раздел синергетики исследует процессы самоорганизации общественных структур из хаоса и дезорганизации. Предметом социосинергетики является *социальный процесс*, понимаемый как «сопряженность социальных событий, в которых участвуют люди» [6, 65]. Траектория движения социальных процессов обусловлена действием различных параметров порядка, исходящих из индивидуальных и общественных интересов людей, при этом, социальный процесс не является суммой актов человеческой деятельности. Исследователи попытались применить методологию социосинергетики для описания событий, происходивших в девяностые годы XX столетия в России. Так, Г.А. Котельников отмечает, что для описания состояния общества в России и других странах СНГ в указанный период времени применимо понятие «детерминированного хаоса». В этом смысле механизмы демократизации политических и экономических отношений в определенной степени играли роль флуктуаций, которые всё больше приводили систему в состояние неравновесности. В точке бифуркации, в момент наибольшей нестабильности, вектор социального развития может смениться под воздействием самого незначительного события в силу случайного фактора. С точки зрения синергетики выбор пути развития системы невозможно объяснить в терминах классического детерминизма, согласно которому происходящие события строго обусловлены предшествующими событиями. Случайный фактор в этом смысле играет огромную роль в выборе траектории развития. Эта особенность неравновесных открытых систем ярко отражается в метафоре Э. Лоренса «эффект бабочки». Ученый-математик таким образом описывал крайнюю уязвимость открытых систем к внешним флуктуациям (колебаниям) в момент крайней нестабильности – в точке бифуркации. Даже незначительные влияния и изменением, «взмах крыльев бабочки», приводили к непредвиденным и

непропорционально большим последствиям – «урагану на другом конце света».

Синергетический подход к исследованию исторических фактов нашёл отражение в работах Л.И. Бородкина, Н.Н. Метельского, В.Н. Сидорцова и других. Согласно синергетической концепции, история как открытая динамическая нелинейная система не сводится к простой совокупности исторических событий и фактов [1]. История представляет собой бесконечный процесс эволюции и становления нового порядка и нового качества. Синергетический подход в истории в этом смысле нацелен на описание характера взаимодействия исторических процессов, в результате чего возникают новые эмерджентные свойства, которые не могут быть объяснены и спрогнозированы путем их линейного сложения. Синергетическая методология оказывается эффективной в описании исторических процессов, особенно в описании общества, находящегося на пороге революции, войн, смены формаций и государственного строя. По мнению В.Н. Сидорцова, революциям и войнам предшествует стадия нестабильности, которая соотносится с нежеланием широких масс населения сотрудничать с существующей системой. В терминах синергетики общество как открытая система в этот момент находится в стадии неравновесности, которая подвергается многочисленным флуктуациям, вызванным действиями противоборствующих сил. Учёный отмечает, что человек в подобных ситуациях оказывается зависим от некоторых параметров порядка, часто отражаемых в стихийно возникших лозунгах [5, 166]. Примером может послужить обстановка в России на пороге Октябрьской революции, когда большевики провозгласили лозунг «Земли, хлеба, мира!». Очевидно, призывы, лозунги и обещания одной противоборствующей силы в состоянии детерминированного хаоса сыграли роль *параметров порядка*, направляющих систему к *аттрактору*, конечной цели – установлению того или иного режима. В условиях неравновесности и нестабильности возрастает роль отдельных личностей, предопределяющих ход развития всей системы. В истории существует много примеров личностей, которые, оказавшись «в нужное время и в нужном месте», изменили ход истории. Достаточно упомянуть роль В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого в Октябрьской революции, Наполеона, Марата, Робеспьера в Великой Французской революции [Там же, 165-166]. В точке бифуркации малые флуктуации могут вызывать крупные последствия, непропорциональные силе воздействия. Примером данного тезиса может послужить выстрел в Сараево, послуживший поводом для начала Первой мировой войны.

Таким образом, в последнее время наметилась тенденция внедрения синергетической парадигмы в гуманитарные области знания. Исследователи все больше обнаруживают сходства процессов самоорганизации единиц различного уровня за пределами

естественнонаучных дисциплин. Так, анализирую язык, социум, различные исторические процессы, можно прийти к выводу, что их развитие крайне нелинейно и неравномерно, а также характеризуется определённой стадийностью, соотносимой с фазами «порядок» и «хаос».

Список литературы

1. Бородкин Л.И. Вызовы нестабильности: концепции синергетики в изучении исторического развития России // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С. 127-136.

2. Дрожащих, Н.В. Введение динамическую синергетику языка [Текст]: монография / Н.В. Дрожащих. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. – 252 с.

3. Кравченко С.А. Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с английскими эквивалентами) / С.А. Кравченко. – М.: Издательство МГИМО, 2011. – 408 с.

4. Самигуллина А.С., Бакиев А.Г. Лингвосинергетическая интерпретация метафоры Т. Пратчетта (на материале произведений из цикла «Плоский мир»): монография / А.С. Самигуллина, А.Г. Бакиев. – Флинта: Наука, 2017 – 184 с.

5. Сидорцов, В.Н. К вопросу о роли личности в истории: взгляды Г.В. Плеханова и представителей синергетики [Текст] / В.Н. Сидорцов // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 3 / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2008. – С. 165-159.

6. Черникова И.В., Черникова Д.В. Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. Прогресс-Традиция, 2009. – 688 с.

© Бакиев А.Г., Черепанова Е.М., 2024

УДК 80

Бен Шушан А.А.

*канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ЭМПАТИЙНОГО РЕЧЕВОГО АКТА ПОЗДРАВЛЕНИЯ В СИТУАЦИИ «ВИРТУАЛЬНАЯ СВАДЬБА»

В статье описываются разнообразные формы речевого проявления поздравительных реактивных высказываний в церемониальной ситуации «бракосочетание» в сетевом формате.

Ключевые слова: виртуальная свадьба, речевой акт, вербальная эмпатия, поздравительное послание, похвала, сорадование, имплицитность, сетевая коммуникация

В условиях современной действительности виртуальная среда, становится важным условием, конституирующим жизненное пространство человека, подменяя, зачастую, реальный мир. Участники виртуальной реальности проживают наиболее значимые события своей жизни в интернете: провожают в последний путь близких и создают виртуальные семьи.

Феномен виртуализации бракосочетания набирает обороты популярности среди молодого поколения, поскольку к преимуществам, представители современного поколения причисляют: 1) отсутствие необходимости в реальных регистрирующих записях, фиксирующих брак или развод; 2) подобная виртуализация отношений не предполагает наложения определенных обязательств; 3) в семейной виртуальной жизни снижается риск возникновения бытовых конфликтов. Несмотря на то, что сетевой брак не имеет юридической силы, он перенял основные черты традиционных брачных атрибутов: виртуальный дворец бракосочетания и свидетельство о заключении брака, воображаемая свадебная церемония, подарки и поздравления, виртуальные приглашения и виртуальные гости. Большой интерес в нашем исследовании представляет феномен виртуального речевого поздравления в ситуации заключения виртуального брака, рассмотренный в речеактовом аспекте.

Сетевые пользователи могут поздравить членов новой виртуальной семьи при помощи поздравительного послания, представляющего собой иллокутивный тип «поздравление» [3], вербализованный эксплицитно с участием перформативного предиката «поздравлять»:

Novia 13.07.2019, 10:21

– Анютка и Сережка, *поздравляю* вас...: hug или

Leveret 09.03.2019, 12:47

– Катюша, *поздравляю* с долгожданным и столь важным в жизни любой женщины событием! : rose Наконец-то, свершилось! : wink:

Структурным компонентом речевого акта поздравления ввиду его высокой ситуативной зависимости является сочетание перформативного предиката с дополнением, указывающим на радостное событие. В данном примере речевой акт поздравления сопровождается последующим речевым актом сорадования в экскламативной форме. Поздравительное послание обладает эмпатийным потенциалом, поскольку выражает разделение радостных чувств с участниками виртуального обряда [1]. Речевой акт поздравления может быть выражен имплицитно, подчеркивая долгожданность счастливого события («Наконец-то, свершилось!»).

Поздравительное высказывание может выражаться косвенно, в частности, в форме (доброе) пожелания-поздравления [4]:

– *Желаю* новобрачным счастья в семейной жизни и создания крепкой семьи!!! [6]

– *Желаю* вам много умных и здоровых дитишек!!! : angel [6].

Речевой акт пожелания входит в класс экспрессивных иллокутивных типов [2] и может быть вербализован при помощи перформативного предиката «желать». Позитивное пожелание является проявлением коммуникативной вежливости, и выражается, как правило, в форме ритуализованных этикетных формулах с целью проявления чувства симпатии по отношению к адресату. Интенциональным намерением говорящего при пожелании блага является стремление выразить надежду на будущее благополучие в жизни собеседника. При этом, в некоторых случаях наблюдается опущение перформатива, и фраза пожелания вербализуется дополнением с ситуативным семантическим наполнением.

– Сладкого медового месяца!!!: wink: [6].

Одним из существенных различительных признаков между речевыми актами поздравления и пожелания является темпоральная отнесенность. Так, временной параметр речевого действия поздравление по поводу наступившего события соотносится с планом прошедшего времени при помощи речевого приема ретроспекции. Пожелание, в свою очередь, связано с ситуацией будущего благосостояния, и является проспективным.

Несмотря на то, что обстоятельства, вызывающие поздравления и добрые пожелания (например, свадьба или рождение ребенка), могут совпадать, они относятся к разным аспектам события: положительное пожелание выражает надежду на будущее благополучие адресата, в то время как поздравление выражает разделяемую радость по поводу уже произошедшего факта. С различной темпоральной отнесенностью речевых актов связан еще один дифференцирующий критерий – различие в выражаемом чувстве: при поздравлении чувство симпатии можно охарактеризовать именно как со-радость, разделенную радость; при хорошем пожелании то же чувство точнее можно охарактеризовать как участливую надежду, благожелательность [5, С. 142].

Среди поздравительных посланий по поводу виртуального бракосочетания, встречаются высказывания, сочетающие в себе целый ряд иллокутивных типов. Например, нижеследующее сообщение инициируется вокативом в уменьшительно-ласкательной форме, за которым следует эксплицитно выраженный речевой акт поздравления. Отметим, что дополняющая реплика «от всего сердца» манифестирует искренность чувств поздравляющего собеседника, а само высказыванием приобретает конгруэнтное значение в условии эмпатического общения.

В качестве последующего иллокутивного типа выступает перечисление речевых актов (доброе) пожелания молодоженам в сочетании с ритуализованной обрядной фразой пожелания в ситуации, свадьбы «Совет вам да любовь», «Мир и согласия!»).

Novia 02.10.2019, 13:27

– Андрюшка, я тебя от всего: heart сердца: balloons 2 *поздравляю* и *желаю* в семейной: wedding жизни понимания: i love you любви, счастливых

:foto моментов, которые останутся на :archit долгие годы. Совет вам: holiday да любовь, а также мир и: two согласие. Вот... А еще много-много счастливых и радостных моментов. В общем, всего самого лучшего, веселого и классного...: flower Целую: two-kiss в щечки: oops: И очень рада за невесту, теперь уже жену...: daizu ГОРЬКО!!!!!!: z1920 И пусть ваша жизнь будет такой же сладкой, как этот конфетный " букет" :wink: [6].

Финальной фразой эмпатического высказывания поздравления является эксплицитный речевой акт сорадования («я очень рада за невесту») и традиционный поздравительный возглас в форме призыва, характерный для русской культуры («Горько!»).

Как видим, виртуальное выражение поздравления по поводу свадьбы в сети представляет собой креолизованный текст, с включением разнообразных семиотических знаков-интенсификаторов иллокутивного значения высказывания поздравления, а также сочетаемых с ним иллокутивных типов «(благо)пожелание», «сорадование».

Во французской интернет-коммуникации французов наблюдается высокая степень сочетаемости речевого акта поздравления сферы сорадования с другими иллокутивными поступками эмпатийной сферы сорадования, например, с речевым актом похвалы:

(в той же речевой ситуации)

– Je suis tellement ravie pour vous! Vous êtes super! / Я так рада за вас! Вы просто супер! [7]

Другим примером частотной речеактовой комбинации является речевой акт поздравления с речевым актом напутствующего пожелания.

– Sincères félicitations!!!!!!! Prenez maintenant bien soin de vous / Искренние поздравления! Берегите теперь друг друга! [7]

Реагирующее поведение адресата, транслирующее разделение радостных чувств может быть выражено имплицитно в форме оценочных экскламативов (C'est super bien! C'est cool! Bravo! C'est fantastique! и д.р.) или эмпатийных междометных восклицаний (Oh! Ah! Ah enfin! Youri! Hourra! и д.р.). Степень оценки варьирует в диапазоне от более нейтральной (bien) до более экспрессивной (fantastique). Кроме этого, одно и то же междометие способно передавать разные эмоции. Например, междометие Ah! может передавать как чувства удовольствия, восхищения, так и горя. Следовательно, семантическое наполнение таких междометий обусловлено значительной зависимостью от контекста и ситуации общения.

В ситуации виртуального бракосочетания, поздравительное сообщение может иметь косвенное воплощение. Также в виртуальной коммуникации наблюдается сочетаемость косвенно выраженных высказываний свадебного поздравления при помощи междометной реплики и оценочного восклицания:

– Youhou!!!! C'est une super nouvelle! Je suis très contente pour vous! Profitez bien de votre lune de miel inoubliable! / Ух ты! Это супер новость! Я так рада за вас! Воспользуйтесь моментом и проведите медовый месяц незабываемо! [7]

В ситуации, когда радостное событие является долгожданным, позитивный финал его свершения приводит к позитивным чувствам всех заинтересованных участников речевого общения. Речь идет о речевом акте облегчения, который в силу эмпатической направленности может быть включен в речевую сферу сорадования. Специфичным проявлением чувства облегчения на физиологическом уровне являются такие реакции, как вздох, улыбка, поэтому вербальное выражение данного состояния чаще всего реализуется при помощи некоторых междометных экскламативных реплик.

В случае если радостное событие наконец-то произошло, высказывание поздравления по поводу свадьбы может включать сразу несколько реплик, выражающих облегчение (*Ouf! Enfin! Dieu merci!*) с эксплицитным речевым актом сорадования:

– *Ouf! Enfin! Dieu merci! Mes félicitations!!!!!! Je suis si heureuse pour vous!* / Уфф! Наконец-то! Слава Богу! Мои поздравления! Я так счастлива за вас! [7]

Таким образом, в результате речеактового анализа поздравительных посланий в виртуальном пространстве было установлено: 1) вербальные проявления поздравительного типа характерны для сетевой коммуникации ввиду популяризации феномена «виртуальная свадьба»; 2) речевое поздравление может выражаться эксплицитно, при помощи речевого акта с перформативным предикатом «поздравляю»; в речевой ситуации поздравления отмечается сочетаемость иллокутивного типа поздравления с речевыми актами сорадования, пожелания, междометными экскламативными репликами оценочного типа; выражение совместной радости может быть выражено имплицитно при помощи речевого акта облегчения в случае если произошедшее является долгожданным для адресанта.

Список литературы

1. Бен Шушан А.А. Киберкоммуникация: эмпатический аспект (на материале русского и французского языков): монография / А.А. Бен Шушан. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. –160 с.

2. Газизов Р.А., Бен Шушан А.А. Косвенные формы выражения речевого акта пожелания (здоровья) в негативной ситуации / Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Тамбов. Том 14. Выпуск 7. С. 2172-2176.

3. Серль Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Серль //Новое в зарубежной лингвистике, 1986. Вып. 17. С. 151–169.

4. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ / Н.А. Трофимова. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.

5. Marten-Cleef S. Gefühle ausdrücken. Die expressiven Redeakte. Göttingen: Kümmerle Verlag, 1991. P. 371.

6. URL: <https://www.funsvadba.com/> (дата обращения: 29.04.2024).

© Бен Шушан А.А., 2024

УДК 81'371

Бодулева А.Р.

*канд. филол. наук, доцент УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

Янгирова Г.В.

*канд. филол. наук, доцент УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЧЕВОГО АКТА НЕОДОБРЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ У.ФОЛКНЕРА «ШУМ И ЯРОСТЬ»)

Цель исследования - анализ реализации речевого акта неодобрения в художественном тексте в английском языке. Для достижения данной цели необходимо выявить потенциально возможные средства выражения иллокутивной цели данного речевого акта. В данной работе акцент ставился на опосредованном выражении данной интенции при помощи других речевых актов, которые формируют конвенциональное употребление речевого акта неодобрения в межличностном общении.

Ключевые слова: *иллокутивная сила, речевое воздействие, речевой акт неодобрения, оценка.*

Проблема исследования речевых актов и их разновидностей в основе своей является проблемой межличностного общения, в котором важен выбор оптимальных средств речевого воздействия для эффективной коммуникации. Речевое воздействие тесно связано с категорией побудительности, а также тесно коррелируется с понятием вежливости [1, 260]. Для понимания поведения собеседников в процессе общения важно знать правила адекватного общения, а также быть готовым к ситуациям, где происходит отклонение от норм вежливого общения. Выражение неодобрительной оценки зачастую имеет место быть в межличностном общении. Определяющим дифференциальным признаком ситуации, где реализуется неодобрение, является оценивающий субъект, объект оценки и основание оценки.

Речевой акт неодобрения анализировался в исследованиях Джандалиевой Е.Ю., Кабанковой Т.В. в немецком дискурсе, Тетерлевой Е.В. в педагогическом дискурсе, Т.К. Соловьевой в русском языке, И.П. Лысаковой, А.Л. Кузнецовой в русской и американской речи, Ю.В. Шуйской, Е.А. Дроздовой в англоязычном рекламном дискурсе. К речевым актам неодобрения относятся оценочные высказывания, имеющие в своей структуре и семантике отрицательную оценку. Многие исследователи чаще всего относят его к классу экспрессивов. Стоит отметить, что в коммуникативное поле неодобрения входят и другие смежные интенции, выбор которых объясняется стратегическими намерениями коммуниканта. Е.Ю. Джандалиева в своем исследовании выделяет пять семантических типов неодобрения в современном английском языке: порицание, упрек, осуждение, оскорбление и угроза [3].

В современной лингвистике большое внимание уделяется изучению речевого поведения отправителя сообщения в коммуникативных ситуациях, когда выражается неодобрение. Для современного человека крайне важно уметь избегать конфликты. Поэтому знание типичных способов выражения неодобрительных высказываний, освоение стратегий и тактик коммуникативного поведения в подобных ситуациях позволит участникам общения выбирать наиболее эффективные средства воздействия на получателя сообщения и добиваться желаемого перлокутивного эффекта.

Основная цель работы заключается в выявлении различных сочетаний речевых актов, которые способствуют реализации иллокутивной цели речевого акта неодобрения на материале произведения “Шум и ярость” У.Фолкнера. Выбора материала для анализа обусловлен тем, что Уильям Фолкнер - один из выдающихся писателей своего поколения, который сумел органично объединить в своих произведениях реалистический и формалистический подходы к изображению действительности. Через призму экспериментального искусства он смог отразить социальные и этические проблемы реальной жизни, тем самым обогатив реалистический метод новыми стилистическими приемами и расширив границы модернизма [2].

Литературные приемы “внутреннего монолога” и “потока сознания” позволяет автору отойти от объективных описаний героев и рассказчиков. Вместо этого психологический портрет и индивидуальность каждого персонажа раскрываются через непосредственную демонстрацию их внутренних переживаний, мыслей и чувств. В то же время, объективная реальность и ее развитие отражаются через призму меняющегося сознания действующих лиц. Форма “внутреннего монолога” вовлекает читателя в непосредственное восприятие внутреннего мира героя - его осознанных ощущений, эмоций и переживаний, выраженных во внутренней речи. В романе “Шум и ярость” Фолкнер мастерски использует различные типы внутренних монологов для создания индивидуальных голосов персонажей.

Внутренняя речь умственно отсталого Бенджи характеризуется ассоциативными связями, отражающими его неспособность установить логику и временную последовательность восприятий. В контрасте с этим, монолог практичного Джейсона демонстрирует рациональное, хронологическое описание событий. Внутренний анализ Квентина колеблется между логически выстроенными воспоминаниями и хаотичным потоком впечатлений, сближающим его внутреннюю речь с эмоционально-образным восприятием мира, присущим Бенджи. Таким образом, Фолкнер виртуозно использует различные типы внутренних монологов для раскрытия индивидуальности каждого героя.

Рассмотрим некоторые примеры из данного произведения, в которых реализуется речевой акт неодобрения. В следующем отрывке кучер беседует со служанкой семейства Компсон, выражая неодобрение по поводу повозочной коляски.

T.P. held the reins. "*Clare I dont see how come Jason wont get a new surrey.*" Dilsey said. "*This thing going to fall to pieces under you all some day. Look at them wheels.*" [6]

(Авторский перевод: У Ти-Пи в руках вожжи. – Непонятно мне, почему Джейсон не покупает новый, – сказала Дилси. – Дождется, что этот развалится под вами на кусочки. Одни колеса чего стоят.) [5]

В данном случае интенция неодобрения выражается с помощью недоумения по поводу того, почему хозяин Джейсон Компсон не покупает новый экипаж (экспрессивный речевой акт), прогнозирования того, что старый экипаж скоро сломается (речевой акт сообщения) и речевой акт побуждения.

"You going take him with you, I reckon." "Me." Luster said. "*You reckon I be found anywhere with him, time he start bellering.*" [6]

(Авторский перевод: – И его, значит, возьмешь с собой – Ага, – говорит Ластер. – Как же. Чтоб он мне там развылся?) [5]

В вышеобозначенном отрывке, негр Ластер присматривает за Бенджи, от которого ведется повествование первой части романа - человека с психическим расстройством, который считается позором для своей семьи Компсон. Изложение Бенджи нелинейно и охватывает период с 1898 по 1928 год. Он компилирует события из разных временных отрезков в непрерывном потоке сознания. Бенджи в разном возрасте присматривали разные няни - Ластер в настоящем, Ти-Пи в подростковом периоде, а Верш в детстве, что помогает лучше ориентироваться в его повествовании. В данном случае Ластер выражает негативную оценку поведению Бенджи, используя речевой акт сообщения, в котором употребляется предположительное наклонение (the Suppositional Mood) для выражения действия, которое, возможно, произойдет в будущем.

Одно из самых ярких ранних воспоминаний детей связано с днем, когда умерла их бабушка. Тогда они еще плохо понимали, что такое смерть, и их

отправили поиграть подальше от дома, у ручья. Там Квентин и Кэдди принялись брызгаться водой, Кэдди промочила платье и испачкала штанишки. Джейсон грозился пожаловаться родителям, а маленький Бенджи плакал, опасаясь, что близкой ему Кэдди будет плохо из-за промокшей одежды. В следующем отрывке описывается ситуация, когда Джейсон упал и в ответ сын прислуги Верш высказывается негативно в его адрес:

He passed us and ran on up the walk. He had his hands in his pockets and he fell down. Versh went and picked him up. *"If you keep them hands out your pockets, you could stay on your feet."* Versh said. *"You cant never get them out in time to catch yourself, fat as you is."*[6]

(Авторский перевод: Перегнал нас, побежал дорожкой, руки в карманах, упал. Верш подошел, поднял его. – Руки в карманах, вот и шлепаешься, – сказал Верш. – Где тебе, жирному, успеть их вынуть вовремя и опереться.) [5]

В данном примере адресант использует речевой акт совета по поводу того, что Джейсону не стоило держать руки в карманах и, вследствие этого, он бы не упал, и речевой акт сообщения.

Итак, на материале данной работы при выражении негативной оценки иллокутивный акт неодобрения совершается опосредованно, с помощью других речевых актов. Реализация неодобрения наиболее часто возникает в условиях выражения речевых актов сообщения, совета и экспрессивов.

Что касается использования речевого акта сообщения для выражения неодобрения, необходимо отметить, что основной иллокутивной силой утверждения является констатация, т.е. выражение мнения о предмете оценки. Однако, в качестве дополнительно компонента значения выступает также эмоционально-оценочный при выражении неодобрения. Поэтому подкласс ассертивов расширяется за счет включения оценочных актов. При этом иллокутивный компонент констатации ослабляется, а на первый план выходит эмоционально-оценочный компонент [4].

Таким образом, неодобрение можно определить как вербально выраженное признание того или иного действия или его результата неправильным, недопустимым в соответствии с существующими в данном обществе нормами или личными убеждениями субъекта, высказывающего оценку. Применение речевого акта неодобрения в значительной степени определяется намерениями и субъективными мотивами говорящего, планируемым воздействием на адресата, а также осведомленностью об актуальных коммуникативных нормах.

Список литературы

1. Азнабаева Л.А., Салимьянова Г.В. Речеактовое оформление инвитивной побудительности в ситуации гостеприимства (на материале английского языка) // Вестник Башкирского университета. – Уфа, РИЦ БашГУ, 2017. Т. 22. № 1. – С. 260-264.

2. Гаспарян Г.Р. Языковые особенности произведений У. Фолкнера в аспекте коммуникативной стилистики [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М., 1984. – 183 с.

3. Джандалиева Е.Ю. Вербальные реакции адресата на неодобрительные высказывания: на материале немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 25 с.

4. Поспелова А.Г. Функциональный аспект изучения речевых актов: иллокутивно-интерактивная характеристика // Трехаспектность грамматики (на материале английского языка). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. – С. 67-75.

5. Фолкнер У. Шум и ярость. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/INPROZ/FOLKNER/noise_u.txt (дата обращения: 15.05.2024).

6. Faulkner W. The Sound and the Fury [Электронный ресурс]. URL: <https://antilogicalism.com/wp-content/uploads/2018/04/sound-and-fury.pdf> (дата обращения: 15.05.2024).

© Бодулева А.Р., Янгирова Г.В., 2024

УДК 81'38

Войцех К.Д.

*канд. филол. наук, ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия*

ИНОСКАЗАТЕЛЬНЫЕ ПРИЁМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена рассмотрению феномена языковой игры в англоязычных песенных текстах. Объектом изучения стали примеры использования иносказательных приёмов языковой игры в песнях (аллегории, аллюзии, метафоры).

Ключевые слова: *языковая игра, песенный дискурс, аллюзия, аллегория, метафора*

Несомненно, песенный дискурс остаётся одним из актуальных предметов исследования ввиду своей малой изученности. Кроме того, музыка в том или ином виде присутствует в жизни любого человека: мы делаем зарядку под музыку, слышим песни в общественном транспорте или в торговых центрах, наконец, слушаем музыку с целью расслабиться, поднять себе настроение или повысить эффективность своей работы.

Поэтому более детальное изучение песенного дискурса с точки зрения использования языка видится абсолютно необходимым.

Под песенным дискурсом мы вслед за Л.Г. Дуняшевой понимаем «текст в совокупности с контекстами его создания и интерпретации, включая эффект, производимый им на слушающего в определенном историко-культурном контексте» [2, 10]. Цель существования песенного дискурса – это «оказание на человека эмоционального воздействия для формирования социальной позиции и ценностной ориентации слушателя» [1, 98].

Так как песенный текст обладает рядом естественных ограничений (жесткая структура, необходимость компрессии языковых средств для выражения мысли, компактность), авторам приходится искать нестандартные способы выражения мысли, и одним из инструментов самовыражения становится языковая игра.

В контексте песенного дискурса наиболее важной характеристикой языковой игры видится её осознанное и целенаправленное манипулирование экспрессивными ресурсами речи [3, 170]. По этой причине мы можем отнести к языковой игре неопределённо широкий круг явлений, включающий в себя, в том числе, тропы и фигуры речи, которыми изобилуют песенные тексты.

Обратимся к примерам и рассмотрим, как расширенная метафора функционирует в песенном дискурсе.

1. *They told me I was out there,*
Tried to knock me down
Took those sticks and stones,
Showed them I could build a house
(*Daisies* by Katy Perry)

Т.к. песенные тексты можно считать разновидностью текстов поэтических, можно с уверенностью утверждать, что форма играет не менее важную роль, чем содержание в текстах песен. Поэтому тропы и фигуры речи становятся неотъемлемым инструментом языковой игры, используемым при создании текстов. Так, перед нами яркий пример использования аллегии. Лирическая героиня рассказывает о неприятии со стороны окружающих и о том, как она смогла заставить негативный опыт работать на себя. Таким образом, ***sticks and stones*** в данном случае символизируют неприязнь общества и колкие слова, а ***house*** – ту личность, которую героиня смогла выстроить. В результате использования столь яркого образа в голове моментально формируется картинка, что способствует дополнительному вовлечению слушателя.

2. *Cards on the table,*
We're both showing hearts
Risking it all, though it's hard
(*All of Me* by John Legend)

В данном тексте мы видим интересный приём использования фразеологической единицы. Согласно словарю Merriam-Webster, *to put cards on the table* означает “to be honest with other people and to tell them one's thoughts, plans, etc., in a very open way” [5, URL]. Если говорить об истории происхождения данной идиомы, то она пришла из карточных игр, и в любой игре положение игрока с открытыми картами считается наиболее рискованным и уязвимым перед другими игроками. Тем самым, возвращаясь к метафорическому переносу в данном тексте, мы можем утверждать, что лирический герой испытывал опасения, раскрывая свою душу перед любимой. Однако метафора имеет продолжение, и в данном тексте *show hearts* можно рассматривать и как символ того, что герои совпали в своих чувствах, и в целом как выражение их любви.

3. *No need to wear your scars like a scarlet letter*

You're on the ledge, but not the end

It helped you see another way

(Still Breathing by Citizen Soldier)

Прежде чем перейти к анализу данного примера, необходимо отметить, что зачастую в современной интернет-коммуникации возникают феномены языка, не зафиксированные в классических словарях, но, там не менее, широко используемые в неформальном общении. Так, например, выражение *to wear a scarlet letter* пришло в язык из романа Н. Гортон «Алая буква» и в словарях зафиксировано только одно значение: to wear “**a scarlet A as a punitive mark of adultery**” [5, URL]. Однако в современной коммуникации данное выражение приобрело более образное значение и *scarlet letter* означает “**A visible symbol of something you have done wrong and regretted, or a stigma of a past mistake you made that follows you**” [6, URL]. На обыгрывании этого значения, закреплённого в словаре сленга и сленговых выражений Urban Dictionary, и строится рассматриваемый пример. В нём лирический герой призывает всех слушателей не ломаться под гнётом своих ошибок, а учиться на них и двигаться вперёд несмотря ни на что.

4. *You're my seven minutes,*

My sweet escape,

In this brief respite,

All the pain, it disappears

(You're My Seven Minutes by Brad Martin Poetry)

Для понимания данного случая языковой игры обратимся к культурной справке. В 2023 году парамедики из Канады опубликовали статью, в которой говорилось о том, что после смерти тела в мозгу сохраняется нейронная активность ещё на протяжении семи минут. В это время мозг вспоминает самые яркие воспоминания из жизни, прокручивая их, словно плёнку. Не берёмся судить о достоверности сего факта с медицинской точки зрения, однако фактом остаётся то, что столь романтическая теория сразу

привлекла внимание интернет-пользователей по всему миру. В данном примере обыгрывается именно этот факт, и лирическая героиня иносказательно, через фразу «Ты мои 7 минут» признаётся в любви молодому человеку, говоря о том, что все её самые приятные воспоминания в жизни связаны с ним.

*5. I'll be the villain by tomorrow
How could I be a hero if I can't save myself from you?
You're my Kryptonite
(Kryptonite by Rymez & James Arthur)*

Для понимания данного случая языковой игры нам понадобится «интертекстуальная энциклопедия» в терминологии У. Эко [4, 197-198], или же фоновые знания о культуре. Криптонит – вымышленный минерал, который фигурирует в комиксах DC. Он попал на Землю вместе с Суперменом и является его единственной слабостью. Благодаря широкой популярности комиксов, фильмов и телесериалов о Супермене криптонит стал довольно распространённым символом любой человеческой слабости, аналогом «ахиллесовой пяты», что и обыгрывается в приведённом отрывке песенного текста.

*6. Well it's Forrest Gump, one-sided news
My head's a cloud, my ego bruised
And drunken dreams, am I deluded?
(When I Watch the World Burn All I Think About is You by Bastille)*

Для лучшего понимания данного случая языковой игры рецепиенту понадобятся знания о произведении «Форрест Гамп». «Форрест Гамп» – роман У. Грума и одноимённый фильм, который рассказывает о герое с расстройством аутистического типа, который случайно становится участником ряда важнейших событий 20 века. Повествование в романе ведётся от первого лица, поэтому точка зрения на всё происходящее может быть охарактеризована как предвзятая и ограниченная: мы знаем только то, что знает Гамп. Подобное чувство испытывает и лирический герой песни при чтении новостей: кажется, что в прессе представляется лишь одна, наиболее выгодная точка зрения.

*7. Your memory has made me feel
Like this city's a god damn minefield
Like a scene from that movie
With Kate Winslet and Jim Carrey
It's easier to believe for all these years
You were never here
(Jim Carrey by Billy Raffoul)*

Данный отрывок обращается к романтическо-фантастическому фильму «Вечное сияние чистого разума» 2004 года. В нём главные герои, не выдержав боли расставания, обращаются в специальную организацию, которая может стереть воспоминания о конкретном человеке из памяти

пациента. Однако, встретившись снова, они не могут поверить, что действительно прошли через эту процедуру. Именно к этому фильму отсылается лирический герой, который также переживает муки расставания и не может смириться с тем, что любимая оставила его. Данный пример особенно интересен тем, что в его основе лежит не привычная аллюзия, а более тонкий приём реминисценции: нам не называют конкретное название фильма, а описывают его через актёрский дуэт и краткую характеристику сюжета.

Тем самым, мы можем сделать вывод о том, что инструментарий языковой игры в песенном дискурсе весьма разнообразен. Кроме того, авторы часто стремятся уйти от более простых форм языковой игры (ЯИ на фонетическом уровне, приёмы ЯИ на созвучии и др.) и отдают предпочтение более сложным приёмам, для дешифровки которых требуется особая внимательность слушателей и наличие фоновых знаний из области мировой культуры.

Кроме того, сжатый объём песенного текста способствует использованию приёмов, основанных на асимметрии языкового знака, когда один план выражения коррелирует более чем с одним планом содержания.

Список литературы

1. Астафурова Т.Н., Шевченко О.В. Англоязычный песенный дискурс // Дискурс-Пи. – 2016. – № 2. – С. 98-101.
2. Дуняшева Л.Г. Лингвокультурные особенности конструирования гендера в афроамериканском песенном дискурсе: на материале жанров блюз и рэп: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.04. – Нижний Новгород, 2012. – 24 с.
3. Цикушева И.В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009. – № 90. – С. 169-171.
4. Eco U. Innovation and Repetition: Between Modern and Post-Modern Aesthetics. // Daedalus, vol. 114, no. 4. – The MIT Press, 1985. – P. 161–184.
5. Merriam-Webbster Dictionary [электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webbster.com/dictionary/> (дата обращения: 05.05.2024).
6. Urban Dictionary [электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 05.05.2024).

© Войцех К.Д., 2024

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОПТИМИЗАЦИИ ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ НЕМЦЕВ

В статье рассматриваются способы языковой экономии, оптимизирующие коммуникативное взаимодействие немцев в виртуальном пространстве. В результате анализа немецкого корпуса СМС-сообщений выявлены основные способы оптимизации виртуальной коммуникации на лексическом уровне языка. Среди наиболее частотных средств языковой компрессии выделяются универбы и аббревиатуры.

Ключевые слова: *оптимизация коммуникативного взаимодействия, принцип языковой экономии, универбация, аббревиация.*

В эпоху стремительного развития информационных и телекоммуникационных технологий особенно актуальным стало общение в виртуальном пространстве при помощи технических средств связи, включая мобильные. В настоящей статье рассматриваются лексические способы оптимального коммуникативного взаимодействия между представителями немецкой лингвокультурной общности посредством СМС-сообщений в виртуальном пространстве.

Как известно, оптимизации (облегчению, эффективному ходу) речевого общения способствует следование определенным правилам, принципам, максима́м, среди которых можно выделить принцип языковой экономии. Данный принцип реализуется на всех уровнях языка, включая фонемный, морфемный, лексический и синтаксический. Он играет значительную роль в функционировании и развитии языка в целом. Как отмечают Г.М. Костюшкина и Е.А. Шагланова, «тенденция к экономии языковых средств является основной причиной активных процессов в языке, а это значит – причиной развития языка и главной движущей силой его эволюции» [3, 25].

Человек стремится экономить свои усилия как при производстве, так и при восприятии речевого высказывания: «стремление к экономии усилий пронизывает все виды деятельности человека: оно приводит не только к изобретению самых различных устройств, облегчающих жизнь, оно движет самими процессами познания человека, процессами речепорождения и речевосприятия» [4, 231]. При этом важной стороной рассматриваемого способа оптимизации коммуникативного взаимодействия является взаимная заинтересованность адресанта и адресата в экономии своих усилий: «экономия языковых средств – это не только экономия усилий со

стороны говорящего, но и тенденция, направленная на быстрое и однозначное понимание информации слушающим. Это результат стремления современного общества к увеличению информативности текста за счет его структурного сокращения, а также стремления к экономии печатной продукции и времени устных сообщений» [3, 25].

Экономия времени при создании как устных высказываний, так и письменных СМС-сообщений играет немаловажную роль в речевой коммуникации общающихся, особенно молодежи: «Язык в ходе развития пытается ввести максимум информации и приобрести максимум гибкости, но при этом заботится о минимизации количества затраченных на это средств. Нередко под средствами имеется в виду время, затрачиваемое на произнесение или/и написание определенного высказывания, которое человек посредством экономии языковых средств пытается сократить» [2, 63].

Рассмотрим лексические способы оптимизации виртуальной коммуникации немецкой лингвокультурной общности, исходя из действия принципа языковой экономии на лексическом уровне языковой системы. В результате анализа немецкого корпуса СМС-сообщений [6] мы пришли к выводу, что немцы чаще всего используют средства языковой экономии на лексическом и синтаксическом уровнях и реже на фонемном и морфемном уровнях.

Оптимизация виртуальной СМС-коммуникации на лексическом уровне охватывает прежде всего компрессивные способы экономного словообразования, которые направлены на упрощение порождения СМС-сообщений и их понимание. Как справедливо отмечают Г.М. Костюшкина и Е.А. Шагланова, «в процессе компрессии информации упрощается как порождение высказывания / текста, так и его обработка и понимание реципиентом, что обусловлено компактностью, лаконичностью, информативностью и экспрессивностью языковых единиц в тексте / речи» [3, 37].

Среди основных способов языковой компрессии можно выделить универбацию и аббревиацию. При универбации (от лат. *unum verbum*, букв. «одно слово») происходит стяжение не менее двух лексем из разных частей речи в одно слово. Одной из основных причин образования универбов является стремление человека экономить свои усилия как в речевой (устной), так и письменной коммуникации: «интенция современного человека к речевой экономии, включая экономию речевых усилий, письменных средств, затрат времени на коммуникацию, является основным фактором образования новых слов на основе существующих словосочетаний» [1, 52].

Среди немецких универбов, используемых немцами в СМС-коммуникации, встречаются случаи стяжения глаголов с личным местоимением, ср. сжатие вспомогательного глагола *haben* (а) и основного

глагола *machen* (b) с местоимением *du*: (a) *Ey Alter, haste Bock heut abend ...* (досл.: Эй, старина, у тебя есть сегодня вечером желание ...), (b) *NA WAS MACHSTE GERADE?* (досл.: Ну, чем ты сейчас занят?). Частотны случаи сжатия некоторых глаголов, напр., *haben* в перфектной форме с безличным местоимением *es*: *habs endlich geschafft das referat abzutippen, juchu* (досл.: наконец-то завершил работу над рефератом, ура).

Помимо универбов немцы охотно прибегают к аббревиатурам, использование которых в СМС-коммуникации облегчает и ускоряет набор текста/сообщения. Это удобное средство экономии физиологических затрат человека, обуславливающее действие принципа языковой экономии. Как справедливо отмечают авторы коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке», «тенденция к экономии физиологических затрат ... всецело зависит от некоторых биологических особенностей человеческого организма. Источником тенденции к экономии является человеческий организм. Принцип экономии в языке – одно из частных проявлений инстинкта самосохранения» [5, 4]. Таким образом, аббревиация (от лат. *abbrevio* – «сокращаю») представляет собой один из частотных лексических способов оптимизации коммуникативного взаимодействия, особенно его письменной формы.

Аббревиации могут подвергаться как самостоятельные, так и служебные части речи. Наиболее частотными графическими аббревиатурами (ср. инициальные аббревиатуры), образованными от самостоятельных частей речи, выступают сокращения от имен существительных, ср. аббревиатуры от названий дней недели, напр., *Montag – Mo* (a), *Donnerstag – Do* (b), *Freitag – Fr* (b), *Samstag – Sa* (c), *Sonntag – So* (d): (a) *HI, HABE SPÄTDIENST AM MO! PETRA* (досл.: Привет! У меня позднее дежурство в понедельник! Петра); (b) *Du, können wir uns auch Fr. treffen, Katrin war enttäuscht, daß ich Do. nicht kann!* (досл.: Слушай, мы можем встретиться также в пятницу, Катрин разочаровалась, что я не смогу в четверг); (c) *Hallo Süsse, kannst Du am Sa. um 12.00 Uhr arbeiten kommen?* (досл.: Привет, милая! Ты можешь прийти на работу в субботу в 12.00?); (d) *MEINE MA NERVT MICH! HAB E SCHÖNEN SO, CU, LG M* (досл.: Моя мама нервирует меня! Прекрасного тебе воскресенья, увидимся, с дружеским приветом, M). В последнем примере (d) в качестве формул прощания и пожелания используются графические аббревиатуры *cu* (английское сокращение от *see you* – увидимся), *LG* (от *Liebe Grüße* – с дружеским приветом). Очень часто сокращаются имена собственные: *M* – антропонимическое сокращение. В примере (d) также используется сокращение от имен нарицательных: *Ma* (от *Mama* – мама).

Среди самостоятельных частей речи сокращаться могут имена прилагательные, напр., в составе формулы приветствия *Guten Morgen – GuMo* (a), *amerikanischen – amerik* (b), *übernächste – ü-nächste* (c): (a) *GuMo! BIN AB 11 IN UNI, KANNST MI GG HALB 8 ERREICHEN* (досл.: Доброе утро!

Я с 11.00 буду в университете, ты можешь застать меня примерно в половине восьмого); (b) *Bin wieder ... z.H. und habe mich noch in d. amerik. Mensa gestärkt* (досл.: Я снова дома и уже подкрепился в американской столовой); (c) *Ach den kannst mir bis ü-nächste woche geben* (досл.: Ах, ты можешь дать мне его до следующей недели). В вышеприведенном примере (a) встречается сокращение личного местоимения *ich* в род. п.: *mich – mi*, ср. также следующий пример, в котором сокращается возвратное местоимение *dich – di*: *MELD DI, OB DU NU MITKOMM* (досл.: Сообщи, если ты все же придешь).

Наряду с самостоятельными частями речи аббревиации подвергаются служебные части речи, прежде всего предлоги, союзы, артикли. Несмотря на то, что данные части речи не представляют собой длинные слова и сложные конструкции, они частотно применяются в виде графических аббревиатур в СМС-сообщениях немецкой молодежи, ср. предлоги *in – i* (a), *von – v* (b), *mit – m* (c), *bei – b* (d), *zu – z* (e); союзы *und – u* (f), *oder – o* (g); артикли *die – d* (h), *dem – d* (i): (a) *hoffentlich schaffen wir das i. d. Zeit* (досл.: надеюсь, мы успеем за это время); (b) *I BIN NICH IN W., GERAD ZURÜCK V EXKURSION* (досл.: Я сейчас не в В., как раз вернулся с экскурсии); (c) *Hinix, bin m. Janin* (досл.: Хиникс, я с Яниной); (d) *KANN I KURZ B DIR VORBEIKOMMEN?* (досл.: Можно забежать к тебе ненадолго?); (e) *MUSS LEIDER VORHER NOCH ZNORBERT.SCHÖNEN ABEND, KIRSCHI* (досл.: К сожалению, мне нужно еще до этого заглянуть к Норберту. Прекрасного вечера. Кирши); (f) *Alles Liebe u. ein schönes WE, Gruss Rike* (досл.: Всего хорошего и хороших выходных. Пока. Рике); (g) *Dann komm sie dir holen ;-) od. ich schicke sie dir, wenn ich die CD hab ...* (досл.: Тогда приходи за ним ;-)) или я его тебе отправлю, когда у меня будет компакт-диск...); (h) *D. BEIDEN SIND SCHON LOS. MEINE BLUMEN SIND GEPFLANZT U. FAHR LEICH ZU ANNETTE* (досл.: Оба уже уехали. Мои цветы посажены, и я спокойно поеду к Аннет); (i) *NADINE, SITZ VOR D COMPUTER* (досл.: Надин, сиди перед компьютером).

Таким образом, оптимизация коммуникативного взаимодействия в виртуальном пространстве немецкой лингвокультурной общности осуществляется посредством действия принципа языковой экономии, который реализуется на всех уровнях языковой системы, включая лексический. При этом основными способами языковой компрессии, служащей облегчению и упрощению СМС-коммуникации, выступают универбация и аббревиация.

Список источников

1. Ван Ян. Универбация как продуктивный способ словообразования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. I. С. 51-56.

2. Коробкина Н.И. Синкретизм как механизм реализации языковой экономии // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». № 2(55). 2018. С. 62-67.
3. Костюшкина Г.М., Шагланова Е.А. Компрессия информации как проявление закона экономии в языке (на материале текстов рекламы) // Вестник МГЛУ ЕАЛИ. 2015. Выпуск 3(714). С. 23-39.
4. Осокина Н.Ю., Дектерев С.Б. Тенденция к экономии языковых средств как фактор, обуславливающий интенциональный сдвиг грамматических форм // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2018. Т. 28. Вып. 2. С. 231-239.
5. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М., 1988. – 216 с.
6. SMS-Korpus. URL: http://www.mediensprache.net/archiv/corpora/sms_os_h.pdf (дата обращения 05.05.2024).

© Газизов Р.А., 2024

УДК 81'374

Гафарова Г.В.

*канд. филол. наук, доцент УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

В статье рассматривается эволюция лексикографии в контексте современного информационного общества; обсуждаются преимущества и некоторые проблемы использования искусственного интеллекта в лексикографии и появление новых форматов лексикографических данных. Подчеркивается актуальность идеографической лексикографии в современном мире и широкие возможности ее развития при внедрении информационных технологий и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: *лексикография, искусственный интеллект, глоссы, идеографический словарь, тезаурус, онлайн-словарь, когнитивный подход, функционально-когнитивная сфера, концепт, макроконцепт*

Каждая эпоха в развитии человечества имеет свои характерные черты, отражающие прогресс знаний и наработки, накопленные предыдущими поколениями. Движение вперед происходит порой, особенно в последние десятилетия, очень быстрыми темпами, и задача представителей всех

научных сфер идти в ногу с современными достижениями и пытаться задать вектор направленности исследований.

В современных реалиях развитие словарного дела – создание новых словарей – превращается в индустрию, имеющую на данном этапе крепкую зависимость от информационных технологий и искусственного интеллекта (далее ИИ), инновации которых заставляют задуматься о принципиально новых форматах лексикографических данных. В заданных условиях даже традиционные основы лексикографии получают новое осмысление, центром интереса которого становится возможность привлечения ИИ для решения насущных проблем.

Не так давно одним из показателей эволюции в лексикографии стало появление словарей активного типа вслед за словарем Питера Марка Роже «Тезаурус английских слов и выражений» (дата издания словаря 1852 г., в России – в 1973 г.). П.М. Роже, предвосхитив идею Л.В. Щербы о разделении грамматики на активную и пассивную, дал толчок развитию идеографической, активной лексикографии – в XX в. увидели свет словари: немецкого языка Ф. Дорнзайфа (1934), испанского языка Х. Касареса (1941), французского языка Р. Халлига и В. фон Вартбурга (1952), русского языка В.В. Морковкина (1984), О.С. Баранова (1995) и др. [1, 57].

«Идеографические словари (греч. *idea* – понятие, *grapho* – пишу) исходят из систематизации общих и частных идей, понятий. В них используется смысловой принцип расположения материала, когда на первый план выходят способы группировки соотносительных по значению слов. В словарях подобного типа реализуется глубинный, содержательный «алфавит мысли» (Г. Лейбниц, А. Вежбицкая), и он значительно сложнее формального «алфавита языка». Идеографическая классификация материала передаёт путь мысли, возникающей в сознании говорящего – от смысла (информации) к средствам его выражения» [5, V]. В истории создания идеографических словарей были и более ранние примеры – словарь II в. «Ономастикон» Ю. Поллукса (Полидевка) и санскритский словарь II-III в. «Амаракоша» А. Сины (Дэвы).

Тематический принцип организации материала в идеографических словарях демонстрирует общие типы группировок слов: логический и ассоциативный, что позволяет классифицировать лексику на понятийной основе и провести параллели с функционированием ИИ. С применением ИИ возможности идеографической лексикографии расширяются, так как происходит объединение корпусов словарей с существующими базами данных, но это, в свою очередь, порождает и ряд вопросов, лежащих в плоскости, в том числе авторского права, – можно ли разделить и оценить вклад лексикографов и программистов?

Задача идеографического словаря (тезауруса) максимально полно охватить лексику языка, следовательно, возникают вопросы: а) сможет ли ИИ генерировать для создания словаря новые эффективные приёмы, ведь

известно, что он использует только уже существующие методы и модели; б) насколько информативен и полезен будет ответ на запрос пользователя. Рассматривая варианты ответов на первый вопрос необходимо отметить, что многие существующие на данный момент идеографические словари пока не имеют электронных версий, следовательно, перед лексикографами остаётся актуальной задача перевода словарей в электронный формат и для этого потребуются немалые усилия не только авторской команды, но и программистов. Второй вопрос также предполагает совершенствование существующих форматов классификации лексического материала.

В свете рассматриваемых проблем кажется перспективной идея подачи материала в виде функционально-когнитивных сфер – крупных системообразующих единиц языка, поскольку можно увидеть параллели описания и представления материала на основе когнитивного подхода, так как «концепты представляют собой характерные для данного языка «стереотипы» сознания, набор которых определяет членение лексического состава языка. Для составления словаря принципиальное значение имеет выделение глобальных понятий – макроконцептов, обладающих большим систематизирующим потенциалом и организующим вокруг себя обширные разряды слов [5, V].

ИИ стремится воссоздать наиболее полное представление о реальной действительности, в этом заключается немаловажное сходство с задачей лексикографов принимать концепцию знаний как базовую, так как и в языкознании когнитивная теория опирается на неё.

Привлечение ИИ к созданию словарей порождает проблему применения новых терминов, которые на данном этапе развития отечественной идеографической лексикографии не получили адекватного осмысления и это только предстоит сделать. Н.К. Рябцева отмечает, что высокие технологии дали толчок развитию электронной лексикографии – *electronic lexicography*, которая «занимается созданием не только обычных и электронных словарей (*e-dictionaries*), но и играет все более заметную роль в создании и совершенствовании различных систем класса «искусственный интеллект» (ИИ), в их лингвистическом обеспечении, расширении их применения и взаимодействия со смежными ресурсами и др. (Kilgarriff 2009; Abel 2010; Fuertes-Olivera et al. 2018; Tarp 2022) [цитир. по 2, 76].

Расширенная интерпретация задач и методов электронной лексикографии приводит к значительному увеличению терминологического аппарата: необходимо ввести в лингвистический обиход отечественной лексикографии такие термины, как *Augmented Writing*, *e-Assistant*, *e-Lexicographer*, *Artificial Lexicographer*, *Lexicographic Assistants* и др. Наряду с этим, должно измениться и наполнение таких традиционных понятий, как макроструктура, микроструктура словаря, методологическая база и т.д. Соответственно, перед командой

составителей словаря будет поставлен целый ряд задач, которые можно разделить на два аспекта – лексикографические задачи и задачи технической реализации, лежащие в плоскости цифровых технологий.

В.П. Селегей отмечает, что «компьютерная лексикография является особым направлением в практической лексикографии со своими собственными подходами не только к отображению, но и к содержанию словаря. Электронный словарь – это особый лексикографический объект, в котором могут быть реализованы и введены в обращение многие продуктивные идеи, не востребованные по разным причинам в бумажных словарях. Необходимо сразу оговориться, что речь идет о тенденциях, потенциальных возможностях компьютерной лексикографии, часть которых ещё не реализована или даже ещё не осознана» [4, 31]. По мнению автора, чем больше объем словаря, тем сложнее им пользоваться; чем полнее описание лексических значений, тем в меньшей степени словарь соответствует текущей языковой и культурной ситуации; чем интереснее лексикографическая концепция словаря, тем уже его лексическая база. Компьютерная реализация бумажного словаря позволяет преодолеть некоторые проблемы за счет использования современных лингвистических технологий. Однако возникает новое противоречие между новыми языковыми компьютерными технологиями и старым традиционным словарным содержанием. Для решения этой проблемы необходимо создать единое интегральное лексико-синтаксико-семантическое описание, в котором единицей описания будет отдельное лексическое значение. Такой подход позволит сделать словари более актуальными, соответствующими уровню достижений лингвистической науки и удобными для пользователей [4, 32].

Практическая лексикография уже претерпела колоссальную эволюцию от рукописных шумерских глосс – первых прототипов словарей, появившихся в Месопотамии еще до нашей эры, до современных онлайн-сервисов. С появлением книгопечатания рукописные словари становятся печатными. Развитие информационных технологий приводит к появлению электронных словарей, которые имеют ряд преимуществ перед бумажными. Корпусная лингвистика и двуязычные корпуса способствуют развитию словарей с многочисленными примерами употребления слов в разных контекстах. Современные контекстные словари, такие как Linguee, PROMT.One и Reverso.Context, предоставляют пользователям разнообразные примеры употребления слов и их переводы.

История создания электронных идеографических словарей пока не так богата примерами, как история создания печатных идеографических словарей – на данный момент интерес вызывает онлайн-словарь для изучения трансформации слов в медиапространстве DataSlov, созданный учеными СПбГУ по аналогии с идеографическим словарем. Как пишут авторы, их целью было «создать реестр слов, актуальных в СМИ сегодня,

выявить изменения, происходящие с ними в медиадискурсе, а также проследить их дальнейшую трансформацию» [6].

«Электронный словарь – живой организм. После его создания работа лексикографа не только не прекращается, а становится напряженнее. Каждое новое слово, словосочетание или фразеологический оборот, вошедшие в повсеместное употребление, а также новые значения привычных слов и понятий должны как можно скорее появиться в электронном словаре и занять подобающее им место в словарной статье. Вот почему важно привлекать к разработке электронных словарей не только программистов, но и специалистов по языку – лингвистов и лексикографов [3, 58].

Словари, о которых говорилось выше, созданы человеком, следовательно, вопрос, насколько применим ИИ в сфере идеографической лексикографии пока остаётся открытым, так как некоторые эксперты в области ИИ полагают, что он часто необъясним, некоторые даже считают, что он представляет опасность для человека. Однако, принимая во внимание то, что в настоящее время уделяется особое внимание повышению роли пользователей цифрового информационного пространства, изучению их запросов и участию в процессе создания словарей, анализируются принципы построения новых цифровых лексикографических проектов для общих и специальных целей, появляются инновационные словари в виде приложений для мобильных телефонов, можно надеяться на дальнейший прогресс в развитии идеографической лексикографии с участием высоких технологий.

Список литературы

1. Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А. Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – С. 57.
2. Рябцева Н.К. Современная лексикография, дополненная лингвистическая реальность и проблемы терминографии // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание, № 1 (16). – М., 2022. – С. 77.
3. Савина А., Типикина Т. Что внутри электронного словаря // Наука и жизнь. 1999. № 10. – С. 56-58.
4. Селегей В.П. Электронные словари и компьютерная лексикография // Новости искусственного интеллекта. № 1. – М., 2002. – 31-33 с.
5. Функционально-когнитивный словарь русского языка. Языковая картина мира / под общей редакцией Т.А. Кильдибековой. – М. «Гнозис», 2013. – С. V.
6. <https://dataslov.ru/>

© Гафарова Г.В., 2024

МАРКЕТИНГОВЫЙ ДИСКУРС: ПОНЯТИЕ, ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

Маркетинговый дискурс, как самостоятельный вид дискурса, вызывает всё больший интерес со стороны учёных-лингвистов. Несмотря на это, остаются ещё не закрытыми вопросы, связанные с описанием характеристик этого понятия. В статье рассмотрены основные трактовки маркетингового дискурса, а также его отличительные черты, позволяющие дифференцировать его от других смежных видов.

Ключевые слова: маркетинговый дискурс, понятие маркетингового дискурса, отличительные черты маркетингового дискурса, специфика маркетингового дискурса, признаки маркетингового дискурса, трактовка маркетингового дискурса, рекламный дискурс.

В последние десятилетия со стороны представителей научного сообщества наблюдается повышенный интерес к изучению маркетингового дискурса с точки зрения лингвистики, психологии и лингвопрагматики. (К.И. Белоусова, Е.Г. Борисова, Л.А. Брусенская, Л.Г. Викулова, А.А. Гусейнова, Н.А. Землянская, Э.Г. Куликова, О.Н. Кушнир, Н. Ханина, О.Е. Яковлева).

В условиях, когда экономические процессы проникают практически во все сферы общественной жизни, оказывают влияние на формирование товарно-денежных отношений, обуславливают построение деловых коммуникаций, **актуальность** и целесообразность глубокого погружения в тему и изучения маркетингового дискурса не вызывает сомнений.

Рассмотрим основные определения понятия маркетингового дискурса, представленные учёными-лингвистами. По мнению В.И. Карасика, маркетинговый дискурс представляет собой статусно-ориентированный вид дискурса, где между членами социальных групп и институтов происходит особое речевое взаимодействие, в рамках которого они осуществляют свои статусно-ролевые функции. В этом, по мнению автора, состоит его главная отличительная особенность от лично-ориентированного и персонального видов дискурса. [3, с.4]

А.А. Гусейнова трактует маркетинговый дискурс как вербализованную форму объективации рыночного мышления и сознания. А также как отрегулированный механизм жанровой системности, благодаря которой происходит поддержание взаимоотношений: между различными

предприятиями; предприятиями и целевой аудиторией в рамках функциональной маркетинговой коммуникации. [2, с.2-3]

Л.А. Брусенская под маркетинговым дискурсом понимает своеобразный коммуникативный процесс, обладающий с двух сторон облигаторной интенциональностью, опирающейся на коммуникативные, лингвопрагматические и экономические (последние особенно характерные для этого типа дискурса) намерения со стороны всех участников коммуникации. [1, с. 336]

Мы в свою очередь рассматриваем маркетинговый дискурс как особую разновидность институционального дискурса, отличающуюся от остальных масштабностью, системностью и специфической структурой, а также высокой степенью прагматичности и целеустремленности. При этом рекламный дискурс, являясь частью маркетингового дискурса, вбирает в себя многие присущие ему черты, но отнюдь не исчерпывает его.

Исходя из приведённого выше определения, обозначим специфические признаки маркетингового дискурса:

- Ключевой особенностью маркетингового дискурса является ***интегрированность маркетинговых коммуникаций***, которая проявляется через различные формы/каналы взаимодействия с потребителем. Например, реклама на телевидении, электронная рассылка, телефонный обзвон, уличные банеры, контекстная реклама, раздача листовок на улице, сайт в сети Интернет и т.д. Такое многоканальное «языковое присутствие», не может не оказывать воздействия на восприятие информации человеком. Именно этот аспект, по нашему мнению, является фундаментальной характеристикой маркетингового дискурса, отличающего его от близкостоящего рекламного дискурса. В то время как последний является лишь одной из частей такой интеграции.

- ***Взаимообусловленность элементов.*** Каждый элемент маркетингового дискурса существует не сам по себе, а является витком в «воронке продаж», постепенно подводя потенциального покупателя к мысли о необходимости приобретения товара. В зависимости от маркетинговой стратегии эти элементы могут находиться как на «одном поле», увлекая за собой реципиента, так и на разных. Например, если формой коммуникации была выбрана социальная сеть, то на её площадке может быть использована стратегия контент-маркетинга, в рамках которой каждая публикация (пост) будет являться не открытой рекламой, а способом налаживания отношений с потенциальным клиентом. Так сказать, местом формирования доверия к продукции или бренду. Данный элемент маркетингового дискурса не будет продавать «в лоб», но будет ступенью на пути к продажам. При этом у этой площадки и её контента могут быть свои языковые особенности для ведения «доверительного разговора» с потенциальным клиентом.

- **Оmnиканальность** – ещё один специфический признак маркетингового дискурса. Под омниканальностью подразумевается взаимосвязь различных коммуникационных каналов между собой. Она позволяет упростить процесс коммуникации с брендом и как следствие повысить лояльность и доверие со стороны потребителя.

Как это происходит на практике. Человек покупает товар через сайт, ему начисляются баллы. В следующий раз он приходит в магазин и покупает новый товар со скидкой, потому что продавец на кассе видит его баллы от предыдущего заказа (система уже сохранила информацию об этом). Потом человек заходит в приложение на телефоне, оставляет отзыв и получает бонус на следующую покупку.

Так, в каждом канале маркетинговой коммуникации с одной стороны сохраняется информация о потребителе, а с другой – ведётся постоянное общение. С позиции лингвистики омниканальность подразумевает некий единый, унифицированный формат общения с клиентом. При этом каждый канал коммуникации должен вести его в «фирменном стиле» компании. Не произвольно, как захочет любой сотрудник «на месте», а согласно единым, внутренним правилам общения бренда с потенциальным покупателем. Специфика языкового взаимодействия у каждой компании может быть разная. Тем не менее, язык должен проявляться в каждом канале одинаково. Только так можно будет рассчитывать на положительную оценку покупателя, его доверие и лояльность по отношению к бренду.

- Ещё одна черта маркетингового дискурса – это «**театральность**». Она характеризует не только рекламные слоганы, но и весь дискурс в целом. Театральность может быть применима как к теле-, радио-, интернет-рекламе, так и к другим форматам маркетинговых коммуникаций, например к проведению офлайн презентаций, промо-акций, дегустаций, перформансов в поддержку открытия нового продукта/товара/услуги и т.д. Театральность проявляется в языке через яркость, эмоциональную экспрессивность, призывность, «языковую игру», иногда через самобытность (например, в случае использования в рекламе просторечных слов), иногда даже через вульгарность и пошлость (нередко встречается реклама с «двойным смыслом»).

- **Суггестивность** – ещё один специфический признак, пронизывающий все элементы маркетингового дискурса.

Словарь под редакцией А.В. Петровского приводит следующее определение этого термина. «Суггестия (внушение) – форма межличностного и межгруппового общения, при котором передача информации происходит посредством частично неосознаваемого, направленного сигнала на вербальном и / или невербальном уровнях. Отличается от убеждения сниженным уровнем критичности и потребности в верификации информации.» [5; 8].

«Суггестивная техника делится на две большие группы: вербально-суггестивную технику и суггестию через фоновые факторы». [4, с.54] К первой относится совокупность приёмов и способов, при помощи которых реализуется словесное внушение. Например, использование слов, которые легко мысленно представить; применение речевой динамики – силу и мягкость голоса, интонацию, темп; воздействие звуко сочетаниями, рифмой, визуальными образами, картинками и т.д. Ко второй группе относится всё то, что является обрамлением словесного внушения, способствует его лучшему восприятию, усвоению, запоминанию [6; 7]. Это может быть ненавязчивая фоновая музыка, дополняющий вербальную часть видеоряда, тембр речи говорящего и т.д.

Таким образом, мы рассмотрели основные трактовки понятия маркетинговый дискурс, а также обозначили его отличительные черты, среди которых интегрированность маркетинговых коммуникаций, взаимообусловленность элементов, омниканальность, театральность и суггестивность. Каждый из них подчёркивает уникальность и специфику маркетингового дискурса и служит формированию полноты в изучении вопроса.

Список литературы

1. Брусенская, Л.А. Лингвопрагматические параметры маркетинговых коммуникаций / Л.А. Брусенская, Э.Г. Куликова // Коммуникативные исследования. – 2020. – № 2. – С. 333-350. – ISSN 2413-6182. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/314934> (дата обращения: 10.04.2024). – Режим доступа: для авториз. пользователей.
2. Гусейнова И.А. «Коммуникативно-прагматические основания жанровой системы в маркетинговом дискурсе», автореферат, М.:2010 г.
3. Карасик В.И. Речевая коммуникация: дискурсивный аспект // Грани познания: электрон. науч.-образ. журнал, 2013. – № 1. – С. 4.
4. Петрищенко Н.М. Особенности использования суггестивной техники в современной рекламе // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2014. №19-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-suggestivnoy-tehniki-v-sovremennoy-reklame> (дата обращения: 18.05.2024).
5. Словарь Психологический лексикон / Под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 176 с.
6. Фаткуллина Ф.Г. От текста к медиатексту: лингвокультурологические особенности массмедийного дискурса // Сохранение и развитие духовной культуры и родного языка в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы. Материалы

международной НПК (г. Уфа, 25 ноября 2021). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 458-460

7. Фаткуллина Ф.Г. Синтаксические средства выразительности в новостном дискурсе // II всероссийская научно-методическая конференция с международным участием «Наука. Образование. Профессия» 13-14 апреля 2023 г. – Уфа: БГАУ, 2023. С. 75-78.

8. Янбердин А.Г., Фаткуллина Ф.Г. Речевоздействующий потенциал языковой личности в институциональном дискурсе // Казанский лингвистический журнал. 2023, № 6(4) С.568-577.

© Голиус М.Ф., 2024

УДК 81'33

Голиус М.Ф.
аспирант УУНУТ,
г. Уфа, Россия

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МАРКЕТИНГОВОГО ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ АВТОМОБИЛЬНЫХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ

Одним из ключевых элементов маркетингового дискурса является реклама, язык которой можно рассматривать с различных точек зрения. В данном исследовании проведён морфологический анализ рекламных слоганов. Источником фактического материала послужили слоганы ведущих российских и зарубежных автомобильных компаний.

Ключевые слова: морфология рекламных слоганов, морфология в рекламе, морфологический аспект, рекламный слоган, рекламные автомобильные слоганы; морфологический разбор рекламных слоганов.

Если реклама – это двигатель торговли, то маркетинг – машина, внутри которой находится этот двигатель. Маркетинговый дискурс характеризуется масштабностью, интегрированностью, манипулятивной, суггестивной и прагматичной направленностью. Одним из ключевых элементов маркетингового дискурса является реклама, язык которой можно рассматривать с различных точек зрения – лексической, семантической, синтаксической, морфологической и т.д. Мы остановимся на последней.

Классическая структура рекламного объявления состоит из слогана, заголовка, базового рекламного текста и эхо-фразы. В этой структуре ведущее место отводится слогану, как самому яркому, короткому и легко запоминающемуся элементу системы [6]. Именно его мы и взяли за основу для рассмотрения с позиции морфологии. Источником фактического материала послужили рекламные слоганы ведущих российских и

зарубежных автомобильных компаний в количестве 250 единиц, полученные с использованием метода сплошной выборки посредством изучения и анализа рекламы в печати (журналы «Авторевю»; «За рулем»; «Пятое колесо»; «ТорGear»; «Клуб 4x4»), на телевидении, а также сайтов автомобильной направленности в сети интернет.

Слоган представляет собой краткую афористическую фразу, выражающую основную идею для всех сообщений в поле рекламной кампании, считает Ю.С. Бернадская. [1] По мнению М.М. Блинкиной-Мельник, слоганом можно считать краткую запоминающуюся фразу, основу рекламной коммуникации, так сказать, девиз, который выражает главную мысль коммерческого предложения. [2] Л.В. Дудникова и М.С. Шевченко делают акцент на краткости слогана и обязательном присутствии названия торговой марки. [3]

Морфологический состав рекламного слогана может быть различным. В нем могут превалировать одни или другие части речи, например, имя существительное, прилагательное или глагол. А может быть равномерное распределение частей речи в предложении без перекоса в какую-либо сторону.

В русской морфологии обозначены десять частей речи: имя существительное, числительное, прилагательное, глагол, наречие, союз, предлог, частица и междометие. Рассмотрим подробнее, как они проявляются в автомобильных рекламных слоганах.

Имя существительное. Используется в рекламных слоганах чаще всего, так как хорошо отражает рекламную идею. Может легко обойтись без помощников в виде других частей речи. Как правило, первое слово в рекламном слогане выражено именем существительным в именительном падеже, а последующие слова могут иметь другой падеж, представляя собой дополнение к нему. Например: «Прходимец класса люкс» (реклама внедорожника Hyundai Terracan); «Азарт победителей!» (реклама а/м Audi A4); «Безопасность без границ»; «Жемчужина эVOLVOлюции» (реклама а/м Volvo XC90); «Уверенность в себе» (реклама а/м Mitsubishi Carisma); «Победитель получает всё»; «Игра по своим правилам»; «Audi A6. Динамика опережения» (слоганы а/м Audi A6); «Философия вашей жизни» (реклама а/м BMW 7 серии); «Символ радости» (реклама а/м BMW 1 серии); «Путешествие первым классом» (реклама а/м Ford Galaxy).

Имя прилагательное. Является главным описательным компонентом слогана. С его помощью он приобретает особые краски. Имя прилагательное даёт рекламируемому предмету характеристику, описывает свойства и качества, позволяет ярче и образнее раскрыть смысл предложения [4]. В структуре рекламного автомобильного слогана он занимает одно из ведущих мест, хоть и не заменяет собой весь текст. Часто встречается в паре с именем существительным. Точность эпитетов позволяет подчеркнуть уникальность товара и его усилить выразительность

в глазах потенциального покупателя. Например: «Идеальный баланс – дело совершенной техники» (реклама а/м Toyota Avensis); «Верный. Надёжный. Друг» (реклама внедорожника УАЗ Патриот); «Оборотистый малый» (реклама минифургонов Renault Kangoo); «Исключительный контроль над дорогой» (реклама а/м Peugeot 406); «Большой плюс итальянского дизайна» (реклама а/м Chevrolet Lacetti).

Глагол. Эта часть речи характеризуется динамикой и мощной побудительной силой. Достаточно часто встречается в рекламных слоганах автомобилей, однако среди других частей речи занимает почётное третье место. Как правило, глагол используется в форме повелительного наклонения в составе побудительных конструкций. Зачастую «соседствует» с именем существительным, но также хорошо взаимодействует и с другими частями речи. Например: «Почувствуй размах!» (реклама внедорожника Suzuki Grand Vitara); «Покоряй мир вместе с ним»; «Где другие боятся ступить...» (реклама внедорожника Toyota Land Cruiser 100); «Чувствуешь, что управляешь!» (реклама а/м Subaru Legacy); «Притягивает взгляды» (реклама а/м Peugeot 206); «Расправь крылья!» (реклама а/м Рено Меган II Седан); «Ты меня удивляешь. Волга.» (реклама а/м ГАЗ Волга); «Следуй своей звезде!» (реклама а/м Mercedes Benz А-класса); «Зажги в себе Seat» (реклама а/м Seat в салонах Пеликан-Авто); «Развивает чувство прекрасного» (реклама а/м Chevrolet Lacetti).

Местоимение. Четвёртое место в рейтинге популярности частей речи в автомобильных слоганах занимает местоимение. Рекламисты обращаются к его помощи, когда хотят сделать акцент в виде принадлежности рекламируемого товара будущему владельцу. С помощью местоимения специалисты по рекламе позволяют «примерить на себя» чувство обладания вещью. Для этого используют местоимения второго лица единственного или множественного числа. Например: «Вы, дорога и Пежо 607. Полная взаимность» (реклама а/м Peugeot 607); «Ты и Micra. Идеальная пара» (реклама а/м Nissan Micra); «Ты создана для счастья, как Volvo для тебя» (реклама а/м Volvo к 8 марта); «Твой мир - твоя Corolla» (реклама а/м Toyota Corolla); «Ваше будущее - его цель» (реклама а/м Toyota Avensis); «Ты меня удивляешь. Волга» (реклама а/м ГАЗ Волга); «Ford Excursion. Символ вашего превосходства» (реклама а/м Ford Excursion); «Таким уступают дорогу» (реклама внедорожника Mitsubishi Pajero Exclusive); «Наш город, кажется, влюбился...» (реклама а/м Lada Kalina).

Имя числительное. В рекламных слоганах автомобилей встречается достаточно редко. Тем не менее, специалисты по рекламе иногда обращаются и к нему, как например, в рекламе автомобиля ВАЗ 2110: «Точно в десятку!» (реклама а/м ВАЗ 2110) или «Ford Maverick. сто процентов на дорогах. Сто процентов вне дорог» (реклама а/м Ford Maverick).

Что касается наречий, союзов, предлогов, частиц и междометий, то они не являются ведущими, смыслодержателями частями речи в рекламном слогане, но их наличие тоже добавляет определённую краску. Например: «Всегда желать большего!» (нареч. в рекламе автомобиля Ford Focus); «Потому, что я настоящий мужчина» (предлог в рекламе а/м УАЗ); Автомобили БМВ (BMW 7 серии); «Не как все» (частица в рекламе а/м BMW 7 серии); «Opel Astra. Для тех, кто понимает» (предлог в рекламе а/м Opel Astra).

Среди комбинаций частей речи в рекламных слоганах самую популярную группу составляют имя существительное плюс имя прилагательное. Достаточно буквально двух слов, выраженных этими частями речи, чтобы показать всю суть рекламируемого автомобиля. Например: «Renault Scenic. Семейная ценность» (реклама а/м Renault Scenic II); «Яркая личность» (реклама а/м Honda Accord); «Безупречная репутация» (реклама микроавтобуса Toyota Hiace); «Достойный выбор» (реклама микроавтобуса Toyota Hiace).

Комбинация существительного с прилагательным в сочетании с лексической точностью могут очень ёмко отразить посыл рекламодателя и привлечь внимание потенциального покупателя. Если фраза, попала «в сердце» и откликнулась у потребителя, то успех рекламной кампании гарантирован. Рассмотрим ещё примеры удачных, на наш взгляд, слоганов: «Неповторимые ощущения!» (реклама а/м Peugeot 607); «Благородный облик. Завидный темперамент» (реклама а/м Renault Megane); «Toyota RAV4. Стиль – свободный» (реклама а/м Toyota RAV4); «Максимум возможностей. Максимум свободы» (реклама а/м Toyota RAV4); «Nissan X-trail. Экстремальная натура» (реклама а/м Nissan X-trail); «Современная классика» (реклама а/м Skoda); «Очевидные преимущества» (реклама а/м ГАЗ Волга); «Хороший автомобиль» (реклама а/м ИЖ 2126); «Позитивный взгляд на погоду» (реклама а/м Mercedes Benz 4 Matic); «Широкие возможности» (реклама а/м BMW L7); «Яркий стиль жизни...» (реклама а/м Skoda Fabia); «Безупречная японская собранность»; «Настоящий японский драйв» (реклама а/м Mitsubishi Lancer).

Таким образом, изучая рекламу автомобильной тематики с позиции морфологии, мы пришли к выводу, что в структуре рекламного слогана лидирующие позиции занимает сочетание имени существительного с именем прилагательным. Эти две части речи наиболее ёмко и красочно раскрывают суть рекламируемого объекта, а также хорошо привлекают внимание потенциального покупателя [5]. Также специалисты по рекламе часто делают акцент в слоганах, используя глаголы и местоимения. Первые придают ему энергию и динамику, а вторые позволяют «примерить на себя» чувство обладания автомобилем, что психологически вызывает желание «не расставаться» с товаром.

Список литературы

1. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 6.
2. Блинкина-Мельник М.М. Рекламный текст: задачник для копирайтеров. – М.: ОГИ, 2007. С. 57.
3. Дудникова Л.В., Шевченко М.С. О роли морфологических средств в рекламном тексте (на материале английского и французского языков) // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-morfologicheskikh-sredstv-v-reklamnom-tekste-na-materiale-angliyskogo-i-frantsuzskogo-yazykov> (дата обращения: 18.05.2024).
4. Ишмуратова Л.Н., Фаткуллина Ф.Г. Выразительные средства языка: учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – 136 с.
5. Фаткуллина Ф.Г., Давлетбаева А.Ф. Терминологический аппарат категории модальности в лингвистических парадигмах // Мир науки, культуры, образования, 2020 №. 2, с. 546-548.
6. Фаткуллина Ф.Г., Большчева М.Д. Термин «медиаконвергенция» и его категориальный статус // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства / сб. статей, посв. 90-летию Закирьянова К.З. – Уфа, РИЦ БашГУ, 2021. С.183-192.

© Голиус М.Ф., 2024

УДК 81'23

Давлетова Я.А.

канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

РОЛЬ РЕАКЦИИ «МНЕНИЕ» В ХОДЕ ФОРМИРОВАНИЯ «КОНТР-ТЕКСТА» (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА ПОСЛОВИЦ)

В статье описывается экспериментальное психолингвистическое исследование, проведённое на материале текстов русских народных пословиц среди студентов и магистрантов УУНиТ. Приводится анализ полученных «контр-текстов» испытуемых. Выявляется центральная роль реакции «мнение» в ходе формирования реципиентами смысла предложенного для понимания текста.

Ключевые слова: реакция «мнение», «контр-текст», ядерная реакция, тип текста, пословица, психолингвистика.

В отечественной традиции толкования осмысления текста понимание рассматривается как процесс выражения отношения индивида к

воспринимаемой информации, его эмоциональной личностной позиции по отношению к заданному стимулу. Человек занимает определённую позицию, истолковывая и интерпретируя текст согласно своему внутреннему культурному контексту [1, 285].

Данное предположение подтверждают исследования современных учёных. Н.П. Пешкова отмечает, что в ходе понимания текстов различных типов: публицистического, научно-популярного, художественного, библейского, текстов интернет микроблогов, текстов глянцевого журналов наряду с оцениванием и перефразированием доминируют стратегии выражения мнения испытуемых о предложенных событиях и фактах [4, 467].

В 2021 году нами был проведён психолингвистический эксперимент среди 260 студентов и магистрантов Уфимского Университета Науки и Технологий математической, химической и физико-технической специальностей в возрасте от 19 до 22 лет. Реципиентам было предложено зафиксировать письменно свои мысли касательно 20 русских народных пословиц.

Используя предложенную А.И. Новиковым методику «встречного текста» [3,67], мы распределили все полученные в процессе эксперимента 5200 реакций на 19 типов: «мнение» (25,5%), «оценка» (24,2%), «генерализация» (15,2%), «констатация» (11,4%), «компликативная» (5,1%), «ориентировка» (3,1%), «картинка (рисунок)» (2,9%), «вывод» (2,1%), «перефразирование» (1,9%), «ассоциация» (1,5 %), «интертекст» (1,3 %), «визуализация» (0,9%), «прогноз» (0,8%), «инфикция» (0,6%), «предположение» (0,6%), «эмоция» (0,4 %), «аргументация» (0,3%), «перевод» (0,3%), «констатация отсутствия знаний» (0,1%) [5, 30].

Затем весь набор реакций был распределён на две группы: релятивные (реакции, связанные с осмыслением информации) 69,9% и содержательные (реакции, связанные с содержанием текста) 30,1%.

Очевидно, что реакция «мнение», входящая в состав большей группы релятивных реакций занимает первое место, составляя 25,5 % от общего числа полученных реакций. Таким образом, данный тип реакции входит в число «ядерных», наряду с такими реакциями, как «оценка», «генерализация», образуя модель понимания прецедентного текста в виде пословиц, которая есть часть общей интерактивной модели, которая разрабатывается А.И. Новиковым, Н.П. Пешковой, И.В. Кирсановой, А.С. Титловой, А.В. Моисеевой, И.Х. Миграновой [4,463].

Обратимся к примерам реакции «мнение», которая зачастую присутствует совместно с реакцией «оценка», на пословицу **«На Бога надейся, а сам не плошай»:**

и.Р.Ю. – *По-моему, на Бога вообще надеяться нельзя: только на себя родимого (мнение+оценка).*

и. И.Т. – *Далеко не уйдёшь, на Бога понадеявшись... (мнение)*

и. О.Л. – *Я думаю, у каждого ответственность за свои поступки на нём самом. Бог тут не при чём (мнение).*

и. П.Р. – *Я в Бога совсем не верю. Нет никакого Бога. Человек сам должен отвечать за свои поступки (мнение)*

и. А.П. – *Бога вообще нет никакого. Всё зависит от самого человека (мнение).*

Испытуемые высказывают согласие с пословицей, выражая явное недоверие к существованию Всевышнего, влияющего на земные события. По их мнению, только сам человек может и должен управлять своей жизнью, в силу своих возможностей и способностей контролировать её.

Напротив, с пословицей **«Один в поле не воин»** реципиенты в большинстве своём не согласны, демонстрируя уверенность в том, что один умный, образованный человек вполне может самостоятельно противостоять трудностям, добиваться желаемого в одиночку.

и. Т.Р. – *Нужно всем держаться вместе. Так легче и лучше.(мнение+оценка).*

и. Я.В. – *В толпе люди превращаются в стадо (мнение+оценка).*

и. П.Н. – *Ну, отчего же...иной один человек лучше ста...(мнение)*

и. Н.Р. – *Может это раньше так было, когда люди не такие образованные были. Сейчас один нормальный умный человек сам со всем может справиться (мнение+оценка).*

и. А.Д. – *Бред. И раньше были богатыри. Вполне себе по одному сражались. И сейчас так (ассоциация+мнение+оценка).*

Интерес представляют, по нашему мнению, реакции на пословицу **«Терпение и труд всё перетрут».**

и. Л.Д. – *Ну, как сказать, терпение и труд. Иногда вовсе не терпение и не труд, а кое-что другое играет роль... (нарисованы деньги, памада) (мнение+рисунок).*

и. И.Т. – *Знал я одну трудягу: отличница, умница, а сейчас на трёх работах и в обносках ходит. Не нравится мне такая история...сейчас всё дело в другом (ассоциация+оценка+мнение).*

и. П.З. – *Опять двадцать пять. Трудности, сложности, терпение. Сколько можно! Прошлый век. Легче надо жить. Все счастливые люди живут легко, а не трудясь и терпя (нарисованы смайлики) (оценка+мнение+рисунок).*

и. К.Д. – *Труд в целом, конечно, сделал из обезьяны человека. Или может не труд, а мозг? Вот, что действительно важно. Если есть хороший мозг – вряд ли нужно будет трудиться много. Надеюсь, в будущем так и будет. Так и гораздо приятнее (генерализация+мнение+оценка+прогноз).*

и. А.П. – *Знаю много -много людей, которые трудятся. Но нравится ли мне их жизнь – вряд ли (смайлик). Знаю много людей на расслабоне - и живущих в кайф (смайлик). Буду стремиться ко вторым. Кому нужны*

эти страдания? (ассоциация+оценка+мнение+рисунок+прогноз+предположение).

По большей части все реакции являются компликативными, т.е. сочетают в себе целый набор ряда различных реакций: «мнение», сопровождаемое «рисунком (или смайлом)», часто вызывает «ассоциации» у испытуемых с их жизнью и прошлым, провоцирует на «оценку» и прогнозирование будущих событий.

Прослеживаемая практически во всех реакциях реципиентов концентрация на своём «я», уверенность в своей правоте, порой эгоцентричность связана, на наш взгляд, с изменившимися за последние десятилетия условиями коммуникации [5, 46]. Окружённый новейшими способами общения и получения информации, человек получает совершенно иные возможности для самостоятельной реализации своих планов и идей, находясь в меньшей зависимости от общества.

Согласно анализу полученных в ходе нашего эксперимента данным при восприятии текстов русских народных пословиц стратегии с явным преобладанием реакций релятивного плана доминируют. В процессе понимания и осмысления любого типа текста реципиент завуалированно или в явной форме выражает своё мнение относительно представленной информации.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 281-307.
2. Давлетова Я.А. Использование текста пословиц в ходе психолингвистического эксперимента // Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Фаткуллиной Флюзы Габдуловны. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. С. 97-99.
3. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 64-76.
4. Пешкова Н.П. Уфимское направление исследований в русле «Школы А.И. Новикова»: порождение и восприятие текста; интерактивная модель понимания текстов различных типов//Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966-2021): Коллективная монография. – М.: Институт языкознания – ММА, 2021. – С. 463-470.
5. Пешкова Н.П., Давлетова Я.А. Стратегии восприятия прецедентного текста в условиях информационного обществ (на материале результатов экспериментальных исследований 2012-2022 гг.) // Вопросы психолингвистики. – 2023. – № 4(58). – С. 26-46.

© Давлетова Я.А., 2024

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (на материале немецкого языка)

В статье на материале немецкого языка рассматривается экономическая лексика. Предметом исследования являются сложные слова. Подробно анализируется структура сложных слов данной тематической группы. Полученные результаты могут использоваться на практических занятиях по лексикологии немецкого языка.

Ключевые слова: *сложное слово, структура, структурный тип, компонент, аббревиатура.*

В настоящее время отмечается бурный рост достижений науки и техники, появляются новые технологии, на биржевых и фондовых рынках можно встретить различные наименования индексов ценных бумаг. Всё это способствует появлению в языке большого количества новых слов в составе экономической лексики различных европейских стран.

Немецкий язык обогащается за счёт заимствований, которые используются не только в качестве производящих основ, но и выступают в качестве компонентов сложных слов. А.Даргиевиц указывает на следующие четыре способа обогащения словарного состава языка:

«-Bildung neuer Wörter auf der Grundlage des schon existierenden Wortschatzes mit Hilfe von verschiedenen Wortbildungsmitteln,

- Bindung der schon existierenden Wörter in neuen phraseologische Einheiten,

- Verleihung neuer Wortbedeutungen,

- Übertragung von Wörtern und phraseologischen Verbindungen aus fremden Sprachen in die Zielsprache» [1, с.61].

Другой особенностью изменений в современном немецком словообразовании, отмечаемой автором, является образование фразовых композитов, дериватов и фразовой конверсии, подтвердим примерами из нашего материала: die Start-up- Areas- und Bühnen, die Omni- Channel- Strategie, die Mikro Chip- Aktie, die Off- Price- Plattform.

Для анализа нами было отобрано 116 сложных слов. Материалом для исследования послужили электронные источники немецкоязычных газет и журналов: Handelsblatt, Wirtschaftswoche, Capital, электронный вариант газеты Financial Times.

В ходе исследования нами было выделено пять основных структурных типов:

1. аббревиатура + немецкая основа, напр.: die G7-Industriestaaten, der CAD-Anbieter, der DAX-Wert, die EBIT -Marge;

2. английская + немецкая основа (18 слов), ср.: Online-Druck-Anbieter, Off- Price- Plattform, Ticketsteuer, Fondsmanagement- Einheit;

3. немецкая + английская основа, ср.: Einstiegschance, Bauboom, Billigairline, Einkaufsmanager;

4. соединение двух английских основ (6 слов), напр.: Highlights, Daytrading, Investmentbanker;

5. соединение двух немецких основ (всего 56 слов из 117), напр.: Tagesgeld, Bezugsrecht, Gewinnwachstum, Rücklaufprogramm, Großhandelpreis, Sechserbündnis и др.;

6. имя собственное + немецкая основа (5 слов), напр.: Reuters-Umfrage, Bosch-Tochter, Wall-Street- Schlagzeile, Handelsblatt-Ratgeber.

Имена собственные в составе сложных слов представлены в нашем материале названиями агентств: Reuters, именами известных людей, именем которых названы концерны и компании Bosch, названия печатных изданий: Handelsblatt, Wall- Street.

Перед началом исследования нами было сделано предположение, что в экономической лексике английские компоненты будут наиболее частотными, т.к. Великобритания является центром финансовых бирж и экономических сделок. Однако проведённое исследование показало, что английские компоненты, как и заимствования из английского языка в целом, представляют собой один из компонентов слов, относящихся к экономической лексике, но они относятся к не самым продуктивным компонентам.

Наиболее продуктивной оказалась группа слов, представляющая собой сложение двух немецких основ. В процентном отношении слова данной группы составили 50% от общего количества отобранных для анализа слов. Приведём структурный состав слов данной группы в таблице (Табл.1).

Таблица 1. Структурные типы сложных слов (две немецкие основы).

Сущ.+сущ.	Прил./ наречие + сущ.	Сущ.+ девербатив	Глагол.основа + сущ.	Девербатив + сущ.
Wertpapierbesitzer	Festgeld	Börsengang	Werbegeld	Bezugsrecht
Dividendenzahler	Mindest-Dividende	Marktbewertung		
Großhandelpreis	Hoch-Dividenden-Zahler			
Erzeugerpreis	Privatanleger			
Fastenmonat Tanktourismus	+	+	+	

Наиболее распространённым структурным типом является тип «Nomen + Nomen» (всего 50 % из 56 слов).

Сложные слова данной структурной модели можно распределить на несколько тематических групп:

1. экономические термины (в том числе названия заработков), ср.: Vergütungsmodell (Vergütung - вознаграждение), Rücklaufprogramm, Gewinnwachstum, Erzeugerpreis;
2. биржевая лексика, ср.: Festgeld, Werbegeld, Tagesgeld, Aktienrücklauf, Zermürbungstaktik, Leitindex, Ausschüttungspolitik, Gutscheine-Rabatt-Lotterien;
3. названия банков и организаций, ср.: Haushaltgerätehersteller, Nutzfahrzeughersteller, Geldhaus, Tochterbank, Sechserbündnis;
4. названия законов и деклараций и другие абстрактные слова, ср: Dividendenerhebung, Steuererklärung, Zinssenkung, Luftverkehrsteuergesetz, Dienstleistungssteuerung;
5. наименования лиц (вкладчиков, эмитентов, участников торгов и т.д.), ср.: Dividendenzahler, Aktienanleger, Vermögensverwalter, Kapitalanleger, Dividendenjäger, Mode-Filialisten и др.);
6. юридические термины: Bezugsrecht;
7. наименования налогов и налоговых деклараций: Kerosinsteuer, Steuererstattung, Steuererklärung, Steuerdschungel, Luftverkehrabgabe;
8. названия и виды сделок: Geschäftsmodell;
9. другие абстрактные слова: Dreifünftelmehrheit, Anti-Klima-Schutz-Bewegung, Wertpapierbesitz, Marktbewertung, Stichwahl.

Рассмотрим структурный тип, один из компонентов которых относится к аббревиатурам. Таких слов в нашем материале 24, что составляет 21% от общего количества слов.

Аббревиатуры могут обозначать следующее:

1. CAD/CAM-Compute Assisted design/Computer Aided Manufacturing, ср.: CAD/CAN- Pionier, CAD-Anbieter;
2. MuM- Mensch und Maschine, ср.: MuM Software-Segment, MuM-Aktie. Данной аббревиатурой обозначают одного из представителей компьютерных дизайнерских объединений;
3. EBIT-Earnings Before Interest and Taxes (<https://www.audit-it.ru>), так называют прибыль до вычета процентов и налогов. Этот показатель промежуточным между между валовой и чистой прибылью, напр.: EBIT-Marge;
4. DAX - от английского Data Analysis expressions. Данной аббревиатурой обозначают фондовый индекс Германии, он служит для анализа данных, приведём пример: DAX, MDAX und SDAX- Werte (MDAX - индекс среднего капитала, следующий за DAX, включает 50 крупнейших компаний [10], SDAX - следующий за MDAX, включает 70 крупнейших компаний там же;

5. OEM - англ. Original equipment manufacturer. Данное сокращение служит для обозначения фирмы, которая размещает заказ на производство своей продукции «на стороне» [9], напр.: OEM-Bereich;

6. G7 - обозначение ведущих в экономике стран мира, ср.: G7-Industriestaaten;

7. BWL- Betriebswirtschaftslehre (duden online), ср.: BW- Studium;

8. Краткое обозначение стран, напр.: США - US, ср.: US-Mess- und Analysedienstleiter, US-Medien- Berichter;

9. Обозначения банков, используемые в целях языковой экономии, ср.: EZB-Bankenaufseher/здесь EZB-Europäische Zentralbank.

Многие современные исследователи отмечают эту особенность современного немецкого языка, для этого используют два термина: die Kurzwortbildung и die Kurzwort-Bildung [1,67]. Флейшер и Барц понимают под первым типом сокращение слов (Wortreduktion), во втором - комбинацию сокращённых слов с другими словами [Флейшер, Барц 1995, 220]. Появление большого количества сокращений авторы связывают с бурным развитием науки, техники, экономики и управления, а также влиянием английского языка [1, 67].

Следующим структурным типом является сочетание в сложном слове английской и немецкой основ (10 слов, что составило 17% от общего количества слов). Английские компоненты представлены разными частями речи: существительными, напр.: Ticket Steuer, наречиями: Off- Price-Plattform, Online-Partei, Fast-Fashion-Händler, Mikro-Aktie, прилагательными: Private-Equity-Fonds, CHP-Chef.

Структурный тип «немецкая + английская основа» представлен всего 7 словами. Результат исследования покажем в таблице 2.

Таблица 2. Структурный тип «немецкая + английская основа».

нем.субст.основа + прилаг. + англ.субст.основа	нем. + англ. субст.основы	нем. глагол. основа + англ.субст. основа
Preis-Free-Cashflow	Einstiegchance	Bauboom
	Klimakiller	Einkaufsmanager

Приведём примеры структурных типов, не вошедших в таблицу: немецкая субстантивная основа + сложное слово с английским компонентом: Aktien-Anleihefonds, немецкая адъективная основа + английская субстантивная основа: Billigairline.

Наименее многочисленной оказалась группа сложных слов, представляющих собой сочетание двух английских основ, подтвердим примерами: Depotcheck, Daytrading, Airline-Manager, Investmentbanker, Hedge- Fonds.

Всего одно слово состоит из трёх английских основ: Private-Equity-Fonds.

Все вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Частотными компонентами сложных слов, относящихся к экономической лексике, являются аббревиатуры.

2. Наиболее распространённым типом оказался структурный тип, объединяющий две немецкие основы (50%).

3. Наличие английских компонентов и английских основ в составе немецких композитов в группе экономической лексики объясняется, на наш взгляд, доминированием Великобритании на финансовом и фондовом рынке Европы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в структуре экономической лексики отражаются общие тенденции современного немецкого словообразования.

Список литературы

1. A. Dargiewitz. Die Sprache lebt und verändert sich. Zu neuen Tendenzen in der deutschen Wortbildung//Acta Neophilologica, XIV(1)?2012/S/61-76.

2. W.Fleischer, I.Barz. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen.S.220.

3. Financial Times. Электронный ресурс: URL: //https://www.ftd.de/boerse/ (дата обращения: 17.04.2024).

4. Журнал Capital.de. Электронный ресурс: URL: //https://capital.de (дата обращения: 29.04.2024).

5. Электронная газета Handelsblatt. Электронный ресурс: URL://https://www.handelsblatt.com (дата обращения: 17.04.2024, 29.04.2024, 07.05.2024).

6. Журнал ökologisches Wirtschaften. Электронный ресурс. URL: //https://www.wiwo.de/podcast/chefgesprach/ (дата обращения:12.05.2024).

7. Электронный ресурс: URL:audit-it.ru (дата обращения: 08.05.2024).

8. Электронный ресурс: URL: //https//stomshop.pro>cad-cam (дата обращения: 10.05.2024).

9. Электронный ресурс: URL: https://www.puxelier.ru>что (дата обращения: 10.05.2024).

10. Электронный ресурс: URL: //https://eulerpool.com>акции-index (дата обращения: 11.05.2024).

© Каримова Р.Х., 2024

Касымова О.П.

*д-р филол. наук, профессор УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

НЕОЛОГИЯ В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ)

Статья посвящена вопросам терминосистемы, профессиональной лексики. Автор отмечает снижение стиля современной литературной интернет-критики, приближение его к свободной публицистической форме изложения, адаптацию текста к современной разговорной речи. В речь профессиональной и любительской интернет-критики активно включаются потенциальные слова и жаргонизмы.

Ключевые слова: терминосистема, литературная критика, неология

В настоящее время исследование терминологии находится в центре внимания многих лингвистов как в теоретическом, так и в практическом отношении [1; 4; 5]. Это связано с тем, что развитие науки и промышленности привело к пониманию важности терминологии, от качества которой зависит успех и взаимопонимание как промышленников, так и ученых. Общие требования к терминологии сформировались в течение XX века: она должна быть точной, принятой большинством профессионалов не только в одной стране, но и в других странах, что обусловлено глобальным характером современной промышленной и экономической деятельности. О. Бергер отмечает, что «зарождение терминоведения как отдельной науки в Европе связано именем австрийского ученого Ойгена Вюстера. В 1931 г. он написал докторскую диссертацию «Международное нормирование речи в технике и электронике», в ней он отметил, что следует отдавать «предпочтение греческим и латинским основам при выделении терминов из лексикосферы национального языка» [2, с. 13].

Не только лингвисты, но представители всех других областей знания занимаются изучением процесса обогащения языка за счет появления новых слов и терминологических сочетаний, расширения значения уже существующих слов и за счет заимствований. Понимание важности интернационального характера терминов привело к тому, что в последней трети XX в. была создана «Международная организация по унификации терминологических неологизмов» (МОУТН). Одна из целей этой организации – законодательная защита авторства новых терминов. В 2002 г. эта организация была преобразована в Международную организацию специальной терминологии (МОСТ). Европейский секретариат возглавила

лингвист из Словении доктор наук Мариетта Хумар, а Азиатский филиал – российский лингвист Л. Б. Ткачева.

Термины составляют терминосистему. По мнению Е.А. Никулиной, само понятие «терминосистема» нашло широкое распространение после терминологической конференции 1967 г. [6, с. 126]. Само представление о системности терминов в той или области базируется на представлении о том, что материальный и идеальный миры образуют сложную систему. Назначение терминов – соответствовать этой системности. Но исследование терминосистемы обнаруживает, что она складывается стихийно, ее системность особого рода, логически не строгая, содержащая неопределенное количество лингвистических единиц. Это обусловлено тем, что терминосистема в той или иной области знания отражает не саму эту отрасль, а теорию этой области. Если для объяснения фактов действительности сформировалось несколько теорий, то и терминосистем в одной сфере знания будет несколько.

Терминология и профессионализмы являются частью общелитературной лексики, они составляют одну из подсистем общелитературного языка, поэтому общие лексические процессы так или иначе присутствуют и в терминосистеме (см. [3]). Одним из заметных явлений является, с одной стороны, устаревание, архаизация терминов, а с другой – появление новых слов и выражений в области терминологии. Среди словообразовательной неологии обычно выделяют три вида: неологизмы, потенциальные слова и окказионализмы.

Как считают С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова, «неологизмы – слова, которые приобретают характеристику общественно узаконенных номинаций и, появившись в определенный период, постоянно воспроизводятся и в конце концов принимаются языковой традицией» [7, с. 409]. Процесс создания потенциальных слов не противоречит уже существующим в языке моделям, поэтому они понятны без контекста, но эти слова не входят в словарный состав языка. Окказионализмы – индивидуально-авторские слова, существующие лишь в том контексте, в котором они появились. Состав терминосистемы и профессиональной лексики в целом изменяется, общая установка последних десятилетий на демократизацию языка сделала заметным этот процесс.

В выбранной нами для исследования области наблюдаются все лексико-семантические процессы, присущие лексике вообще. В качестве предмета исследования мы взяли новую профессиональную лексику в области литературоведения (например, *алексия*, *автоклонейд*, *телевизировать* и др.), используемую в интернет-дискурсе. В качестве объекта исследования были взяты статьи современных критиков из журнала Вопросы литературы за 2010 г. (Абдуллаев Е. Парадокс Херсонского, или «Нарисовать человека».

URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/6/ab4.html>. Дата обращения 05.04.2024);

Саломатин А. «Я хочу быть любим, но не вами...». URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/6/sa5.html>. Дата обращения: 02.05.2024), а также читательские чаты, в частности «Книга фанфиков» (URL: <https://ficbook.net/?ysclid=lvw9k1sfx214055782>. Дата обращения: 07.05.2024).

Пополнение литературоведческих терминов происходит прежде всего за счет заимствований (*«трэшное» невыстрелившее ружьё, авторский «месседж», тексты разряда «нон-фикшн», мегабайки*). Заметную роль в терминообразовании играет образование новых слов на основе русских и заимствованных морфем. Часто с их помощью образуются потенциальные слова (*плохопись Емелина, аграмматизмы, поэт-правдоруб, внутренний писатель*).

В качестве нового явления следует отметить то, что в современных литературно-критических статьях активно используются неuzuальные слова в качестве эпитетов. Так, А. Саломатин в своих статьях применяет такие прилагательные, как: *«камедиклабовские виртуозы сортирно-перверсивного юмора», «незашикуренная» стихотворная речь*. То, что они созданы по зуальным словообразовательным моделям и имеют актуальную корреляцию с современными социально-культурными явлениями, делает их понятными без контекста.

Окказионализмы встречаются, по нашим наблюдения, реже. Например, слово «эпохалки», взятое вне контекста, не вызывает четких ассоциаций. Значение конкретизируется лексическим окружением: *«отечественные эпохалки»* (Литературная газета, 2007, № 45, с. 10) – отечественные фильмы эпохального масштаба.

Развитие нового значения у зуальных слов также следует отнести к неологии. Например, в словосочетаниях *«синдром сроконожки» (кризис темы в нынешней поэзии), липовая литература (литература с установкой на вымысел), слипшаяся литература (произведения «свободного» жанра, без границ между другими жанрами), замкнутое кольцо уробороса (это слово в данном контексте обозначает герметичность современной критики: уроборос – это символ, изображающий змею или дракона, который пожирающих свой хвост), полароид (фотографически точное изображение жизни в литературном произведении) хорошо знакомые читателям слова приобретают новое значение.*

Отдельно следует отметить как новое явление активное использование в читательской интернет-критике жаргонной лексики и сленгизмов: *«Я бы отнесла эту книгу к категории «мастрид», «классная, супер <...> очень крутая книга»* [Источник: <https://www.litres.ru/book/lev-tolstoy/voyna-i-mir-66691848/>]. Вместо терминов часто используются неформальные замены. Так, «Книга фанфиков» стала называться несколькими жаргонными формами: «фикбук» (перевод на английский), фб (аббревиатура от «фикбук»), кф (аббревиатура от оригинального названия).

В качестве вывода отметим, что современный стиль литературной критики имеет тенденцию к свободной публицистической форме изложения, стремление к адаптации литературно-критического текста, традиционно воплощавшего нормы письменной речи, к современной профессиональной разговорной речи. В этой связи в ней активно используются потенциальные слова как элемент языковой игры, создающей экспрессивный текст. Окказионализмы используются реже. Терминология неофициальной читательской интернет-критики имеет тесную связь с жаргонизмами, на каждое «закрепленное» в определенной сфере понятие имеется жаргонный эквивалент, созданный участниками той или иной группы.

Список литературы

- 1.Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик, 1999. 214 с.
- 2.Бергер О. История изучения термина: основные теоретические понятия терминоведения//Berger, Olga. Синтаксические термины в русском и чешском языках: сопоставительный аспект (на материале выбранных терминов). Izdanije prvoje Brno: Masaryk University Press, 2021, pp. 12-40.
- 3.Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. Учебное пособие. Сетевой ресурс: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/part-009.htm>
- 4.Гринёв С.В. Введение в терминоведение. – М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
- 5.Дворцова Н.П. Филологический дискурс // Вестник ТюмГУ, 2000. Вып. 1. С. 4-7.
- 6.Никулина Е.А. Взаимодействие и взаимовлияние терминологии и фразеологии современного английского языка. Монография. – М.: «Прометей», 2004. – 126 с.
- 7.Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2003. – 504 с.
- 8.Полякова Е.В. Неологизмы в современной Российской прессе / Е.В. Полякова // Филологические науки: состояние, перспективы, новые парадигмы исследований: материалы IV Международной научной конференции / отв. редактор А.Р. Мухтаруллина. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. – С. 227-229. – EDN MROOMN.

© Касимова О.П., 2024 г.

Кудряшева Ф.С.

канд. филол. наук, доцент УУНиТ,

г. Уфа, Россия

Сабатье К.

г. Бордо, Франция

О РОЛИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается значение стилистического контекста для создания экспрессивной изобразительности в художественном тексте на материале романа известного французского писателя-постмодерниста Б.Вербера «Les Fourmis». Контекст позволяет читателю глубже понять авторские интенции особенно в модернистском тексте, характеризующимся слиянием жанров и появлением в его языковой структуре лексических элементов малой предсказуемости. Этот прием позволяет автору создать индивидуальную стилистику текста.

***Ключевые слова:** стилистика декодирования, постмодернизм, предсказуемость, стилистический контекст, стиль, реципиент, метафора, сравнение.*

В современных исследованиях, посвященных художественному тексту, стилистика декодирования представляет наиболее эффективную возможность для расшифровки многочисленных кодов, которые в нем заключены. Художественный текст определяется как вербальное сообщение для хранения и передачи информации, ориентированное в первую очередь на реципиента. Стилистика декодирования позволяет проникнуть в его глубинное содержание и раскрыть наиболее полно авторские интенции.

Современная французская литература как явление постмодернизма несет в себе не только личностную интерпретацию действительности. Картина мира, изображаемая в постмодернистских текстах, реализует также совершенно новую стратегию письма, которая усложняет процесс понимания текста со стороны его реципиента.

Стилистика декодирования обращается к понятию контекст, позволяющему произвести проникновение в глубинные пласты произведения. В процессе восприятия художественного текста читатель может пропустить иногда важные смыслы в его содержании. В этой связи возрастает роль стилистического контекста и стилистических приемов, позволяющих обратить на них внимание. Так, И. Арнольд утверждает, что теория контекста направлена на то, чтобы не рассматривать текст как линейную последовательность слов. Лексические элементы языковой структуры текста вступают в определенные внутрilingвистические и

экстралингвистические отношения между собой, благодаря которым создается стилистическая изобразительность [1,83-85].

Стилистика декодирования предполагает связь контекста с явлением предсказуемости, которое направляет в определенной степени восприятие и расшифровку текста. Стилистический контекст характеризуется присутствием лексической единицы низкой предсказуемости [4,69-97]. Стилистический контекст может подвергаться нарушению из-за появления в нем неожиданного элемента, который создает контраст и подчеркивает тем самым индивидуальность авторского стиля.

Исследователи современной французской литературы подчеркивают единодушно тот факт, что конец 20 и начало 21 века характеризуется как эпоха постмодернизма. Она размывает границы между философией, наукой, эстетикой и литературой. Отечественный теоретик постмодернизма И. П. Ильин утверждает, что «увлеченность идеями постмодернизма стерла грани между философией, наукой, эстетикой и литературой. Изощренная стратегия языковых игр, многообразие этнокультурных кодов, релятивность истины, эклектичность, пастишизация, цитатность, аллегоричность и символизм выражения, ризоматичность, интертекстуальность и использование элементов различных традиционных и жанровых форм характеризуют появление постмодернистских литературных произведений» [3, 10].

Б. Вербер является одним из ярких представителей постмодернизма во французской литературе. Это популярный писатель-фантаст, романы которого отличаются глубоким изучением роли человека в современном мире и его взаимоотношения с природой. Произведения этого автора отражают социальные, культурные и политические события современной эпохи, ее вызовы и проблемы. Трилогия с необычным названием «Муравьи» описывает жизнь современного общества, обращаясь к изображению жизни муравьев как параллельного мира.

Целью настоящей статьи является выявление художественного своеобразия прозы Б. Вербера на материале трилогии «Муравьи» в контексте французского постмодернизма, а также роли стилистического контекста как проявления авторской индивидуальности.

Актуальность работы заключается в том, что изучение теоретического материала по постмодернизму и языковых средств формирования его стилистического контекста в романе Б. Вербера позволяет выявить индивидуальные особенности авторского стиля.

В работе применялись методы сравнительного, структурно-семантического анализа, метод научного описания, метод сплошной выборки и литературный анализ.

Отметим, что стиль художественной литературы представляет открытую систему. Автор текста вправе выразить свою концепцию, осуществляя собственный выбор языковых средств экспрессивности. В

художественном тексте стилистически нейтральная литературная норма может также сочетаться с различными функциональными стилями, которые создают основания для формирования контраста как приема воздействия на читателя при восприятии текста. Чтобы представить стилистические особенности текста Б. Вербера следует напомнить, что постмодернизм использует игру с жанрами и их сочетаниями, проводит эксперименты с восприятием текста. В тексте Б. Вербера присутствуют разные функциональные стили (научный, фантастический). Данная трилогия может рассматриваться в рамках постмодернизма как проявление стилевого синкретизма, поскольку в нем соединяются разные стилевые жанры. В результате теряется его стилистическая однородность.

Художественная литература реализует множество задач, среди которых первостепенной является реализация эстетической функции посредством применения экспрессивных средств и обращением к метафорическому свойству слов. Образность становится основным приемом художественного отражения действительности. Изобразительные свойства языка проявляются в различных тропах и фигурах речи.

В тексте Б. Вербера начинают присутствовать и новые лексические элементы такие, как биологическая лексика, научная и профессиональная терминология. В структуре художественного текста появляются документы, что свидетельствует о смешении стилей и одновременно являются важными средствами создания его индивидуальности. Именно лексика становится основным источником продуцирования этой выразительности. Она обладает этой возможностью независимо от семантики слова. Так, метафора как важное изобразительное средство, появляется в тексте Вербера для выражения новой темы - природного явления, представленного муравьями как определенной разновидности насекомых, проживающих на земле. Она создает определенное настроение и художественное представление о нетрадиционных героях своего произведения. Название одного из романов трилогии настраивает читателя на необычность контекста, описываемого автором. Она называется «*La Revolution des fourmis*». Данный заголовок является смысловой и композиционной доминантой текста. Он воспринимается читателем неоднозначно, и если его связать с сюжетом произведения, ему разрешается выполнять как ретроспективную так и проспективную функции, подготавливая читателя к необычным для его ментальности событиям.

Заголовок реализует практически все категории текста. Художник благодаря метафорическому заголовку создает свою картину мира, адресованную читателю.

Эффект ее воздействия на читателя происходит в результате создания эмоционального контекста. Возникает ситуация непредсказуемости из-за использования второго составляющего заголовка, усиливающегося его экспрессивность. Появление в заголовке слова «Муравьи» создает в тексте

новое пространство, характеризующееся особой сложностью. Она заключается в том, что в тексте сосуществуют пространство человека и пространство муравьев. Повествовательная структура произведения претерпевает изменения и усложняется. Интерпретация рассматриваемого текста требует учета авторской позиции к изображаемому. Так, в контексте предложения «Il allait dialoguer avec les fourmis dans une perspective politique» наблюдается авторское отношение к изображаемому. Она проявляется через доминанту, которая выражается в повторе слова «муравей» на разных уровнях системы текста. Высокая частота его употребления и наполненности в нем информации, позволяет утверждать, что это ключевое слово всей трилогии.

Метафора часто используется в тексте Б. Вербера как способ создания поэтической картины. Н.Д. Арутюнова полагает, что «художник отталкивается от обыденного взгляда на мир. Он не мыслит в широких терминах классов, а в метафоре заключено имплицитное противопоставление обыденного видения мира необычному, вскрывающему индивидуальную сущность предмета» [2, 17]. Метафора позволяет автору придать своему тексту новизну и необычность, показать ассоциативность своего мышления. Так, в предложении «Julie rampait sous l'épiderme de la planète» метафора «эпидермис планеты» показывает влияние научной лексики на создание данного приема выразительности. В мире, созданном автором, появление этого приема естественно. Он подтверждает взаимодействие двух стилей для передачи атмосферы текста - научного и художественного. Метафора актуализирует постоянно весь контекст романа. Она выполняет воздействующую на воображение читателя функцию, формирует определенную модель отношения к информации, выполняется также прагматическая установка автора произведения. Функциональная метафора выступает сильным средством изменения сознания читателя и создание в его воображении новой картины мира и формирования эмоционального пространства текста. Таким образом, в тексте Б. Вербера метафора способна выполнять функцию воздействия на воображение читателя, формировать новое представление о мире, создавать индивидуальную модель мира.

Наряду с метафорой в тексте присутствуют сравнения, создавая контекст для появления необычных образов и героев. Так, в предложении «Elle se mit a se draper dans les vibrations de sa voix comme dans un cocon protecteur» сравнение носит необычный характер из-за появления в нем слова- термина «cocoon». Этот прием содержит также элементы новизны, неожиданности и оригинальности. Оно придает тексту Вербера стилистическое разнообразие и выразительность. Сравнение часто связано с передачей душевного состояния главных героев романа. Семантическую характеристику сравнений в тексте Вербера следует производить на основе семантики всех составляющих этого приема. Стилистическая функция

сравнений разнообразна, но в тексте Б. Вербера речь не идет об устоявшихся сравнениях. Сравнение выполняет прагматическую функцию, призванную показать новую и сложную для восприятия читателем, идею. Сравнения Б. Вербера можно отнести к числу индивидуальных, встречающихся в произведениях художественной литературы.

Подводя итог краткому анализу выразительности языка Б. Вербера, можно отметить, что он использует в своем тексте элементы научного стиля, которые получают отражение в стилистических приемах. Экспрессивность метафор, сравнений усиливается за счет эффекта обманутого ожидания, основанной на невозможной предсказуемости этих лексических единиц.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта, 2016. – С. 83–85.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 17.
3. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетий: Эволюция научного мифа. – М., Интрада, 1998. – С. 10.
4. Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвостилистика. – М.: Прогресс, 1980. – С. 69–97.
5. В. Werber. Les fourmis. – P.: Albin Michel, 1991-1992. – 279 p.

© Кудряшева Ф.С., Сабатье К., 2024

УДК 81'26

Петухов А.С.
аспирант СГУ,
г. Сочи, Россия

ФЕНОМЕН РЕДУПЛИКАЦИИ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ ТИПОВ

В статье исследуется явление редупликации в языках разных типов, а именно в синтетическом (русский), аналитический (английский) и агглютинативном (финский). В основе исследования лежит компаративный анализ, позволяющий выявить сходства и различия в данном многоаспектном явлении.

Редупликация, повторение языковых элементов, таких как звуки, слоги или слова, является широко распространенным явлением во всех языках. В этой статье исследуются разнообразные функции редупликации в трёх разных языках: русском, финском и английском.

Путем сравнительного анализа раскрываются экспрессивные, звуко-символические, уменьшительно-ласкательные, итеративные и множественные функции, которым выполняет редупликация в каждом языке.

В конечном счете, в статье подчеркивается универсальность редупликации как лингвистического инструмента, улучшающего общение путем передачи нюансов значений, эмоций и звуковых представлений.

Исследование подчеркивает межъязыковые сходства и различия в использовании редупликации, проливая свет на богатую палитру языковых выражений. В статье подчеркивается универсальность редупликации как лингвистического инструмента, способствующего более качественному общению путем передачи нюансов значений, эмоций и звуковых представлений.

Ключевые слова: *редупликация, редупликант, синтетический язык, аналитический язык, агглютинативный язык, компаративный анализ. лингвистические функции, межъязыковое сравнение.*

Лексическая редупликация, или феномен повторения слова или части слова для образования новых лексических единиц, является распространенным морфологическим явлением, наблюдаемым во многих языках мира [1, 12]. Это лингвистическое явление выполняет различные лексико-грамматические и стилистические функции, такие как обозначение множественности, выражение интенсивности или создание новых смысловых нюансов.

Целью настоящего исследования является изучение и сравнение закономерностей словообразования и функций лексической редупликации в трех типологически различных языках: русском, английском и финском.

Цель исследования двоякая: во-первых, выявить и проанализировать различные типы лексической редупликации, используемые в этих языках, и, во-вторых, изучить семантические и прагматические последствия, связанные с редуплицированными формами. Исследуя эти аспекты в языках с разнообразными лингвистическими структурами, данное исследование стремится выявить потенциальные универсальные тенденции, а также специфичные для языка особенности в использовании и формировании редуплицированных лексических единиц.

Концептуальная основа данного исследования основана на принципах морфологической типологии и изучении процессов словообразования в разных языках. Теоретические основы взяты из плодотворных работ в области морфологии, семантики и прагматики, обеспечивая надежную основу для анализа и интерпретации данных.

Методика исследования предполагает комплексный корпусный анализ редупликантов в каждом из трёх указанных выше языков. Примеры подбирались из различных источников, включая тексты литературных

произведений, устные коммуникации и онлайн-базы данных, что позволило обеспечить репрезентативную выборку дублированных лексических единиц в их аутентичном контексте. Для выявления закономерностей и семантико-прагматических нюансов, связанных с редуцированными формами, использованы методы как количественного, так и качественного анализа.

Принимая сравнительный подход и используя сочетание корпусных данных и данных о носителях языка, это исследование призвано способствовать более глубокому пониманию лексического дублирования как межъязыкового явления. Результаты прольют свет на сложное взаимодействие между морфологическими процессами, семантическими трансформациями и прагматическими функциями внутри и между тремя целевыми языками.

Выбор русского, английского и финского языков для сравнительного анализа лексической редукации обусловлен рядом факторов, прежде всего их типологическим разнообразием и контрастными закономерностями редукации, наблюдаемыми в этих языках.

Русский язык – восточнославянский язык с богатой морфологической системой и сложной системой словообразования, включающей различные виды редукации.

Английский, напротив, язык с относительно простой морфологической системой и аналитической типологией. Несмотря на свое типологическое отличие от русского, этот западногерманский язык также развивает определенные типы лексического дублирования, особенно в разговорной речи и жаргонных выражениях.

Финский язык – агглютинативный язык с богатой системой словообразовательной морфологии, включающей различные виды редукации. Финский язык – это финно-угорский язык, входящий в типологически обособленную языковую семью и предлагающий уникальный взгляд на лексическое дублирование [5, 17].

На основе проведенного исследования нами были выявлены три основные функции редукации в языках разных типов. Хотя конкретные формы и употребление различаются, в трех рассмотренных языках – русском, финском и английском – нами были выявлены некоторые общие черты.

Одной из основных функций редукации является экспрессивная или эмфатическая функция, когда повторение звуков или слогов придает слову или фразе интенсивность, акцент или выразительность [2, 14]. Примерами могут служить русские редуциранты *шлѐн-шлѐн*, финские *räpistä* («трещать») и английские *yippee-yippee* («ура-ура»).

Еще одна важная функция – звуковая символика или звукоподражание, при которой дублирование создает слова, имитирующие звуки природы или передающие ощущение повторения или непрерывности. Примерами

включают русские редупликаны *тик-так*, финские *kurluttaa* («булькать») и английское *buzz-buzz, murmur, zigzag, flip-flop*.

В некоторых случаях дублирование выполняет уменьшительно-ласкательную функцию, особенно в выражениях нежности, а также в речи, обращенной к ребенку или домашнему питомцу. Это видно в словах типа в русском языке *кис-кис, tseh-tseh* в финском и *puss puss* в английском.

Частичное дублирование может создавать звуко-символические слова, имитирующие звуки или передающие ощущение повторения или интенсивности. Примерами могут служить русские редупликаны *зигзаг, топот*, английские *grunt-grunt, click-clack*, и финские *pipi* и *kuti-kuti*.

Важно отметить, что конкретные функции и нюансы дублирования могут различаться в зависимости от языка и контекста. Кроме того, некоторые редупликаны могут выполнять несколько функций одновременно, в зависимости от языкового и культурного контекста, в котором они используются.

Так, в русском языке частичное дублирование часто предполагает повторение короткого корня или звука, создание новых глаголов или экспрессивных слов. Такие редупликаны, как *шушукаться* (с повтором слога «шу») и *гоготать* (с повтором слога «го») демонстрируют эту закономерность.

Таким образом, редупликация может выполнять следующие функции в исследуемых языках:

– в русском языке:

1. Экспрессивная функция. Частичное дублирование часто используется для создания выразительных или звукоподражательных слов, которые имитируют звуки или передают ощущение повторения или интенсивности, например, *шушукаться, хихикать*.

2. Уменьшительная функция. Полное дублирование иногда может использоваться для образования уменьшительных или милых выражений, особенно в речи, ориентированной на ребенка. Пример: *бо-бо, би-би, ням-ням, ку-ку*.

3. Акцент или усиление. Определенные дублированные формы могут использоваться для подчеркивания или усиления значения исходного слова или корня. Пример: *так-так, ну-ну* (используются для выражения сомнения или осуждения), *еле-еле* (используется для утрирования медленно производимого действия).

– в финском языке:

1. Уменьшительно-ласкательное значение. Полное дублирование часто используется в финском языке для создания уменьшительных или ласкательных выражений, особенно при обращении к детям или для выражения привязанности. Примеры: *kissa-kissa* (*кис-кис*), *isi-isi* (*напа-напа*).

2. Звуковая имитация. Частичное дублирование часто используется для создания слов, имитирующих звуки или звукоподражательные выражения. Примеры: *lilipata* (хлопать или порхать), *rutisutta* (шуршать).

3. Итеративный аспект или аспект частотности: дублирование согласных иногда может указывать на эти аспекты, подчеркивая повторяющееся или продолжающееся действие, например, *kulkutta* (идти медленно или ходить неоднократно).

– в английском языке:

1. Экспрессивная или эмфатическая функция. Редупликацию можно использовать для придания акцента, интенсивности или выразительности слову или фразе, например, *yippee-yippee* (выражение волнения), *uh-oh* (выражение осознания проблемы).

2. Множественное или собирательное значение. В некоторых случаях дублирование может передавать множественное или собирательное значение, особенно в неформальной или разговорной речи, например, *books-books* (имеется в виду *несколько книг*), *shoes-shoes* (*обувь*).

3. Звуковая символика. Частичное дублирование может создавать звуко-символические слова, имитирующие звуки или передающие ощущение повторения или интенсивности. Примерами могут служить русские редупликаты *зигзаг*, *топот* и английские *murmur*, *zigzag*, *flip-flop*.

Как показывают эти примеры, лексическое дублирование принимает различные формы в трех языках, выполняя разные семантические и прагматические функции. В то время как некоторые закономерности, такие как полная и частичная редупликация, наблюдаются во всех трех языках, другие, такие как рифмованная редупликация рифм в английском и русском языках [3, 143; 4, 98] или редупликация согласных в финском языке, являются явлениями, специфичными для конкретного языка.

Такое разнообразие типов редупликации подчеркивает необходимость всестороннего сравнительного анализа для выявления основных принципов, управляющих этим морфологическим процессом, а также его межязыковых сходств и различий.

Хотя конкретные функции и нюансы могут различаться в разных языках, очевидно, что дублирование – это продуктивный универсальный лингвистический инструмент, в функциональном плане добавляющий глубину, выразительность и целую гамму нюансов человеческому общению и позволяющий говорящим передавать самые разные значения: от звуковой имитации и акцентирования до выражения эмоциональной привязанности и множественности и именно в краткой и стилистически привлекательной форме.

Поскольку языки продолжают развиваться и адаптироваться, использование дублирования, вероятно, сохранится и потенциально примет новые формы и функции, отражающие творческий и динамичный характер человеческого общения.

Результаты исследования редупликантов не только обогащают наши знания о процессах словообразования в этих языках, но и открывают более широкие последствия для теорий морфологии, семантики и типологии языка. В конечном счете, позволяя преодолеть разрыв между теоретическими концепциями и эмпирическими данными, углубляя наше понимание сложного и увлекательного явления редупликации.

Список литературы

1. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: ЛКИ, 2007. – 224 с.
2. Арсентьева, С.Е., Валиулина, Р.Б. Редупликация в современном английском и русском языках // Филология и культура, Вып.1(31). – Казань, 2013. – С. 12–16.
3. Коваленко Е.Н., Петроченко Л.А. Функционально-семантическое поле редупликации в современном английском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023, № 1–1. – С. 142–145.
4. Овтина Е. «Жили-были...» русская редупликация как универсальное явление // Русская словесность, 2016, № 2. – С. 97–100.
5. Шибасова Н.Л. Типология парных слов: на материале некоторых финно-угорских языков. Дис. ... канд. филол. н.: 10. 02. 20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. – 262 с.

© Петухов А.С., 2024

УДК 81'23

Пешкова Н.П.

*д-р филол. наук, профессор УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИМПЛИЦИТНОСТИ В ТЕКСТЕ

В статье обсуждаются современные методы исследования имплицитной составляющей текста любого типа, такие как сентимент-анализ и контент-анализ, а также психолингвистические методы. Делается вывод об эффективном изучении имплицитности посредством методов междисциплинарного характера.

Ключевые слова: *имплицитность, текст, сентимент-анализ, контент-анализ, денотативный анализ текста, метод «встречного текста».*

Исследование имплицитности как одного из важнейших свойств любого текста имеет богатую историю. При этом в современной науке о языке проблема не теряет своей актуальности по многим причинам, связанным как со сложностью и многогранностью природы самой имплицитности, так и с новыми тенденциями современной коммуникации. Одной из таких тенденций является увеличение объема имплицитной части содержательно-смысловой структуры текста в связи со стремлением его автора к уплотнению и кодификации представленной информации.

Как мы уже отмечали ранее, современные коммуниканты активно используют в своих текстах ссылки на различные интернет-ресурсы, что приводит к усилению тенденции гипертекстуализации, следствием которой выступает конденсирование информации, т.е. уменьшение объема не только внешней формы текста, но и внутренней структуры его содержания. При этом, с одной стороны, автор направляет процесс понимания адресата посредством отсылки к дополнительным источникам и организации имплицитной информации по своему усмотрению. Но, с другой стороны, и адресат волен выбирать и использовать имплицитную информацию в соответствии со своими знаниями, интересами и целями [7].

Современная наука о языке значительно расширила свои возможности изучения механизмов выявления имплицитной информации, присутствующей, а по мнению некоторых исследователей, преобладающей в современных речевых практиках.

Безусловно, одним из инструментов ее исследования остается лингвистический анализ текста, осуществляемый в русле различных направлений изучения языка: когнитивного, психолингвистического, социолингвистического. При этом важную роль в современных исследованиях имплицитности играют методы компьютерной лингвистики, одним из которых является сентимент-анализ. Данный метод известен также как анализ тональности текста, в задачи которого входит изучение скрытых мнений и суждений, имеющих эмоциональную окраску.

Современный сентимент-анализ осуществляется с использованием методов нейролингвистического программирования, статистических методов, а также методов машинного обучения. Считается, что при выявлении лексической и синтаксической тональности текста могут быть полезны как отдельные методы, такие как генерация правил с использованием шаблонов, позволяющих определить тональность высказывания; машинное обучение с учителем и без учителя; метод использующий теоретико-графовые модели; так и их комбинации [2].

Поиск тональности в тексте в настоящее время осуществляется на основе разработанных с использованием лингвистического анализа тональных словарей. Предполагается, что все это позволяет выявить синтаксически корректные, скрытые в тексте эмоциональные выражения, включающие тональную лексику.

Автоматическое извлечение мнений, как считают исследователи, использующие сентимент-анализ, дает возможность выявить скрытое отношение автора текста к обсуждаемой проблеме. Таким образом, с использованием систем анализа тональности можно создавать, например, системы автоматической оценки общественного мнения, тем самым упрощая и облегчая процессы анализа мнений современного социума [3].

Однако современные методы компьютерной лингвистики имеют свои недостатки, по-прежнему связанные с ограничениями процессов формализации естественного языка.

Нельзя не отметить вклад в исследования имплицитной информации в тексте хорошо известного в науке о языке контент-анализа, метода, сочетающего в себе приемы качественного и количественного изучения содержания текста. Как известно, именно контент-анализ позволил исследователям установить тот факт, что частотность употребления семантически нагруженного лексического ряда воздействует на массовое сознание членов социума. В последнее десятилетие контент-анализ активно используется для изучения тенденций современной интернет-коммуникации [9].

О значимости контент-анализа для исследования имплицитной составляющей текста пишет в своей монографии и П.Н. Хроменков. Характеризуя одну из тенденций информационного общества, обусловленную возрастанием интенсивности информационных потоков и вовлечением в них большого количества коммуникантов, он также отмечает, что именно насыщенный информационный обмен в сфере социальных коммуникаций способствует выявлению значимой имплицитной информации из различных открытых источников. Контент-анализ как междисциплинарный метод лингвистики и социологии помогает выявить направление и интенсивность обсуждения сообществом проблем, в том числе скрытых, неявных [8, 29-30].

Изучением имплицитной оценки в интернет-тексте с использованием контент-анализа и методов компьютерной лингвистики занимается также Е.В. Габриелова. В ее исследовании использовалась программа ATLAS.ti., осуществлявшая контент-анализ текстов микроблогов, что позволило автору извлекать, структурировать и кодировать отдельные актуальные элементы целого массива данных [1].

Следует отметить, что в современной науке о языке наибольшую эффективность в изучении многих проблем демонстрирует междисциплинарный подход [6], и проблема имплицитности в тексте не является исключением. Мы в своих исследованиях проблем понимания информации в форме текста, и в том числе, механизмов извлечения имплицитной информации, используем психолингвистический метод «встречного текста» и методы прикладной лингвистики, такие как денотативный анализ текста и денотатный граф.

А.И. Новиковым был предложен алгоритм эффективного соотношения в тексте имплицитной и эксплицитной информации, обеспечивающего успешное понимание: $R = K / S$, где K равно общему числу случаев употребления эксплицитной информации, а S – общему числу случаев употребления имплицитной информации [4, 180]. Данный алгоритм является достаточно универсальным инструментом изучения имплицитности в тексте и по-прежнему востребован в условиях исследований современных видов текста.

Нужно отметить, что в технических и научных текстах, как правило, $R = 0,9$ и $0,7$, иными словами, эксплицитная информация в них преобладает. R равное или близкое единице свидетельствует о том, что условия для эффективного понимания технических и научных текстов обеспечены. Автор алгоритма полагал, что преобладание имплицитной информации могло бы привести к созданию трудностей понимания текстов данного типа из-за нарушения управляющей функции со стороны языковых средств по первичной ориентировке в тексте [4, 190].

Иная картина наблюдается при восприятии и интерпретации текстов других типов, таких как художественные, медийные, интернет-тексты, понимание которых требует привлечения эмоциональных переживаний, интуиции, эвристического мышления. Наши исследования с использованием как денотативного анализа, так и метода «встречного текста», подтверждают гипотезу А.И. Новикова о том, что восстановление и приписывание адресатом имплицитного смысла как осознание непосредственно не данного отношения между значениями в условиях новой сочетаемости (на основе которого выделяется денотат) возможно только в результате *продуктивного мышления*. Последнее представляет собой такой мыслительный процесс, результатом которого становятся ценные, важные выводы, продуцирующие что-то новое, и основу которого, как известно, составляет интуиция [4, 193]. Это демонстрирует преобладание во «встречном тексте» адресата таких вербальных реакций, как *прогнозирование, вывод, перевод* и т.п.

Как показали наши исследования, запланированный автором пропуск в структуре содержания текста определенных блоков запускает в языковом сознании адресата механизмы *восстановления* этих блоков содержания и, возможно, смысла, а также, *приписывания* содержанию текста своих собственных смыслов, основанных на предшествующих знаниях, опыте и эмоциональных переживаниях [5].

Экспериментальная база «встречных текстов» адресатов, полученная нами на материале различных типов текстов, позволяет прийти к выводу о том, что реакции, составляющие «встречные тексты» испытуемых, в одних случаях прямо, а в других косвенно свидетельствуют о функционировании, с одной стороны, общих механизмов реконструкции имплицитности, а с другой – об индивидуальных стратегиях реконструкции реципиентами

имплицитного содержания и имплицитных смыслов. Можно привести следующие примеры выявленных нами механизмов восстановления имплицитности, основанных на реакциях, составляющих «встречный текст» адресата.

Механизм интеграции, по нашим данным, проявляет себя в реакциях *ассоциации* и *визуализации*, т.к. он часто связан с привлечением известных ранее знаний и пережитого опыта.

Механизм дополнения проявляется в реакциях *инфиксации* и *интертекста*.

В целом ряде реакций «встречного текста» проявляется действие *механизма трансформации*, наиболее частотные из них: *перевод*, *генерализацию* и *перефразирование* содержательного плана [5].

Используемые нами методы исследования имплицитности позволили получить данные, на основе которых мы приходим к выводу о том, что в условиях современной коммуникации основные изменения, связанные с имплицитной составляющей процессов понимания текста, относятся, главным образом, к его содержательному компоненту. Адресат, пользователь различных информационных ресурсов, в первую очередь интернет-ресурсов, получает больше потенциальных возможностей для восстановления имплицитного содержания текста, используя в той или иной степени предлагаемые автором направляющие (в форме гиперссылок и т.п.).

Таким образом, тенденция гипертекстуализации, работая на усиление имплицитной составляющей интернет-текста, одновременно способствует выявлению имплицитной информации, тем самым облегчая адресату решение задачи извлечения имплицитного компонента содержательной структуры текста.

При этом, мы полагаем, что имплицитные смыслы, извлекаемые или приписываемые адресатом текстовой информации, не зависят от возможностей современных информационных ресурсов. В отличие от содержательной составляющей имплицитности ее смысловая составляющая, по-прежнему, определяется внутренним ресурсом самой личности современного коммуниканта.

Список литературы

1. Габриелова Е.В. Импликация и экспликация оценки как средство речевого воздействия (на материале микроблога Twitter): дисс. ...канд. филол. наук. – М., 2018. – 199 с.

2. Лукашевич Н.В. Автоматический анализ тональности текстов: проблемы и методы // Интеллектуальные системы. Теория и приложения. – 2022. – № 1 (26). – С. 50-61.

3. Максименко О.И. Анализ тональности текстов (сентимент-анализ) на материале текстов СМИ // IV Новиковские чтения: Функциональная

семантика и семиотика знаковых систем. Сб. науч. статей. Часть 1. – М.: Изд-во РУДН, 2014. – С. 96-105.

4. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука», 1983. – 216 с.

5. Пешкова Н.П. Имплицитность в тексте: препятствие vs стимул и условие его понимания// Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 219-231.

6. Пешкова Н.П. Метод триангуляции как инструмент полидисциплинарного подхода к исследованию речевой коммуникации // Доклады Башкирского университета. – Том 7. – № 5. – 2022. – С. 316-323.

7. Пешкова Н.П. Имплицитность текста и его понимание в условиях современной коммуникации // Язык, сознание, коммуникация: проблемы информационного общества. 14 Общероссийская конференция с международным участием. – Москва, Сеченовский университет, 2023. – С. 365-366. https://language.confreg.org/libs/files/theses_medobr_2023.pdf

8. Хроменков П.Н. Лингвоконфлиология и политический дискурс: исследование методом количественного контент-анализа. – М.: ИД Международные отношения, 2016. – 203 с.

9. Vlieger E., Leydesdorff L. Content Analysis and the Measurement of Meaning: The Visualization of Frames in Collections of Messages //The Public Journal of Semiotics, June 2011. Vol. III. № 1. P. 321-339.

© Пешкова Н.П., 2024

УДК 81'1

Салимов Р.А.
аспирант УУНУТ,
г. Уфа, Россия

АББРЕВИАТУРЫ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В настоящее время в сети Интернет, а именно в онлайн чатах, СМИ и социальных сетях все более и более распространены «современные» методы общения, частью которых стали аббревиатуры. Они, как и многие аспекты человеческого общения продолжают изменяться и эволюционировать. Данная статья исследует аббревиатуры как средство языковой экономии в виртуальном пространстве

Ключевые слова: языковая экономия, аббревиация, аббревиатуры, Интернет-коммуникация

1. Происхождение и семантика аббревиатур

Аббревиатура представляет собой короткое слово или же набор букв, не имеющий смысла. Эти словообразования крайне просты и экономичны с точки зрения прикладываемых усилий для произношения или же печати, а также со стороны их формулирования и запоминания, что делает их очень продуктивными в плане словообразования. Как форма словообразования, аббревиатуры представляют собой сложное и многогранное явление с корнями, уходящими в глубокую древность – их использовали ещё в Древнем Риме (SPQR – Senatus Populusque Romanus) Аббревиатуры передают информацию, используя меньшее количество символов, а это значит, что каждый символ содержит большую «плотность», чем в исходных единицах, что указывает на то, что аббревиация является формой оптимизации языкового выражения. Аббревиатуры используются для обозначения новых концепций и объектов, и в этом заключается их необходимость – создание кратких, но в то же время насыщенных номинативных единиц.

Изначально аббревиации служили в основном как средство экономии в письме, а их широкое использование в устной речи и последующее включение в письменные стили произошло намного позже, примерно в 16 веке. Такие лингвистические явления, несомненно, являются исключениями и следует рассматривать как примеры терминологии и авторской неологии. Это подтверждается тем, что самые ранние сокращения (инициальные), появившиеся спонтанно, можно считать начальными сокращениями типа букв, так как само письмо послужило плодородной почвой для их развития.

Хотя это не новое явление, следует отметить, что использование аббревиатур не было таким популярным, как сегодня. Сегодня даже самые тривиальные выражения трансформируются в аббревиатуры типа: CUL (See You Later) и HMU (Hit Me Up). Следует обратить внимание, что мода на использование аббревиатур всегда затрагивала все географические регионы: как развитые, так и развивающиеся страны. Мы не забываем знаменитые КГБ, ГУЛАГ (из бывшего СССР) и американское ЦРУ, которые ознаменовали период холодной войны. В условиях глобализации, которая стремится превратить весь мир в один большой мегаполис и гегемонии английского языка, использование сокращений распространяется на все регионы мира без исключения, включая те, которые до сих пор оставались более или менее устойчивыми, как Восточная и Юго-Восточная Азия, Ближний Восток, возможно, потому что эти регионы не были в такой степени подвержены влиянию Запада, как колонизированные страны Африки или Латинской Америки. Кроме того, мы видим, что сокращения в аббревиатурах и акронимах затрагивают не только все области, но и все дисциплины: медицину, культурную жизнь, бизнес и т.д.

«Аббревиатура – это не случайное явление, это не “порча языка”, прихоть некоторых людей, а объективный закономерный процесс,

обусловленный изменениями потребностей в общении в связи с развитием общества и внутренними закономерностями развития языка» [1, 60]. Действительно, человек играет решающую роль для формирования семантики аббревиатур, и имеет высочайшее значение в формировании их семантики, так как смысл в слово «вкладывает» именно человек. Как писал советский лингвист Александр Тихонович Липатов, «Нельзя не признать, что в каждом развитом языке мира, включая русский, есть аббревиатуры. Они не могут внезапно возникнуть в готовом к использованию языке, как Афина из головы Зевса!» [2, 114].

2. Аббревиатуры как средство языковой экономии.

Практическое использование аббревиатур, обозначающих длительные термины или словосочетания, представляет собой коммуникативную стратегию экономии усилий и времени как для отправителя, так и для получателя сообщения. Это не только удобно, но и помогает ускорить обмен информацией в современном мире. «НАТО» в заголовках и текстах СМИ при обсуждении мировой политики выглядит гораздо практичнее «North-Atlantic Treaty Organization». Другим практическим шагом является одновременное появление термина и аббревиатуры к нему, например «NLAW» – «Next generation Light Anti-tank Weapon».

Следует отметить основные виды аббревиации:

- инициальные аббревиатуры – самые распространенные виды аббревиации – состоят в основном из первых букв словосочетаний, или же единственной первой буквы (L – lose, btw – by the way);
- в суспензиях усекается конец слова (tho – though, col – color);
- контрактуры образуются путем сокращения при помощи начальных букв или окончания. В основном эту группу аббревиаций составляют только согласные звуки (pls – please, thx – thanks).

Живя в век быстро меняющихся концепций, изобретений, продуктов и технологий, люди ощущают постоянную потребность в обновлении и усовершенствовании своего словарного запаса, что в свою очередь требует введения новой терминологии. Тенденция к сокращению новых терминов до аббревиатур, а затем отказу от оригинальных слов распространилась далеко за пределы мира технического и другого специализированного сленга. Согласно французскому филологу Клэр Крамш, «язык, (частью которого являются аббревиатуры) представляет собой систему знаков, имеющую культурную ценность. Говорящие идентифицируют себя и других посредством использования языка, т.е. они рассматривают свой язык как символ своей социальной идентичности» [3, 27].

Существуют три важных требования к технической коммуникации: полнота, краткость и достоверность. Аббревиатура представляет собой пример противоречия между потребностью в полноте и стремлением к краткости, предположительно в достижении точности. Однако причина полноты также этическая, а краткость – практическая. В связи с этим в

коммуникации в интернет-пространстве может возникнуть своего рода дилемма: стоит ли участнику при выборе между полнотой и краткостью выбирать полноту? Должна ли этическая причина преобладать над практической?

В данном контексте вопроса о выборе между полнотой и этичностью в Интернет-коммуникации нет четкого правильного или неправильного ответа, поскольку это зависит от конкретной ситуации, целей общения и степени важности информации. Несомненно важно соблюдать баланс между полнотой и краткостью, учитывая контекст и осознанно принимать решение в каждой конкретной ситуации. Необходимо помнить, что этика в коммуникации также включает в себя ответственное обращение с информацией и уважение к аудитории.

Ниже приведен неполный список наиболее часто встречающихся аббревиаций в англоязычном сегменте сети Интернет:

1. AFAIK – As Far As I Know
2. b/c; bc – because
3. BR – Best Regards
4. BTW – By The Way
5. IM(H)O – In My (Humble) Opinion
6. IRL – In Real Life
7. j/k; jk – Just Kidding
8. OMG – Oh My God
9. RE – in reply to
10. TL; DR – Too Long; Didn't Read

Отдельно стоит отметить аббревиации, имеющие два и более значения. К примеру, аббревиатура PC – Personal Computer, но в то же время Political Correctness, одинаково часто встречается в современном интернет-пространстве. В таком случае, даже при обеспечении контекстной информации, есть шанс возникновения путаницы при обработке сообщения получателем.

Ниже приведен список нескольких аббревиаций с двумя и более значениями:

1. AC – Alternating Current; Air Conditioning
2. bike – bicycle / motorbike
3. bio – biography / biological
4. coke – Coca-Cola / cocaine
5. ET – Extra Terrestrial / Eastern Time
6. FY – Financial Year / Fiscal Year
7. L – left / large / lose
8. min – minimum / minutes

Для снижения риска путаницы при использовании аббревиаций с множественными значениями, отправителям следует уделять внимание ясности и контексту. Когда контекст неоднозначен, добавление

дополнительной информации или использование более четких аббревиаций может помочь предотвратить недоразумения.

3. Аббревиации как часть стиля Интернет-коммуникации.

Использование аббревиатур представляет собой неизбежную часть стиля общения пользователей сети Интернет. Это стиль, который рассматривается как средство, с помощью которого одна личность взаимодействует, устанавливает контакт с другими.

Используя аббревиатуры в качестве стилистического механизма в Интернет-коммуникации, пользователь рассматривается как манипулирующий языком или эксплуатирующий его не только в его «межличностной функции», т.е. участвующий в социальном взаимодействии, но и в его «текстовой функции», составляя хорошо сформированный и уместный текст, а также в его «идеологической функции», вводящая мысль и представление о том, что пользователь либо небрежен, либо экономичен.

Стиль письма – это специфический способ, которым автор организует и выражает свои мысли в письменной форме. Этот термин относится к индивидуальным характеристикам авторского выражения, включая выбор слов, структуру предложений, использование языковых средств и т. д.

Британский лингвист Дэвид Кристал описывает стиль в следующем контексте: «Стиль включает в себя множество вопросов. Это не только лексика и грамматика, но и выбор тем, и метафорическое выражение, и ритм, и звучание, и размер предложений, и использование аллюзий и котировок. Все это сопоставляется с тем, как высказывание вписывается в социокультурный контекст и служит своей цели» [4, 254].

Использование аббревиаций в языке Интернет-общения обычно обусловлено желанием сэкономить время, символы и выразить мысли более лаконично. Этот стиль часто подчеркивает быстротечность и динамичность онлайн-коммуникаций, а также может служить своеобразным маркером принадлежности к определенной онлайн-культуре.

Заключение.

Влияние интернет-технологий в значительной степени формирует языковые разновидности, при этом аббревиатуры, включая акронимы, выделяются в качестве важных инструментов электронного общения. Использование сокращенных форм отражает стремление к лингвистической эффективности, способствуя лаконичности стиля общения. Аббревиации также играют роль в выражении социальной идентичности, поскольку использование этих форм сигнализирует о знакомстве или принадлежности к определенной социальной группе. Можно отметить, что электронная коммуникация во многом похожа на газетный язык, на который влияют размер и форма страницы. Распространенность аббревиатур в Интернет-коммуникации иллюстрирует спонтанность и быстроту коммуникативных возможностей, порождаемых этим явлением.

Изучение происхождения, эволюции и использования аббревиаций может помочь лингвистам лучше понять структуру и развитие английского языка, а также его взаимодействие с другими языками. Аббревиатуры также отражают культурные особенности общества и могут быть использованы для анализа исторических, социальных и политических контекстов.

Список литературы

1. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия: военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. Москва: Воениздат, 1972. – 320 с.
2. Липатов А.Т. «Мы все говорим телеграфным языком. Мир словосокращений и аббревиации. Вчера, сегодня, завтра» МарГУ, 2011. – 203 с.
3. Kramsch, C. Language and culture. London: Oxford University Press, 1998. – 134 pp.
4. Crystal, D.A Dictionary of Linguistics and Phonetics. Oxford: Basil Blackwell, 2008. – 529 pp.

© Салимов Р.А., 2024

УДК 81

Самигуллина А.С.

*д-р филол. наук, профессор УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

Корзун А.В.

*аспирант УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

FROM CULTURE OF SPEECH TO ECOLOGY OF LANGUAGE

The article examines the problems in defining the concepts of "culture of speech" and "ecology of language" and attempts to determine the type of relationship between them. It also gives the characteristic of the term "literary language", and briefly describes the difficulty of its precise interpretation. In addition, the definition of the concept of "norm of language" is given, as well as the question of the ambiguity of its influence on speech activity is raised.

Key words: *culture of speech, literary language, ecolinguistics, ecology of language, norm of language.*

ОТ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ ДО ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА

В статье рассматриваются проблемы в определении понятий «культура речи» и «экология языка» и осуществляется попытка установления вида взаимосвязи между ними. Дается характеристика термина «литературный язык», кратко описывается трудность его четкой трактовки. Кроме того, приводится дефиниция понятия «норма языка», а также поднимается вопрос неоднозначности ее влияния на речевую деятельность.

Ключевые слова: культура речи, литературный язык, эколлингвистика, экология языка, языковая норма.

One of the most relevant current branches of Linguistics – Ecolinguistics – emerged at the junction of two seemingly distant disciplines, i.e. Linguistics proper and Ecology, and that was thoroughly described in a number of scientific articles on this topic. But it is believed to develop on the basis of Linguocultural Studies as well, the fundamental category of which is the Culture of Speech. Perhaps, the most generalized definition of the term "Culture" is as follows: "Culture is the traditions in choosing alternatives" [2, 115]. In their turn, the traditions of speech can be defined as "the rules of communicative interaction between people in the society developed over the centuries" [5, 71]. Speech of any person is regarded as his "talking consciousness", a material form, the "signs" of his mental processes. That is why everyday-speech communication (e.g. conversations, talks, phrases, discussions, written texts) represents both the life per se and the cultural level of all members of the society, since such kind of communication is a natural form of existence of language [5, 71].

In Russia, the term "Culture of Speech", as well as the discipline itself, came into use in the scientific discourse during the years of formation of the Soviet state. It is noted that the discipline based its theory mainly on the Soviet works on Linguistics. And though the authors of those papers followed the traditions of Functional Linguistics in describing the language, they were primarily attributed to as researchers of the psychological field of Linguistics. Thus, the works of such great Soviet and Russian scientists as I. A. Baudouin de Courtenay, G. O. Vinokur, S. I. Ozhegov, V. I. Chernyshev, L. I. Skvortsov, A. P. Skovorodnikov, L. K. Graudina, E. N. Shiryaev and others made a great contribution to the theory of linguistic norm [5, 71-72].

Some scientists believe that the concept of "cultural speech" or in some cases "good speech" in Linguistics is closely related to the development of a literary language used by a person. The term "literary language" was first of all actively used to solve problems of language normalization and language coding, and secondly, to define a language that developed in Russia in the 18th century to perform numerous functions in various spheres of the country's life (i.e. cultural, business, social), as well as in its international relations. Thus, it can be concluded

that the literary language firmly correlates with the concept of a generally accepted linguistic norm.

"The concept of norm is central to the definition of the national literary language (both in its written and spoken form)" [1, 293]. The famous Soviet linguist and lexicographer Sergei Ivanovich Ozhegov wrote: "something that allows you to accurately express a thought is supposed to be normal" [6, 285-287]. However, Soviet and Russian linguist Viktor Ivanovich Shakhovskiy notes that the majority of studies on the issues connected with the linguistic norm mostly ends with acknowledging that the norm makes speech very rigid and convert it into some kind of an artificial structure. The point is that the norm is not something social, but rather individual or even narrow-group by nature, even though it's not very obvious. V. I. Shakhovskiy supposes that the linguistic norm should be considered as a flexible and mobile entity, and not as a static phenomenon, since everything in language is situational. Otherwise, such an important feature of language as dynamism can be neglected because of the desire to put it within the narrow framework of the standard [12, 22].

Returning to the term of "Literary Language", it should be noted that there is still a certain duality in its understanding and interpretation. "Sometimes people think that literary language is the language of fiction. It is wrong! Literary language is the language of culture in the broadest meaning of the word, i.e. the language of science, journalism, fiction, the language of theater and radio, schools and the press. And the language of an everyday life as well: in everyday life educated people communicate with the help of a literary language" [7, 88]. The Soviet and Russian linguist Mikhail Viktorovich Panov emphasizes that "the literary language by its origin is an everyday national language ", <...> "it requires the ability to convey thought with the utmost precision, with abstract intellectuality. But processing does not prevent the language from remaining national" [7, 90]. In other words, the literary language still represents the same national language, subjected to processing of some kind. It turns out that a literary language is a language that a person uses to communicate in various situations of his life, including everyday communication. Thus, it is by no means exclusively a language of fiction.

In addition, Elena Mikhailovna Lazutkina notes that the main principle of modern research of the Culture of Speech transfers attention from the language itself to a «speaking person» (Homo Loquens) as a personality and a main native speaker. As stated above, language manifests itself through speech. "Cultural Speech" has many qualities. One of those qualities such as "appropriateness" is perhaps the most indefinite one, since it is very situational and individual. But it is the quality of appropriateness / inappropriateness of speech that connects the language with a «speaking person» as a personality in all his roles, and helps to consider the first (i.e. speech) in dynamics as the "speech behavior" of a person in various life situations [5, 74].

Thus, a good care of the literary language, its preservation, its proper use by a person, connects the Culture of Speech with Linguoecology, since *what* a person says is often less important than *how* he does it. According to the principles of Linguoecology, ecological speech not only contributes to the successful communication, but also has a beneficial effect both on the person, who uses speech as a means for interacting with the outside world, and on his immediate environment, i.e. the society.

Ecolinguistics approaches language and speech on the basis of their following features: "social assessment, which includes historical conditions and trends in the development of a given language; factors of a language system and its norms; as well as socio-cultural, political, economic, ethical and aesthetic criteria" [8, 207]. Soviet and Russian linguist Alexander Petrovich Skovorodnikov raises the question: what is the fundamental difference between Ecolinguistics and such a linguistic discipline as the Culture of Speech, which are close in the subject of research. The scientist gives the following answer. The Culture of Speech focuses on such issues as the optimal organization of speech, its communicative effectiveness, an individual's specific verbal abilities, etc. In its turn, Ecolinguistics which considers language as a complex multifunctional system, mostly concentrates on the conditions and factors of its favorable or unfavorable existence and development [8, 208].

It should be noted that human communication is closely linked with experiencing certain emotions and their further expression in speech through language. Thus, Ecolinguistics (followed by Emotive Linguoecology, a narrower field covering the problems of emotions in speech activity) shows concern on what happens with emotions of a person who uses "ecological" or "non-ecological" language [9, 99-100]. Being the motivational basis of consciousness, "emotions allow us to get closer to identifying the motives of a speaker's speech-and-thought activity, to focus not only on the form of emotional communicative units, but also on their contents and functional purpose of speech; and not only on how something is said, but also on why the speaker chose this particular form to express his emotional experience" [11, 17], which ultimately connects emotivity with ecology (see details [3, 201-204]).

Alexander Vladimirovich Kravchenko writes about the importance of the ecological approach to the language research: "ignoring the ecological nature of language as a relational domain leads to a misunderstanding of the processes that form cognition at the level of both the individual and the society. These processes influence the cognitive structure of a person and the organization of the society as a living system, defining appropriate value systems and existential vectors. The disturbing processes in the society are rooted in systemic violations of the relational domain of language as an ecological niche of a person, without which it is impossible to "preserve the linguistic identity of an ethnic group and on this basis the moral health of the society and the national security of the state" [4, 363].

Discussing the connection between the Ecology of Language and the Culture of Speech, Natalia Gennadievna Solodovnikova notes that in modern Linguistics, the ecological functioning of linguistic units can be considered from the aspect of Speech Culture, namely from the position of its purity (by analogy with the urgent problems of general Ecology related to environmental pollution). In addition, it is important to remember about the aspect of balanced existence based on the laws of general Ecology (which emphasizes the fact that Ecolinguistics originates from Linguistics and Ecology) [9, 101]. Generally speaking, the ecology of communication is based on compliance with ethical and emotive norms of language use. Various linguists consider Ecology of Language as a science, which studies both the ethics of statements and the correlation of the latter with morality combined with their positive connotation (see details [10, 103-116]).

Thus, speech behavior, like any action performed by a person, has its consequences both for the language and for the person himself, as well as his environment. However, it should be understood that neither "Literary Language" per se, nor "Cultural Speech" are identical to ecological, i.e. "healthy" language. The concept of "Culture of Speech", although close in meaning, is still narrower than the concept of "Ecology of Language". That is why at a certain point this term has become insufficient to describe situations of speech communication and speech activity, which in the end triggered the development of such branches of modern Linguistics as Ecolinguistics and further on Emotive Linguoecology.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Литературный язык // Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – С. 288–297.
2. Демьянков В.З. Загадки диалога и культуры понимания // Текст в коммуникации. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1991. – С. 109–116.
3. Корзун А.В. Эмотивность как важнейший компонент эмотивной лингвоэкологии // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XII Междунар. науч. конф., Челябинск, 11–12 апреля 2024 г. / отв. ред. Л.А. Нефедова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та. – 2024. – С. 201–204.
4. Кравченко А.В. О вреде структурализма для здоровья общества: язык как экологическая ниша человека // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 1. – С. 354–370.
5. Лазуткина Е.М. Культура речи и лингвистическая экология // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения: монография / под ред. А.П. Сковородникова, Г.А. Копниной. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т. – 2022. – 612 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1986. – 796 с.

7. Панов М.В. О литературном языке // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 88–102.

8. Сковородников А.П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 205–233.

9. Солодовникова Н.Г. Эмоции в языке: проблема экологичности их выражения (на материале эмотивов в локальной информационно-психологической войне) // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения: монография / под ред. А.П. Сковородникова, Г.А. Копниной. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т. – 2022. – 612 с.

10. Солодовникова Н.Г., Бусыга М.В. Термины «экологичная» и «позитивная» коммуникация в эмотивном аспекте // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сб. трудов XI междунар. науч.-практ. конф. (г. Астрахань, 8 июня 2020 г.) / сост. Б.Н. Бисеналиева. – Астрахань: Астраханский гос. ун-т, Издательский дом «Астраханский университет». – 2020. – С. 103–116.

11. Шаховский В.И. Эмотивная лингвоэкология: комплексный подход к изучению языка, речевой деятельности и человека // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 19. – С. 13–21.

12. Шаховский В.И. Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике: монография / В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. – 358 с.

© Самигуллина А.С., Корзун А.В., 2024

УДК 81'22

Шафиков С.Г.

*д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия*

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО КАК СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИНФИНИТИВА В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена функциональной типологии инфинитивных конструкций в трех парах европейских языков, которые представляют германскую, славянскую и романскую группы индоевропейских языков. Выбор фактического материала представляется актуальным для сравнительной типологии и компаративистики, позволяя установить корреляции между генетическим родством и структурным сродством языков. Лингвистический анализ зиждется на сравнении инфинитивных структур в функции обстоятельства в составе выбранных индуктивным способом эквивалентных предложений с языком-эталоном.

Ключевые слова: варьирование, инфинитив, обстоятельство, функция, язык-репрезентант, язык-эталон.

Инфинитив как одна из разновидностей неопределенной формы глагола служит традиционным объектом изучения в современной лингвистике. Однако почти во всех работах данный вербоид рассматривается либо в каком-то конкретном языке (см., например, [2]), либо в сравнении одного языка (чаще всего английского) с другим языком (см., например, [4]), либо в сравнении нескольких близкородственных языков (см., например, [1]).

Вместе с тем развитие лингвистической типологии требует расширения объекта сравнения за счет языков, связанных между собой генетическим родством и структурным сродством. При этом важнейшим ракурсом рассмотрения служит синтаксическая функция инфинитива как *диффузного* образования с расплывчатым содержанием [3, 109]. Диффузный характер инфинитива объясняется взаимопроникновением признаков имени и глагола как “полярных” «языковых способов категоризации универсума» [5, 186].

Данная статья отражает результаты проведенного исследования на материале индоевропейских языков в трех группах; при этом германская группа представлена английским и немецким языками (А.Я. и Н.Я.), славянская группа – русским и польским языками (Р.Я. и П.Я.), романская группа – испанским и французским языками (И.Я. и Ф.Я.).

Фактическим материалом исследования служат эквивалентные предложения с инфинитивом в синтаксической функции обстоятельства, которые вкуче образуют *язык-эталон* (метаязык), связанный отношением выводимости с представляющими его *языками-репрезентантами*. Язык-эталон служит общей мерой, которая позволяет «определить расстояние между реализацией типа в языке и идеальным типом» [6, 94].

Языковая репрезентация может соответствовать эталонной структуре, либо может использовать иной, более типичный, то есть *прототипический* для данного языка способ выражения значения. По отношению к эталону такой прототип можно квалифицировать как *варьирование*, которое может быть условно «сильным» или «слабым». Под «сильным варьированием» подразумевается использование вместо инфинитива лексического эквивалента, такого как финитный глагол; под «слабым варьированием» предполагается грамматический эквивалент инфинитива, такой как герундий.

На каждом этапе сравнения языки-репрезентанты характеризуются одним из четырех типов взаимного сходства: 1) *универсалия* (полное сходство – инфинитив во всех репрезентациях), 2) *фреквенталия* (частичное сходство – инфинитив в большей части всех репрезентаций), 3) *маргиналия* (частичное сходство – инфинитив в меньшей части всех репрезентаций),

4) **уникалия** (нулевое сходство – инфинитив только в одной репрезентации).

Функциональная типология инфинитива, которая приводится ниже, включает три основных метаязыковых оператора, описывающих варьирование эталона: 1) = (языковая репрезентация эталонной модели с помощью инфинитива); 2) {} (варьирование, то есть репрезентация эталонной модели без помощи инфинитива).

Каждая синтаксическая функция представляет модель с информацией о формах репрезентации эталона:

1) **обстоятельство цели: универсалия**; ср.: А.Я. *I keep photos to recall the past.* = Н.Я. *ich speichere Fotos, um mich an die Vergangenheit zu erinnern* = Р.Я. *я храню фотографии, чтобы вспоминать прошлое* = П.Я. *przechowuję zdjęcia, aby przypomnieć sobie przeszłość* = И.Я. *guardo fotos para recordar el pasado* = Ф.Я. *je garde des photos pour me souvenir du passé*;

2) **обстоятельство причины: маргиналия** (слабое варьирование: А.Я., сильное варьирование: Н.Я., Р.Я., П.Я., Ф.Я.); ср.: {А.Я. *I didn't grasp anything, having no command of the language*} {= Н.Я. *ich habe nichts verstanden, weil ich die Sprache nicht kannte*} {= Р.Я. *я не понял ничего, так как не знал языка*} {= П.Я. *nic nie zrozumiałem, ponieważ nie znałem języka*} = И.Я. *(yo) no entendí nada sin conocer el idioma* {= Ф.Я. *je n'ai rien compris car je ne savais pas*};

3) **обстоятельство результата: универсалия**; ср.: А.Я. *he was smart enough to understand the hint* = Н.Я. *er ist zu stur, um diesem Vorschlag zu zustimmen* = Р.Я. *он слишком упрям, чтобы согласиться на это предложение* = П.Я. *est zbyt uparty, by zgodzić się na tę propozycję* = И.Я. *es demasiado terco para aceptar la oferta* = Ф.Я. *il est trop têtu pour accepter cette proposition*;

4) **обстоятельство исключения: универсалия**; ср.: А.Я. *he is ready to do anything but work* = Н.Я. *sie tut alles, außer ihr Zimmer aufzuräumen* = Р.Я. *он готов делать что угодно, только не работать* = П.Я. *jest gotów zrobić wszystko, tylko nie pracować* = И.Я. *él está dispuesto a hacer cualquier cosa, pero no trabajar* = Ф.Я. *il est prêt à faire n'importe quoi, mais ne pas travailler*;

5) **обстоятельство будущего времени: уникалия** (сильное варьирование: Н.Я., Р.Я., П.Я., И.Я., Ф.Я.); ср.: А.Я. *he will live to be a hundred* {= Н.Я. *er wird hundert Jahre alt werden*} {= Р.Я. *он доживет до ста лет*} {= П.Я. *dożyje stu lat*} {= И.Я. *vivirá hasta los cien años*} {= Ф.Я. *il vivra jusqu'à cent ans*};

б. **обстоятельство сопутствующего действия: уникалия** (сильное варьирование: Н.Я., Р.Я., П.Я., И.Я., Ф.Я.); ср.: А.Я. *he bent his arm only to reveal a feeble muscle* {= Н.Я. *er beugte seinen Arm und zeigte einen schwachen Muskel*} {= Р.Я. *он согнул руку, показав слабую мышцу*} {= П.Я. *zgiął rękę, pokazując słaby mięsień*} {= И.Я. *dobló su brazo mostrando un músculo débil*} {= Ф.Я. *il a plié son bras, montrant un muscle faible*};

7) обстоятельство сравнения: **фреквенталия** (сильное варьирование: Н.Я., Р.Я., П.Я.); ср.: А.Я. *he is in a hurry as if to make it in time* {= Н.Я. *er eilt, als ob er nachholen würde*} {= Р.Я. *он спешит, словно наверстывая упущенное*} {= П.Я. *spiesz się, jakby nadrobił zaległości*} = И.Я. *se apresura, como ponerse al día* = Ф.Я. *il se précipite, comme pour rattraper son retard*;

8) обстоятельство условия: **маргиналия** (сильное варьирование: Н.Я., Р.Я., П.Я., И.Я.); ср.: А.Я. *she is crazy to marry him* {= Н.Я. *er ist verrückt, wenn er sie heiratet*} {= Р.Я. *он сумасшедший, если женится на ней*} {= П.Я. *jest szalony, jeśli się z nią ożeni*} {= И.Я. *está loco si se casa con ella*} = Ф.Я. *il est fou de l'épouser*;

9) обстоятельство замещения: **фреквенталия** (слабое варьирование: А.Я.); ср.: {А.Я. *instead of studying me he is messing around*} = Н.Я. *anstatt sich zu engagieren, fault er* = Р.Я. *вместо того, чтобы заниматься, он бездельничает* = П.Я. *zamiast ćwiczyć, leniuchuje* = И.Я. *en lugar de hacer ejercicio, se queda dormido* = Ф.Я. *au lieu de faire de l'exercice, il est fainéant*;

10) обстоятельство предшествования: **фреквенталия** (слабое варьирование: А.Я., сильное варьирование: Н.Я., П.Я.); ср.: {А.Я. *before having breakfast wash your hands*} {= Н.Я. *wasche deine Hände vor dem Frühstück*} = Р.Я. *прежде чем завтракать, вымой руки* {= П.Я. *umyj ręce przed śniadaniem*} = И.Я. *antes de desayunar, lávate las manos* = Ф.Я. *avant de prendre le petit déjeuner, lavez-vous les mains*;

11) обстоятельство следования: **маргиналия** (слабое варьирование: А.Я., сильное варьирование: Н.Я., Р.Я., П.Я.); ср.: {А.Я. *after finishing the job he sat down to supper*} {= Н.Я. *nach Abschluss der Arbeit setzte er sich zum Abendessen hin*} {= Р.Я. *после завершения работы он сел за ужин*} {= П.Я. *po zakończeniu pracy usiadł na kolację*} = И.Я. *después de terminar su trabajo, se sentó a cenar* = Ф.Я. *après avoir terminé le travail, il s'est assis pour le diner*;

12) обстоятельством образа действия: **фреквенталия** (слабое варьирование: А.Я., сильное варьирование: Р.Я., П.Я.); ср.: {А.Я. *we can win a victory over you without using force*} = Н.Я. *wir können euch besiegen, ohne Gewalt anzuwenden* {= Р.Я. *мы можем победить вас, не применяя силу*} {= П.Я. *możemy cię pokonać bez użycia siły*} = И.Я. *podemos derrotarte sin usar la fuerza* = Ф.Я. *nous pouvons vous vaincre sans utiliser la force*.

Принимая полное соответствие эталону <+> за один балл, частичное соответствие (слабое варьирование) <(+)> за полбалла, отсутствие соответствия (сильное варьирование <(-)> за нулевой балл, языки-репрезентанты можно расположить следующим образом: А.Я. (9,5) → И.Я. (9) = Ф.Я. (9) → Н.Я.=Р.Я. (5) → П.Я. (4). Таким образом, английский язык, который стоит ближе всех к эталону, и польский язык, который стоит дальше всех от него, соответствуют экстремально высокому и экстремально низкому градиентам на соответствующей градуальной шкале.

Соотношение межъязыковых соответствий эталону к числу видов обстоятельства показывает превалирование фреквенталий (4/12 = 33,3%);

далее по степени убывания встречаемости следуют в равных долях маргиналии ($3/12 = 25\%$) и универсалии ($3/12 = 25\%$), а реже всего наблюдаются уникалии ($2/12 = 16,7\%$).

В целом наблюдается более широкий диапазон использования инфинитива в английском, французском и испанском языках, а также (отчасти) в немецком языке в отличие от русского и польского языков.

Вероятным фактором распространения инфинитивных структур может служить компрессия текста, что означает сжатие его до пределов минимальной избыточности, что представляется достаточным для адекватного восприятия.

Список литературы

1. Балута А.А. Инфинитив в итальянских и романских языках: типологический обзор. [Электронный ресурс]. – М.: Филология. 2019. С. 42-48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infinitiv-v-italiyskih-i-romanskih-yazykah-tipologicheskiiy-obzor?ysclid=luo5tn33s2432983928>.
2. Бойко А.А. Употребление видов глагола в форме инфинитива в современном русском языке. Автореф... дис. док. филол. наук. – Ленинград: [б.и.], 1983. – 31 с.
3. Леонтьева А.В. Идея диффузности в лингвистической научной среде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43). С. 108-110. URL: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/28.html].
4. Мухортова И.И. Функционально-семантические особенности английских и русских инфинитивов в банковских и медицинских инструкциях. Автореф. дис. кан. филол. наук. – М., 2021. – 28 с.
5. Турбина О.А. Системный потенциал инфинитива и его реализация в речи // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 183-193.
6. Шафиков С.Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2004. 224 с.

© Шафиков С.Г., 2024

ТАКТИКА УГРОЗЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ И ЕГО ЭКРАНИЗАЦИИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются лексические трансформации, которые претерпевает текст произведения художественной литературы при экранизации в тактике угрозы. Были выявлены следующие трансформации: сохранение лексического состава, опущение лексических единиц, добавление лексических единиц и замена лексических единиц. Также делаются выводы о природе трансформаций текста художественной литературы при перенесении его на экран.

Ключевые слова: угроза, экранизация, художественная литература, сопоставительный анализ, лексические трансформации.

Конфликт является неотъемлемой частью взаимодействия людей в разных сферах общения. Конфликт разрабатывается многими исследователями в области педагогики, политологии, философии, лингвистики и др. Так, исследователи языка разрабатывают понятие конфликта: дают его определение, рассматривают стадии конфликта и условия его протекания, а также исследуют речевые средства, используемые в данном виде общения. В рамках конфликтного общения выделяется речевая реализация интенции угрозы, которая является частой интенцией в ситуации конфликта.

В настоящей статье рассматривается сопоставление вербальной составляющей интенции угрозы в литературном произведении и его экранизации. Визуальные образы, в числе которых невербальная коммуникация, музыкальное сопровождение, а также другие звуковые явления, не рассматриваются в рамках данного исследования.

В качестве материала были использованы фильмы, вышедшие с 2009 по 2019 гг., которые являются экранизациями произведений современной художественной литературы. Для анализа были выбраны произведения художественной литературы, созданные авторами с 1991 по 2019 гг.

Критерии отбора фильмов производились по сайту kinopoisk.ru: 1) рейтинг фильма больше 6,5; 2) голосов, отданных фильму, больше 20000; 3) наличие хотя бы одной награды; 4) время действия в фильме – с 1970-х гг. по наше время. Не использовались эксцентрические комедии – фильмы, основанные на утрировании действий и черт характера персонажей, поскольку это создает комический эффект, несвойственный коммуникативному взаимодействию людей в реальной жизни.

На наш взгляд, самое полное определение угрозы дано в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка», который объясняет значение глагола «угрожать»: «X угрожает <грозит> У-у, что сделает Р = 'X говорит У-у, что сделает плохое для У-а Р, чтобы У боялся Р» [1, 1190]. При этом, как указывают авторы, угроза предполагает серьезные неприятности, субъект действия настроен решительно, готов к действию [1, 1191].

В нашем исследовании угроза рассматривается как тактика, реализующая конфронтационную стратегию. Речевая тактика подчиняется общей стратегии речевого поведения, под которой понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [4, 54].

В работе были рассмотрены лексические трансформации, которые претерпевает текст художественной литературы при перенесении на экран.

Внимание исследования сконцентрировано на совпадающих тактиках угрозы в литературном произведении и его экранизации. Тактики, встречающиеся только в тексте литературного произведения или только в экранизации, в исследовании не были рассмотрены.

Исследование сосредоточено на лексическом уровне. Лексические изменения были распределены на следующие группы:

1. Сохранение лексического состава. В данной группе экранизация заимствует слова персонажей литературного произведения без каких-либо изменений.

Пример из произведения художественной литературы [10, 31]:

– Иди, хуже будет. Иди, или я тебя бритвой на куски порежу...

Пример из экранизации [6]:

А: Иди хуже будет// Иди или я тебя бритвой на куски порежу//

Представленный вид трансформации представляется наиболее явным при перенесении слов персонажей литературного произведения на экран. Однако часто внутри тактики угрозы происходят определенные изменения.

2. Опущение лексических единиц. В данной группе экранизация опускает лексические единицы, которые были использованы в тексте литературного произведения.

Пример из произведения художественной литературы [9, 165]:

– А если ты быковать пришел, так я тебе кольцо в нос продену, реально говорю.

Пример из экранизации [8]:

А: А если ты быковать приехал// Я тебе в нос кольцо продену//

Как видно из примера, в экранизации отсутствует лексема *так*. Данное опущение можно объяснить стремлением устной разговорной речи к экономии речевых средств. Жаргонное выражение *реально говорю* означает «говорю всерьез». Адресант хочет внушить адресату правдивость своей угрозы. В экранизации данное выражение отсутствует, что может быть

связано с уверенностью адресанта в том, что адресат воспримет угрозу всерьез.

3. Добавление лексических единиц. Лексические единицы данной группы, отсутствующие в тексте литературного произведения, добавляются в экранизации.

Пример из произведения художественной литературы [3, 267]:

– Щас как дам в пилораму...

Пример из экранизации [5]:

А: Щас как дам в пилораму/ <...>/ Придурок//

В приведенном примере в экранизации добавляется инвективная лексема *придурок*, что добавляет экранизации больше речевой агрессии.

4. Замена лексических единиц. В данной группе лексические единицы заменяются на другие в экранизации.

Пример из произведения художественной литературы [10, 31]:

– Иди сюда, я тебе куплю вагончиков к железной дороге, а не пойдешь, куплю и разломаю на твоей голове.

Пример из экранизации [6]:

А: Иди сюда// Я тебе куплю вагончиков/ к железной дороге// А не пойдешь// Куплю и разломаю на твоей башке//

В приведенном примере в тактике угрозы (начинается с «а не пойдешь...») лексема *голова* заменяется на лексему *башка*, что является заменой нейтральной лексемы на стилистически сниженный аналог. Стилистически сниженная лексика более характерна для устной разговорной речи.

Другой пример из произведения художественной литературы [2, 39]:

– <...> Семь лет тебе впаяют, щенку.

Пример из экранизации [7]:

А: Семь лет тебе впаяем/ щенку//

В приведенном примере лексема *впаяют* заменяется на лексему *впаяем*. В первом случае это неопределенно-личное предложение, во втором случае – определенно-личное, где глагол используется в форме первого лица множественного числа. Предложения имеют разную пресуппозицию ввиду использования разных форм глагола *впаять*. В первом случае отправить адресата в тюрьму должно третье лицо (постановление суда), во втором случае утверждается, что адресант имеет полномочия и влияние отправить адресата в заключение. Во втором случае угроза внушает больший страх, потому что правосудие представляется менее справедливым ввиду несоответствия должности адресанта (сотрудник ОМОНа) и полномочиям, которые утверждают адресантом.

Таким образом, лексические трансформации при перенесении текста художественной литературы на экран представлены четырьмя воплощениями: сохранение лексического состава, опущение лексических единиц, добавление лексических единиц и замена лексических единиц.

Приведенные виды трансформаций обусловлены общим стремлением устной разговорной речи к экономии речевых средств. Также в экранизации представлено больше речевой агрессии, что определяется общей тенденцией российского кинематографа выявить и усилить невыдержанность речевого поведения русского человека. Кроме того, тактика угрозы в экранизации имеет иную модальность: адресант угрозы говорит более уверенно и стремится внушить адресату больший страх. Данные изменения могут быть связаны с намерением кинематографа усилить высказывания для большего воздействия на зрителя.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. – 1488 с.
2. Глуховский Д.А. Текст. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 320 с.
3. Иванов А. Географ глобус пропил. – М.: Вагриус, 2003.
4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 5-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
5. Кинофильм «Географ глобус пропил», режиссер Велединский А., 2013.
6. Кинофильм «Похороните меня за плинтусом», режиссер Снежкин С., 2009.
7. Кинофильм «Текст», режиссер Шипенко К., 2019.
8. Кинофильм «Generation П», режиссер Гинзбург В., 2011.
9. Пелевин В. Generation ‘П’. – М.: Вагриус, 1999.
10. Санаев П.В. Похороните меня за плинтусом. – М.: ЗАО МК-Периодика, 2003. – 184 с.

© Языкова Ю., 2024

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛА «МАЛЕВАТЬ» В АСПЕКТЕ АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ

Предлагаемая статья посвящена анализу функционально-семантических свойств глагола «малевать» в аспекте актуализации категории инструментальности. Исследователь рассматривает значения данной глагольной лексики из разных лексикографических источников, проводит этимологический анализ и приводит примеры ее функционирования. Контексты функционирования глагола были выявлены из Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: *русский язык, функциональная грамматика, функционально-семантический подход, категория инструментальности, глаголы инструментальной семантики.*

В настоящей статье инструментальность рассматривается как семантическая категория, отражающая «обобщенное типизированное представление о целенаправленной деятельности агентивного субъекта» [14, 33].

В центре внимания исследователя находятся функционально-семантические свойства глагола «малевать» в аспекте актуализации категории инструментальности.

В рамках представленного в данной работе семантического анализа мы рассмотрели значения глагола «малевать», которые удалось собрать из энциклопедий и толковых словарей русского языка, провели этимологический анализ глагольной лексики и изучили контексты ее функционирования. Контексты функционирования данного глагола были выявлены из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В лексикографических источниках представлены следующие значения глагола «малевать» (сов. «намалевать»):

1. Изображать (изобразить) что-либо, рисуя красками плохо, неумело или безвкусно, а также намеренно небрежно, размашисто [1];
2. Неумело, небрежно раскрашивать, рисовать красками [8; 9];
3. Писать грубо кистью [4; 6];
4. Плохо рисовать, мазать [4; 7]; плохо, неумело или безвкусно писать, рисовать [2; 5; 11];
5. Расписывать красками [6]; раскрашивать, разрисовывать красками [7].

В выявленных значениях наблюдается актуализация опредмеченной инструментальности, где средством достижения цели является материальный объект (н-р, кисть как инструмент для покраски чего-либо; краска как материал или вещество для придания цвета предметам). Важно отметить, что в семантике глагола особую роль играет оценочный компонент – указание на небрежность, безвкукусность, неаккуратность, недобросовестность. Отрицательная оценка дается в большинстве представленных определений.

По данным историко-этимологических словарей русского языка глагол «малевать» был заимствован в XVII в. из польского языка, где *malować* «рисовать, писать красками, красить, изображать» – это переоформление немецкого глагола *malen* «рисовать» [10; 12; 13]. Первые упоминания о глаголе восходят к VIII-IX вв. к древневерхненемецким *inmālēn* «закрасить», *mālōn* и *mālēn* в значении «рисовать кистью, рисовать краской, рисовать пером, красить» [15]. Значение «плохо рисовать, мазать» считается собственно русским [12].

Глагол в значениях «раскрашивать, разрисовывать красками, расписывать красками; неумело, небрежно раскрашивать, рисовать красками» предполагает ситуацию использования специального инструмента (н-р, малярная кисть, кисти и спонжи для нанесения макияжа), материала или вещества для придания цвета предметам (н-р, краска, косметические средства) и непосредственного указания на объект, на который воздействует субъект: *Юрка сидел под настилом и красил внизу до ватерлинии, а мы втроем, Антс, Алик и я, стояли в лодке с наветренной стороны и яростно малевали другой борт* [В.Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961. НКРЯ]; *И эта девушка была как та субтильная бомжиха, что малевала обвисшее личико перед зеркалом Тамариного «порше»* [О.А.Славникова. 2017 (2017). НКРЯ]; *Я вот теперь государю доклад готовлю. Вон, видел, в сарае малевали доски? Хочу я, сударь мой, всю империю Российскую тремя колерами вымазать* [Е.А.Салиас. Аракчеевский сынок (1888). НКРЯ].

Актуализация опредмеченной инструментальности наблюдается при употреблении данного глагола в значениях «изображать (изобразить) что-либо, рисуя красками плохо, неумело или безвкусно, а также намеренно небрежно, размашисто; писать грубо кистью; плохо рисовать, мазать; плохо, неумело или безвкусно писать, рисовать» в следующих случаях:

1) когда ситуация предполагает использование специального инструмента (н-р, профессиональные художественные кисти), материала или вещества для придания цвета предметам (н-р, краска), но не указывает на объект, на который направлено действие субъекта: *Он покачал головой и сказал: — Да, при нас так не малевали. При нас если рисовали, то хотелось его взять, съисть, что яблоко, что арбуз, что окорок, — а это что?* [Ю.О.Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978). НКРЯ];

2) когда ситуация подразумевает использование опредмеченного инструмента и указывает на результат действия (н-р, плакаты, натюрморты, картины): *Надо же — плакаты революционные малевал, а попал сюда* [Г.Яхина. Зулейха открывает глаза (2015). НКРЯ]; *И дело закончилось тем, что мы с Манькой остались в музыкалке и, проклиная все на свете, по два часа в день калечили мировую классику, а Каринка бодро малевала свои натюрморты и называла нас неудачницами* [Н.Абгарян. Всё о Манюне (сборник) (2012). НКРЯ]; *Так вот работаешь, малюешь картины, ждешь признания, тебе уже тридцать, вокруг тоталитаризм, надежды никакой, а потом — раз, и приезжает белый кабриолет с таким вот Мендосой и такими вот барышнями* [М.К.Кантор. Честный англичанин (2011). НКРЯ];

3) когда ситуация предполагает использование опредмеченного инструмента и указывает на объект или место (поверхность), где совершается действие (глагол + форма ПРЕД): *Эдик подростком никогда не испытывал потребности малевать на стенах, и его всегда удивляло, почему это кому-то может доставлять удовольствие* [М.Галина. Лианы, ягуары, женщина (2013). НКРЯ];

4) когда ситуация подразумевает использование опредмеченного инструмента, указывает не только на место (поверхность чего-либо), где совершается действие, но и на результат (глагол + форма ПРЕД + форма ВИН): *Валеша тут же стал малевать на стенах самолеты, танки и еще какие-то штуки, понятные ему одному* [Ю.Дружников. Виза в позавчера (1968-1997). НКРЯ]; *Олег не глядел: медитируя по-своему, он малевал в блокноте абстракции и думал о том же, о чём думал всегда, когда ощущал неуют и неуверенность, — о жене, сыне, дочери, доме* [А.Гаррос, А.Евдокимов. Новая жизнь. Святочная повесть (2005). НКРЯ]; *В конуре своей изограф Акимыч — трактирный завсегдатай — торопливо малюет на вывеске окорока и колбасы, чтобы в положенный час сесть с графинчиком в положенном углу — и лить слезы о пропитой жизни* [Е.И.Замятин. Русь (1923). НКРЯ];

5) когда ситуация указывает на использование конкретного вещества или материала (глагол + форма ТВОР): *Одни малевали со злобой цветными карандашами, сплошь зачерчивая страницу* [И.Крупник. Все образуется. Жить долго // «Звезда», 2001. НКРЯ];

6) когда ситуация предполагает использование конкретного вещества или материала (глагол + форма ТВОР) и указание на результат (глагол + форма ТВОР + форма ВИН): *Или кто-то, кто не слишком привык малевать буквы глиной* [В.Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014). НКРЯ];

7) когда ситуация подразумевает использование конкретного вещества или материала, указание на место действия и результат (глагол + форма ТВОР + форма ВИН + форма ПРЕД): *Пальцы сами малевали куском угля каракули на стене или царапали кухонным ножом невнятные загогулины*

на столешнице, ногти сами колупали крошившуюся на печном боку побелку [Г.Яхина. Дети мои (2018). НКРЯ];

8) когда средством является неочужденное орудие, т.е. часть тела человека (глагол + форма ТВОР): *От нечего делать я учился **малевать левой рукой**, рисовал всяких зверюшек, но все во мне было настороженно — и слух, и нервы* [Е.Носов. Красное вино победы (1969). НКРЯ].

Итак, рассмотренный нами глагол включает в свой семантический потенциал значение инструмента, которое реализуется, прежде всего, в опредмеченной форме. Степень синкретизма функционирования глагола «малевать» как глагола инструментальной семантики зависит от его значения.

Список литературы

1. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских глаголов // Интернет-портал «Словари и энциклопедии на Академике». – [Электронный ресурс]. – URL: https://verbs_ru.academic.ru/ (дата обращения: 09.05.2024).
2. Малый академический словарь // Интернет-портал «Словари и энциклопедии на Академике». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/> (дата обращения: 09.05.2024).
3. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 09.05.2024).
4. Словарь иностранных слова русского языка // Интернет-портал «Словари и энциклопедии на Академике». – [Электронный ресурс]. – URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/ (дата обращения: 09.05.2024).
5. Словарь многих выражений // Интернет-портал «Наука. Искусство. Величие». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/many-expressions-dictionary/index.htm> (дата обращения: 09.05.2024).
6. Толковый словарь живого великорусского языка В.И.Даля. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovardalja.net/> (дата обращения: 09.05.2024).
7. Толковый словарь русского языка Д.Н.Ушакова // Интернет-портал «Словари и энциклопедии на Академике». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 09.05.2024).
8. Толковый словарь русского языка Т.Ф.Ефремовой // Интернет-портал «Словари и энциклопедии на Академике». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 09.05.2024).
9. Толковый словарь С.И.Ожегова // Интернет-портал «Словари и энциклопедии на Академике». – [Электронный ресурс]. – URL:

- <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (дата обращения: 09.05.2024)
10. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/schooletymological-dictionary/index.htm> (дата обращения: 09.05.2024).
 11. Энциклопедический словарь // Интернет-портал «Словари и энциклопедии на Академике». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/> (дата обращения: 09.05.2024).
 12. Этимологический словарь русского языка А.Ситникова // Интернет-портал «Словари и энциклопедии на Академике». – [Электронный ресурс]. – URL: https://etymology_ru.academic.ru/ (дата обращения: 09.05.2024).
 13. Этимологический словарь русского языка М.Фасмера // Интернет-портал «Словари и энциклопедии на Академике». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/vasmer/> (дата обращения: 09.05.2024).
 14. Ямшанова В.А. Категория инструментальности в немецком языке. – Л.: Ленинградский финансово-экономический институт. – 1991. – 159 с.
 15. DWDS – Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. Корпус немецкого языка (электронный словарь). – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 09.05.2024)

© Яркова В.В., 2024

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

УДК 81,42

Белова Ю.А.

*канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия,*

Календарева А.И.

*студентка 5 курса ВШЗФЛиП УУНиТ,
г. Уфа, Россия*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ТЕАТР» В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Т. ДРАЙЗЕРА «СЕСТРА КЕРРИ»

В статье представлены результаты исследования лексико-семантического поля «театр» в английском и русском языках с применением методов контекстуального анализа, описательного и сравнительного метода и методов количественного подсчета.

Ключевые слова: *лексико-семантическое поле (ЛСП), перевод, микрополе.*

Лексика представляет собой систему, состоящую из множества взаимосвязанных элементов, которые образуют единое целое. Следовательно, анализ лексики заключается в исследовании разных аспектов лексико-семантической системы языка и один из методов, претендующих на полноту охвата, предполагает использование семантического поля. Актуальность работы объясняется тем, что, несмотря на множество исследований системного характера языка, учёные не достигли согласия по этому вопросу. Сравнительный анализ оригинального текста и его перевода с использованием лексико-семантического поля позволит выявить особенности и закономерности функционирования языковых единиц, а также поможет улучшить качество перевода.

В данном контексте полагаем целесообразным рассмотреть лексико-семантическое поле «Театр» в оригинале романа Т. Драйзера «Сестра Керри» и его переводе на русский язык, выполненном Марком Волосовым. Цель исследования заключается в сравнительном анализе ЛСП «Театр» в обоих текстах. Задачи исследования включают в себя изучение понятия «поле» в лингвистике и его основных признаков; анализ лексических единиц из оригинала романа, входящих в ЛСП «Театр», и их соответствий, представленных в переводе. В работе применяются методы

контекстуального анализа, описательный метод, метод сравнительного анализа и метод количественных подсчетов.

Развитие теории поля и обоснование терминологии связано с исследованиями немецких лингвистов начала XX века. Термин «поле» для описания объединений слов впервые был введён Г. Ипсеном в 1924 году [8, 225]. В. Порциг предложил концепцию «элементарного семантического поля», а И. Трир и Л. Вайсгербер создали теорию, которая открыла новые перспективы в изучении значений слов [3, 21]. И. Трир высказал идею о том, что словесные единицы языка могут создавать поля, где семантически связанные слова расположены рядом друг с другом. Как и Трир, Л. Вайсгербер рассматривал слово как минимальную зависимую единицу, значение которой существует только в семантическом поле [9, 131]. Дальнейшее исследование системности языка значительно продвинулось благодаря трудам таких лингвистов, как К. Ройнинг, А. Лерер, Дж. Лайонз, Л. М. Васильев, М. М. Покровский, Ю. Н. Караулов, А. А. Уфимцева и др.

В современном языкознании понятие «поле» остается объектом пристального интереса. Оно представляет собой структурно-семантическую категорию, обладающую свойством инвариантности (т.е. постоянства). Поле объединяет крупные семантически связанные части языковой системы, которая делится на более узкие области, отражающие иерархию компонентов.

Согласно В. Г. Адмони, поле характеризуется наличием центра и периферии, взаимодействием элементов смежных полей и разной степенью связанности составляющих [1, 23]. Ядро поля, представленное общей семой или гиперсемой, организует семантическое развёртывание вокруг себя и является доминирующим стилистически нейтральным элементом, выражающим значение всех элементов поля [2, 78]. Переход от центра к периферии поля происходит градиентно, с постепенным ослаблением или усилением отдельных частей значения; в периферийных зонах смысловые связи выражены слабее, что создаёт семантическую нестабильность и элементы этой области образуют связи с другими семантическими полями. В пределах поля также выделяют различного рода обозримые микрополя.

Наряду с термином «семантическое поле» используется термин «лексико-семантическое поле» (ЛСП). Л. М. Васильев считает, что данное поле является разновидностью семантического поля. Он определяет ЛСП как набор языковых единиц, объединённых общим лексико-семантическим свойством, то есть имеющих общий нетривиальный компонент значения [4, 107].

Понятия «лексико-семантическое поле» и «лексико-семантическая группа» (ЛСГ) также зачастую отождествляются. Лексико-семантическое поле представляет собой обширное объединение семантически связанных слов, включая лексико-семантические группы, где одна из них является

основной или ядерной. Лексико-семантическая группа, в свою очередь, является совокупностью слов одной и той же части речи, связанных внутренними языковыми связями на основе взаимозависимых и взаимосвязанных элементов значения [6, 74].

Рассмотрим лексические единицы лексико-семантического поля «Театр» из текста романа Т. Драйзера «Сестра Керри» и его перевода. Роман повествует о Керри Мибер, которая переезжает в Чикаго в поисках американской мечты. Преодолев жизненные трудности, девушка достигает успеха на актёрском поприще. Мы выделяем микрополя «Театр как статика» (представление о театре как о статичном пространстве, где разворачиваются драматические события) и «Театр как динамика» (происходящие в театре процессы и динамика сцены) как составляющие ЛСП «Театр».

Микрополе «Театр как статика» состоит из трех ЛСГ «Здание театра и театральные реквизиты», «"Люди" театра» и «Зрелищные жанры и театральное представление». В оригинале произведения в данное поле входит 147 единиц, которые употребляются 225 раз; в русском тексте группа представлена 145 единицами, которые встречаются в переводе произведения 995 раз. Микрополе «Театр как динамика» состоит из пяти ЛСГ: «Постановка театрального выступления и организационная деятельность», «Подготовка к выступлению», «Сценические действия», «Эмоциональное вовлечение актера» и «Реакция зрителей». Микрополе включает в себя 122 английские лексемы, используемые 246 раз; 134 русские лексемы, употребляемые 308 раз. Англоязычное и русскоязычное микрополя отличаются количеством слов и частотой их использования, что объясняется использованием разных переводческих преобразований, хотя большинство единиц переведено с помощью подбора соответствующих эквивалентов. Использование трансформаций обусловлено различиями в системах исходного и переводящего языков, а также необходимостью воссоздать сложные элементы оригинального текста.

Рассмотрим примеры употребления лексем микрополей в оригинальном тексте и его переводе. Переводчик активно использует приемы лексического добавления и опущения. Например, в переводе произведения слово *театр* используется чаще (75 раз), чем его английский эквивалент *theatre* (37 раз). В оригинале названия некоторых театров употребляются без уточняющего слова: *H. R. Jacob's, Hooley's, the Casino, the Standard* и т.д. Однако в переводе переводчик счел необходимым сделать уточнение в виде слова *театр*, чтобы избежать путаницы и обеспечить правильное понимание текста, особенно в ситуациях, когда указывается фамилия владельца или директора заведения: *театр Джейкобса, театр Гулли, театр «Стандард», театр «Казино»* и т.д.

Обратим внимание на прием опущения: “*That's the way most girls begin, who go on the stage.*” // – *С этого начинается большинство актрис.*

Часть высказывания *girls, who go on the stage* (девушки, которые поступают на сцену), включающая в себя фразу *to go on the stage*, которая входит в микрополе «Театр как динамика», была опущена при переводе и компенсирована с помощью единицы *актрисы* (микрополе «Театр как статика»), т.е. девушки, которые играют на сцене. В следующем фрагменте один из персонажей романа советует главной героине сменить жанр, в котором она выступает: “*You didn’t go into comedy-drama, after all?*” // – В конце концов вы так и не пошли в драму? Понятие *comedy-drama* (комедийная драма) представляет собой жанр, который сочетает элементы комедии и драмы. Данная лексема была переведена как *драма* и компонент «комедия» был утерян в процессе перевода, что влияет на восприятие концепции этого жанра.

При анализе также были выделены примеры использования лексико-семантических замен, а именно конкретизации, генерализации и модуляции (смыслового развития). Слова *dressing-room, stage room, chamber* переведены как *уборная*: в данном случае слово *chamber* в значении «комната, помещение» является генерализированным понятием, а *уборная* обозначает конкретную «комнату, в которой актеры готовятся к выходу». В примере *He saw the new play* // Он посмотрел новую оперетту также более широкое по значению слово *play* заменяется на узкое понятие *оперетта*.

Единица *line* чаще всего переводится как *реплика*: *She feared that she would forget her lines.* // Её пугало, что она забудет какую-нибудь реплику. Однако в следующем примере мы видим прием модуляции: “*There isn’t another one of us has got a line.*” // – У нас у всех немые роли. Из фразы *ни у кого из нас нет реплики* следует, что девушки исполняют роли без слов т.е. *немые роли*. Предложения *She, too, could act appealingly.* // Она тоже могла бы волновать зрителей своей игрой передают одну и ту же мысль, но разными способами: в оригинале указывается, что актриса могла бы играть волнующе (*act appealingly*), а в переводе ситуация рассматривается со стороны публики – зрители могли бы быть взволнованы её игрой. Следовательно, был применен прием смыслового развития.

Использование разных лексем при переводе исходной единицы также влияет на количество слов, которые входят в поле, а также на частоту их употребления. Одно из сценических амплуа, упомянутых в романе при описании разных постановок, – герой-любовник (*lover*). В романе слово *lover* (употребляется 9 раз) переводится как *соблазнитель (1), поклонник (1), любовник (1) и возлюбленный (1)*. При переводе словосочетания *chorus girl(s)* (участница танцевально-хоровой группы) в русскоязычном тексте отметим варианты: *статистка* – актриса, которая исполняет второстепенные роли без слов; *артистка кордебалета* т.е. участвующая в массовых танцевальных номерах; *девушка в труппе* (генерализация); фраза

выступать в кордебалете (замена части речи). Эти единицы объединены тем, что обозначают актрис, играющих в массовке.

Аналогичным образом использование одного слова для перевода нескольких фраз влияет на частоту употребления слов в микрополе и конкретном семантическом ряду. Существительные *show* (шоу), *spectacle* (зрелище), *performance* (выступление), *theatricals* (спектакль, постановка), *entertainment* (представление) можно считать синонимичными, основываясь на контексте употребления (описывают формы театральных представлений и мероприятий), и в тексте они были переведены как *спектакль*. Синонимичные выражения *to give a performance*, *to get up some theatricals* и *to get up an entertainment* были переданы словосочетанием *устраивать спектакль*, которая полностью передает смысл оригинальной фразы. Обратим внимание на слово *играть*, которое в переводе романа употребляется 56 раз. Это связано с тем, что оно используется для перевода фраз, описывающих отыгрыш роли на сцене (*to take/have the part*, *to act*, *to play*, *to have some experience*), а также заменяет глагол *to do*, имеющий широкое значение «делать»: *Do it as you showed me. // Играй так, как ты мне показывала.*

Переводчик также прибегает к приему экспликации (описательный перевод): *She loved to modulate her voice after the conventional manner of the distressed heroine. // Она любила придавать своему голосу тембр и интонации, характерные для примадонн.* Поскольку невозможно точно передать фразу *to modulate the voice*, переводчик объясняет процесс изменения голоса – *придавать голосу тембр и интонации.*

Таким образом, благодаря составлению ЛСП «Театр» в оригинальном романе Т. Драйзера «Сестра Керри» и в переводном тексте М. Волосова было установлено количество лексических единиц, которые фигурируют в романе. В результате сравнительного анализа микрополей было выявлено, что переводчик довольно точно передал театральную лексику оригинала, используя различные приемы для обеспечения адекватного перевода. Выполненный анализ может послужить основой для более детального сравнительного обзора с целью выявления новых подходов и стратегий в области художественного перевода.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики: монография. – Л.: Наука, 1964. – 104 с.
2. Бабайцева В.В. Явление переходности в грамматике русского языка: монография. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Прогресс, 2000. – 67 с.
4. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. – Номер 5 – С. 105-113.

5. Драйзер Т. Сестра Керри / Теодор Драйзер [перевод с англ. М. Волосова]. – М.: Эксмо, 2023. – 512 с.
6. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.
7. Dreiser, Theodore. Sister Carrie. – КАРО, 2016. – 384 p.
8. Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft / Festschrift für W. Streiberg. – Heidelberg: Winter, 1924. – S. 200-237.
9. Öhman S. Theories of the «Linguistic field». – «WORD», 1953. – S. 123-134.

© Белова Ю.А., Календарева А.И., 2024

УДК 81'25

Биктимирова М.М.
ассистент УУНУТ,
г. Уфа, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОМПОНЕНТОВ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ИСКУССТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Рассматриваются способы репрезентации компонентов семиотического пространства в художественном тексте, его смыслообразующие и сюжетобразующие функции. Утверждается, что потеря при переводе метафорических смыслов, заложенных автором в формирование разнообразных семиотических пространств, может привести к неправильному пониманию авторской интенции и, следовательно, искажению понимания текста реципиентом.

***Ключевые слова:** Н.Готорн, семиосфера, семиотическое пространство, метафора, лексические компоненты*

При переводе художественных текстов зачастую возникает проблема передачи метафорических смыслов, заложенных автором в художественное произведение. Понятие семиотического пространства, введенное Ю.М. Лотманом, несомненно, играет большую роль в постановке и решении этой проблемы, т.к. семиотические пространства нередко берут на себя смыслопорождающую функцию в художественном тексте. Таким образом, именно в семиотическом пространстве текста закодированы имплицитные смыслы, необходимые для понимания авторской интенции и последующего выполнения перевода. Особенности семиотического пространства и своеобразие связи между его компонентами могут остаться незамеченными переводчиком, что приводит к смысловым потерям в процессе перевода.

Недостаточная изученность лингвистической репрезентации компонентов семиотического пространства художественного текста и обуславливает актуальность данного исследования. Целью исследования является анализ компонентов семиотического пространства искусства на материале романа Н. Готорна «Мраморный фавн» и определение особенностей формирования пространственных отношений в структуре художественного текста.

В романе Н. Готорна «Мраморный Фавн» категория пространства представляется многоуровневой и передается как при помощи сугубо лингвистических компонентов, так и при помощи приема «текст в тексте». Данное понятие было сформулировано Ю.М. Лотманом, для описания использования автором своеобразных «вставок», отсылок на другие тексты. «Такие отсылки, как правило, используются автором с целью вложения дополнительных метафорических смыслов в художественный текст, и выполняют, таким образом, смыслопорождающие функции» [3]. Действительно, по словам Лотмана «переключение из одной системы семиотического осознания текста в другую на каком-то внутреннем структурном рубеже составляет в этом случае основу генерирования смысла» [1].

Многогранные пространственные отношения внутри художественного текста Готорна формируются при помощи именно таких «переключений», а создаваемые им пространства мифологии и искусства разграничивают понятия объективной реальности и условной реальности художественного произведения. В данном исследовании рассмотрим семиотическое пространство искусства и языковые средства репрезентации его компонентов. Эту семиосферу представляется возможным условно разделить на следующие категории: живопись, скульптура, архитектура и танец. Так пространственные категории живописи и скульптуры репрезентуются, в частности, при помощи лексем, называющих имена мастеров античности и возрождения: *Raphael, Leonardo da Vinci, Guido Reni, Domenichino, Caravaggio Guercino, Perugino, Luini, Praxiteles, Michaelangelo, Bernini*/ Рафаэль, Леонардо да Винчи, Гвидо Рени, Доменикино, Караваджо, Гверчино, Перуджино, Луини, Пракситель, Микеланджело, Бернини, инструменты работы художника/скульптора, технику: *pen, ink, pencil, sketch, drawing, touch, easel, canvas, marble, sculpture, clay, plaster, chisel*/ перо, чернила, карандаш, набросок (эскиз), рисунок, штрих (мазок), мольберт, холст, мрамор, скульптура, глина, гипс, зубило.

Данные лексические компоненты являются одним из уровней сложной метафорической структуры, создаваемой Готорном. Так, произведения художников и скульпторов, а также их копии, создаваемые героями романа, выполняют смысло- и сюжетообразующие функции в тексте, анализ которых будет неполон без обращения к образам главных героев, в частности, Донателло и Мириам. С этими глубоко метафоричными

образами связаны разнообразные живописные и скульптурные мотивы, имплицитно указывающие на состояние героев, а также их последующую эволюцию. Так, Мириам, таинственная художница-копиистка, сравнивается автором с героинями полотен Караваджо, Гвидо Рени и Перуджино–Беатриче Ченчи, Юдифью, Иаиль, а также со скульптурой Клеопатры. Интересно отметить, что Мириам выполняет копии данных картин, и ее трактовка образов героинь отличается от оригиналов некоей обреченностью, а также «печатью злодейства» [6], что метафорически указывает на терзания и раскаяние самой Мириам. Портрет в данном случае «постоянно колеблется на грани художественного удвоения реальности» [2], являясь источником закодированных метафорических смыслов, выполняющих сюжетообразующую функцию: *“but, dissatisfied either with her own work or the terrible story itself, Miriam had added a certain wayward quirk of her pencil, which converted the heroine into a murderess”*[5]/ «но, неудовлетворенная не то своей работой, не то самим ужасающим сюжетом, Мириам добавила неуловимый штрих карандашом, который превратил героиню в убийцу» [6]. Данная структура получает свое развитие, когда героиня видит во сне «небесные» варианты полотен великих мастеров: *“Guido had shown her another portrait of Beatrice Cenci, done from the celestial life, in which that forlorn mystery of the earthly countenance was exchanged for a radiant joy”* [5]/ «Гвидо показал ей другой портрет Беатриче Ченчи, написанный в небесной жизни, в коем тень безнадежности и тайны на ее лице сменилась на сияние тихой радости» [6].

Использованный автором прием позволяет реципиенту приоткрыть завесу тайны над прошлым Мириам и приблизиться к разгадке терзающего ее зловещего происшествия, а также метафорически отражает и дальнейшую судьбу героини: Мириам «проходит путь от смятения и ужаса перед злодейством, за которое нет расплаты, до смирения и раскаяния» [4].

С образом Донателло, молодого итальянского аристократа, неразрывно связана категория пространства скульптуры. Изначально юноша сравнивается со статуей фавна работы Праксителя: он обладает не только внешним сходством со скульптурой, но и несет в себе многие другие признаки мифологического создания, он – «воплощенный дух веселости, живости и легкомыслия» [5]. Однако по мере развития повествования, Донателло совершает преступление во имя спасения Мириам, что приводит к разительным переменам в его душе. Эти перемены отражаются в серии бюстов, которые ваяет скульптор Кенион. Первый бюст, по мнению его создателя, совершенно не похож на модель, однако, ненамеренно отражает лицо Донателло в момент совершения преступления: *“Kenyon had given.... a distorted and violent look, combining animal fierceness with intelligent hatred.”*[6]/ «Кенион придавал... выражение, искаженное звериной яростью, смешанной с осознанной ненавистью» [6]. Интересно отметить, что данный

бюст является своеобразным эскизом, сделанным из глины, что подчеркивает мотив «незаконченности», «перехода».

Второй бюст развивает данную метафорическую структуру в рамках семиотического пространства скульптуры: он показывает следующую «ступень» развития образа Донателло и его постепенное «превращение из фавна в человека». Его лицо все еще напоминает фавна Праксителя, но уже несет в себе печать пережитого опыта: *“it is the Faun, but advancing towards a state of higher development”* [6]/ «это лицо фавна, но фавна, сделавшего шаг к высшему развитию» [5]. Этот бюст скульптор ваяет из мрамора, что отражает завершение «переворота», произошедшего в душе Донателло. Стоит также заметить, что «переворот в фавне» (*“the faun’s transformation”*) – название главы романа, в которой с героем происходит эта внутренняя трансформация.

Полагаем, что для репрезентации компонентов семиотического пространства искусства Готорн намеренно вводит в текст мотивы «удвоения», воспроизводимые в живописных и скульптурных портретах героев. В случае потери этих мотивов при переводе возникает риск неправильной интерпретации авторской интенции и значительного слоя контекстной информации, что ведет к искажению понимания смысла художественного текста. Семиотическое пространство выполняет в тексте смыслообразующие и сюжетообразующие функции, что и обуславливает необходимость его тщательного анализа перед выполнением перевода.

Таким образом, рассмотренные нами способы репрезентации компонентов семиотического пространства искусства в художественном тексте Н. Готорна, создают сложную, многоуровневую структуру пространственных связей, в которые заложены имплицитные смыслы. Анализируя различные типы семиотических пространств и их компоненты, как лексические, так и метафорические, следует подчеркнуть разнообразие сквозных пространственных метафорических структур, сложную связь между мифологическим пространством и условной реальностью художественного текста. При этом необходимо отметить, что данные пространственные характеристики неразрывно связаны с образами персонажей, которые являются по своей сути глубоко метафоричными, что необходимо учитывать для передачи глубинных и многообразных метафорических смыслов, заложенных в произведения Н. Готорна.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
2. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3-х тт. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. С. 13-24.
3. Морозкина Е.А., Биктимирова М.М., Габдуллина А.Р. Актуализация метафорических смыслов мотива "искупления" в оригинале и переводе

романа н. Готорна "Мраморный фавн" // Вестник Башкирск. ун-та. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-metaforicheskikh-smyslov-motiva-iskupleniya-v-originale-i-perevode-romana-n-gotorna-mramornyy-favn>

4. Морозкина Е.А., Биктимирова М.М, Исхакова Э.В. Библиейская метафора в художественном тексте // Вестник БашГУ. 2018. Т. 23. № 2. С. 538-542.

5. Готорн Н. Мраморный Фавн. – СПб.: типография Глазунова, 1860. 294 с.

6. Hawthorne N. The Marble Faun. URL: <http://www.eldritch-press.org/nh/mf.html>.

© Биктимирова М.М., 2024

УДК 81'25

Морозкина Е.А.

*д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия*

Исмагилова Э.Ж.

*магистрант 2 ГО УУНиТ,
г. Уфа, Россия*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НИЦШЕАНСКОЙ ИДЕИ «СВЕРХЧЕЛОВЕКА» В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ РОМАНА ДЖ. ЛОНДОНА «МОРСКОЙ ВОЛК»

В статье рассматривается проблема репрезентации ницшеанской идеи «сверхчеловека» Фридриха Ницше в романе Джека Лондона «Морской волк» (1904), а также в его переводе на русский язык З. Вершининой (1998). В данном исследовании анализируется использование лексики, имеющей отношение к концепции «сверхчеловека», – в описании внешности, моральных ценностей и религиозных взглядов главного героя произведения Волка Ларсена. В результате исследования выделены лексико-семантические ряды, которые соотносятся с идеями ницшеанской философии.

Ключевые слова: *ницшеанство, «сверхчеловек», Морской волк, Джек Лондон, перевод, семантические ряды*

В своих трудах «Так говорил Заратустра» и «По ту сторону добра и зла» Ф. Ницше воспринимал жизнь как непрерывную «борьбу всех против всех», в которой неизбежно должен победить сильнейший представитель человеческого рода. Итогом философских размышлений Ф. Ницше стала идея о появлении так называемой расы «сверхчеловеков», состоящей из героев бунтарей, сильных личностей, бросающих вызов всему остальному человечеству. Концепция немецкого философа вызвала большой интерес и критику общественности. Идеи ницшеанства не обошли стороной и американских писателей, и среди них Джека Лондона, который поставил под сомнение гуманность крайне индивидуалистской философии Ницше. Анализ семантики лексики, отражающей идею сверхчеловека, практически не рассматривается исследователями, что определяет актуальность статьи. Научная новизна исследования связана с формированием лексико-семантических рядов, позволяющих осуществить репрезентацию ницшеанской идеи «сверхчеловека» в ходе лингвистического анализа оригинала романа Дж. Лондона «Морской волк» (1904) и его русскоязычного перевода, осуществленного З. Вершининой в 1998 году.

Исследование «языковой личности» начинается в конце XX века и связано с выходом работы Г.И. Богина, в которой языковая личность рассматривается с точки зрения лингводидактики. Г.И. Богин определяет языковую личность как личность, которая «присваивает язык», «для кого язык есть речь», и «характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком сделать» [1, 3]. Языковая личность – человек, «рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые потоки, создавать и понимать произведения речи» [2, 21]. Наряду с Г.И. Богиным над понятием языковой личности работал и российский лингвист Ю.Н. Караулов. Ученый рассматривал структуру языковой личности на трех уровнях: вербально-семантическом (лексикон личности, включающий фонд ее грамматических знаний), лингво-когнитивном (тезаурус, отражающий «образ мира» или систему знаний о мире) и мотивационном (прагматикон, включающий в себя систему целей, мотивов, установок и интенциональностей) [3, 238]. Теоретическое выделение в структуре языковой личности лексикона, тезауруса и прагматикона вполне обоснованно и убедительно, однако на практике, взаимопроникновение этих уровней может размываться и становиться нечетким.

Согласно философии Фридриха Ницше, раса «сверхлюдей» стремится к власти над человечеством и к полному превосходству над остальными людьми. Философ отрицает законы морали и религию, критикует равенство людей, присваивает себе желаемое и не осуждает причинение боли слабому. В романе «Морской волк» Дж. Лондон рассуждает об антигуманности концепции «сверхчеловека» и вводит образ Волка Ларсена – жестокого и властного капитана морского судна. Его мировоззрение и характер

отображаются в его аморальных поступках. Писатель изображает сильную личность, героя индивидуалиста, некоего ницшеанского «сверхчеловека», который во многом представляет собой ницшеанский тип личности. Отметим, что в художественном тексте развенчивается культ так называемой сильной личности, пораженной крайним индивидуализмом. Волк Ларсен обладает характерной внешностью, черты которой напоминают, по описанию автора, хищного зверя, живущего по законам джунглей.

Для описания Волка Ларсена писатель использует лексико-семантический ряд, в котором сравнивает своего персонажа с представителями животного мира, чтобы символически показать его превосходство над более слабыми человеческими особями. С точки зрения психологии, люди-хищники – это люди, не обладающие такими чувствами, как эмпатия и сострадание. Неслучайно в художественном тексте Волк Ларсен сравнивается с такими дикими животными, как: *leopard / leopard, gorilla / gorilla, акула / shark, змея / snake, тигр / tiger, волк / wolf*. Данные сравнения позволяют осуществить «метафорический перенос значения», связанного с качествами диких животных, на человека [5, 431]. Персонаж обладает неустранимостью леопарда, силой гориллы, бесстрашием акулы, коварством змеи, мощью тигра, кровожадностью волка, и в результате в тексте формируется лексико-семантический ряд: *"wild" leopard / дикий леопард, gorilla grip / хватка гориллы, beast / зверь, shark / акула, snake / змея, tiger / тигр, wolf / волк*. Все эти сравнения нашли отражение в романе и достаточно точно переданы в переводе. В предложении *«He had me by the throat with his gorilla grip»* / «Он, как горилла, схватил меня за горло» переводчиком была использована грамматическая замена существительного «grip» на глагол «схватить», что представляется вполне допустимым, поскольку данный прием не ослабляет отрицательной коннотации персонажа и точно передает мощь его физической силы. Кроме того, в художественном произведении использован лексико-семантический ряд, состоящий из существительных, передающих определенные физические качества и внешние характеристики личности Волка Ларсена: *strength / сила, fierceness / жестокость, indomitableness / неукротимость, conviction / уверенность, decision / решительность, firmness / твердость*.

Волк Ларсен обладает определенным умом, проницательностью и жестоким характером, матросы на корабле ему подчиняются, а важнейшей составляющей жизни он считает волю к власти. Речевые характеристики Волка Ларсена близки к постулатам сверхчеловека Ф. Ницше: *might is right / право в силе; weakness is wrong / слабый всегда виноват; it is pleasurable to be strong / быть сильным хорошо*. При этом у читателя возникает неприятие героя, утверждающего культ грубой силы и жестокости, поскольку Ларсен представлен неким человеком-зверем, в котором гораздо больше «звериного», чем «человеческого» [6, 37]. Перевод фразы «weakness is

wrong» / «слабый всегда виноват» осуществлен при помощи грамматической замены существительного «weakness» на субстантивное прилагательное «слабый», с добавлением лексемы «всегда» и лексической заменой прилагательного «wrong» на часть составного именного сказуемого «виноват», что не является дословным переводом оригинала, но благоприятно усиливает заложенную автором идею неприязни героя к проявлению слабости. Речи Волка Ларсена и обращения к команде шхуны ярко иллюстрируют подход к жизни, идентичный идеям сверхчеловека – причинение боли слабому, жажда власти: *stick a knife / всадите нож; I may take or break you / я переделаю вас или сломаю; I could kill you / я мог бы убить вас*. Для построения речей главного героя и выражения неустранимости и жестокости характера Дж. Лондон в романе использовал глаголы, которые можно объединить в лексико-семантический ряд: *stick a knife / всадить нож, take / переделать, break / сломать, kill / убить, conquer / победить, command / властвовать, struggle / страдать*.

Сходство героя Дж. Лондона с ницшеанской личностью отражается в «главном идейном принципе, составляющем сущность «сверхчеловека»: нигилизм и поиск себя» [6, 36]. Как истинный представитель расы «сверхлюдей», главный герой романа отрицает религию. Персонаж Джека Лондона отрицает нормы нравственности и гуманистические идеалы, чем также вызывает неприятие читателя. Как и «сверхчеловек», Волк Ларсен не верит в абсолютные моральные законы и наличие общечеловеческого порядка вещей, он сам создает свои законы и правила и жаждет только власти над другими. Он обладает неукротимой энергией, которая преимущественно превращается в бунт героя-одиночки, индивидуалиста, выступающего против морали и нравственности, что привносит в его судьбу элемент трагизма. Для описания личности персонажа писатель использует лексико-семантический ряд, состоящий из прилагательных: *immoral / безнравственный, inmoral / аморальный, nothing is sacred / нет ничего святого, pitiless / беспощадный*. В предложении «*Wolf Larsen was pitiless*» / «Волк Ларсен не знал пощады» переводчик совершает лексическую замену прилагательного «*pitiless / безжалостный*» на словосочетание «не знать пощады». Переводческая замена представляется вполне допустимой, поскольку усиливает отрицательную коннотацию персонажа, не изменяя авторского замысла.

Вышеприведенный анализ примеров и сформированных лексико-семантических рядов позволяет выделить слова-маркеры с семантикой, передающей идиологемы «сверхчеловека», и подразделить их на несколько категорий, включающих: глаголы с отрицательной частицей «не» (*not permit / не допускать*); глаголы с семантикой отрицания (*deny / отрицать*); глаголы в повелительном наклонении (*stick a knife / всадите нож*); глаголы, передающие тип действия (*conquer / победить, command / властвовать, struggle / страдать, break / сломать, kill / убить*); а также существительные

(*strength* / сила, *fierceness* / жестокость, *indomitableness* / неукротимость, *conviction* / уверенность, *decision* / решительность, *firmness* / твердость, *leopard* / леопард, *gorilla grip* / хватка гориллы, *beast* / зверь, *shark* / акула, *snake* / змея, *tiger* / тигр, *wolf* / волк) и прилагательные (*wild* / дикий, *immoral* / безнравственный, *immoral* / аморальный, *nothing is sacred* / нет ничего святого, *pitiless* / беспощадный, *strong* / сильный).

Особенности языковой личности «сверхчеловека», представленной персонажем Волком Ларсеном, отражаются в лексиконе и тезаурусе персонажа, т.е. на двух уровнях структуры языковой личности, а именно: вербально-семантическом и лингво-когнитивном (по Ю.Н. Караулову).

Таким образом, в ходе исследования были сформированы лексико-семантические ряды, позволяющие осуществить репрезентацию ницшеанского «сверхчеловека». Джек Лондон описывает ницшеанский тип личности при помощи определенных слов-маркеров, передающих идеи концепции сверхчеловека, которые выражаются разными категориями глаголов, а также существительными и прилагательными.

Список литературы

1. Богин, Г.И. Современная лингводидактика/ Г.И. Богин. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.
2. Власкова М.В. Языковая личность, её структура: некоторые мнения и оценки // Вестник ВятГУ. 2009. № 4. – С. 21–23. (Дата обращения: 09.05.2024).
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
4. Лондон Дж. Морской Волк. Пер. с англ. З. Вершининой. – М.: Эксмо, 2024. – 350 с.
5. Морозкина Е.А., Исхакова Э.В. Интерпретация «текстовых аномалий» в геральдической конструкции интертекстуальности / Доклады Башкирского университета. Том 7. № 6. – Уфа, 2022. – С. 426-434.
6. Морозкина Е.А., Кутеева Н.Э. Ницшеанские влияния в литературе США на рубеже XIX- XX веков: учеб. пособие / Бир. гос. пед. ин-т. – Бирск, 2005. – 97 с.
7. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М.: Эксмо, 2010. — 431 с.
8. London J. The Sea-Wolf. – GB.: Wordsworth / Wordsworth Editions Ltd, 2015. – 256 pp.

© Морозкина Е.А., Исмагилова Э.Ж., 2024

Исхакова Э.В.

*канд. филол. наук, ст. преп. УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

Смирнова В.А.

*аспирант УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

ПРИЕМЫ РЕКУРСИИ И РЕДУПЛИКАЦИИ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ ДЖ. БАРНСА

В статье исследуются приемы рекурсии и редупликации в рамках художественного текста. Проводится анализ перевода примеров рекурсии и редупликации на материале художественных текстов Джулиана Барнса версии их переводов на русский язык. Авторами предпринимается попытка доказать необходимость учета этих приемов в переводе.

Ключевые слова: рекурсия, редупликация, художественный текст, перевод, прием, лексическая единица.

Актуальность исследования определяется необходимостью анализа способов перевода редупликации и рекурсии с учетом теории и практики художественного перевода. Целью исследования является выявление примеров редупликации и рекурсии в оригинальных текстах Джулиана Барнса и анализ их перевода. В качестве исследуемого материала были выбраны такие художественные тексты как «Попугай Флобера» и его перевод на русский язык, выполненный А. Борисенко и В. Сонькиным в 2017 году, а также «Портрет мужчины в красном», перевод которого на русский язык осуществлен Е. Петровой в 2020 году.

В лингвистике под рекурсией понимается способность языка порождать смыслы, вложенные в предложения. Известный американский лингвист Ноам Хомский отмечал, что при рекурсии фразы одного типа включаются внутрь фраз такого же типа, что создает эффект бесконечных возможностей. К примеру, возьмем предложение “*The dog barked*” («Собака залаяла»). За счет рекурсии — это предложение может быть расширено следующим образом: “*The dog that the cat chased barked*” («Собака, преследовавшая кота, залаяла»). Стоит заметить, что фразы в вышеупомянутых предложениях нанизываются одна на другую. В данном случае теряется понимание и смыслонаполнение этих элементов. Ноам Хомский подчеркивал, что этот недостаток связан не столько с самим языком, сколько с ограниченностью человеческой памяти. Более того, он утверждал, что именно рекурсивная способность отличает язык от других форм мышления, таких как категоризации и распознавания связей между вещами [5, 182].

Такие ученые, как Э. Аветян, А. Гладкий, Р. Котов, утверждают, что лингвистической рекурсией принято считать последовательное повторение грамматических структур. Этот прием описывается как размещение одного языкового элемента в другом, которые схожи по своим свойствам. Например, предложение «*Jack has a daughter*» может быть распространённым, если добавить придаточную часть в это предложение: «*Jack, whom you know very well, has a daughter*» или «*Jack, whom you know very well, has a daughter which is taken from school every day*». Таким образом, под «рекурсией» в общем смысле подразумевается способность языка порождать новые грамматические конструкции и структуры в рамках определенного предложения. Прием рекурсии может быть использован автором для усиления стилевой окраски, привлечения внимания и описания объекта. Кроме того, явление рекурсии можно встретить в художественной литературе, где авторы текстов прибегают к приему рекурсии для того, чтобы создать большое количество предложений, каждое из которых обладает конкретным значением и структурой.

В оригинале романа Дж. Барнса «Попугай Флобера» встречается следующий пример лингвистической рекурсии: «... *that was a few years before...—wonders if he might ... have passed her ...*» [10,24] / «...это было за несколько лет до... мол, может прошел мимо тебя ...» [2,61]. В оригинале применяется прием рекурсии в придаточном предложении, где относительным местоимением является *that*: *that was a few years before* [10, 24]/*это было за несколько лет* [2, 61]. В этом предложении также имеется оборот *wonders if*, благодаря которому образуется новая грамматическая конструкция. Исходя из анализа перевода оригинального предложения, можно сделать вывод о том, что в оригинальном тексте сохраняется конструкция придаточного предложения с относительным местоимением, что и является рекурсией. А. Борисенко и В. Сонькин предложили другой вариант перевода этого предложения, что существенно искажает оригинальный смысл, поскольку в исходном тексте отсутствует перевод конструкции с относительным местоимением.

В тексте романа «Попугай Флобера» можно также выделить и другой пример, в котором имеется прием рекурсии: «*In Marseilles he visited a ... 'sheep-women', who ran around ... if they were real*» [10,30]/ «В Марселе, ... он посетил ...«женщин-овец», которые бегали по кругу, – настоящее или нет?» [2,74]. В этом предложении присутствует относительное местоимение *who* и условный элемент *if*.

В качестве приема рекурсии в художественном тексте «Портрет мужчины в красном» можно отметить следующий пример: “*Or we might begin ... with the coat*” [Barnes 2019: 10] / «А то можно начать с халата» [Барнс 2020: 12]. Это предложение автор расширил следующим образом “*Unless it is better described as a dressing gown*” [Barnes 2019: 10] / «Или, выражаясь изящнее, с шлафрока» [Барнс 2020: 12]. В данном предложении

речь идет о таком элементе гардероба как «халат», с описания которого начинается текст романа, а также лексическую единицу “coat” автор выносит и в название самого художественного текста. Мы считаем, что Е. Петрова успешно перевела предложения на русский язык, сохранив их смысл.

Кроме приема рекурсии, в художественных текстах Дж. Барнса используется прием редупликации. Прием редупликации широко изучен во многих языках. Если в английском языке наблюдается значительное разнообразие форм и использование игры слов, то в русском языке прием редупликации рассматривается преимущественно с точки зрения словообразования.

Прием редупликации рассматривался в работах таких ученых как Г.Б. Антрушина, О.Д. Мешкова, Е.В. Вежбицкая и др. Согласно Г.Б. Антрушиной, редупликация – это отдельный способ словообразования, а также «самостоятельная модель». В работе О.Д. Мешковой, редупликация представлена как компонент, который может быть частью «модели словообразования» [1, 210]. По мнению Е.В. Вежбицкой, прием редупликации служит средством изменения лексического значения слов, а также «интенсивности, дробности, выразительности и уменьшительности» [4, 356] их значений. Многие лингвисты считают удвоение отдельным типом словообразования. Н.В. Солнцева отмечает, что этот способ стал использоваться массово еще до появления «современного аффиксального словообразования и словосложения» [3, 176]. М.И. Мехеда считает, что редупликация представляет собой способ словообразования, который характеризуется «структурой, мотивированностью и функционированием в речи» [8, 263].

В оригинале и переводе постмодернистского текста Джулиана Барнса «Попугай Флобера» выявлен пример с приемом редупликации: “... *he gives Emma brown eyes*” [10, 42], что расширяется автором фразой “*on another deep black eyes*” [10, 42], а также “*and on another blue eyes*” [10,42]. А. Борисенко и В. Сонькин передали как «...он наделяет Эмму Бовари карими глазами», «в другом — глубокими черными», а в следующий раз глаза героини оказываются синими» [2,102]. Стоит отметить, что в этом примере автор подразумевает полную редупликацию, поскольку имеется повтор полного слова целиком.

В тексте «Портрет мужчины в красном» отметим пример: “It’s not about you, it’s about the coat” [Barnes 2019: 10] / «Здесь важны не вы, здесь важен халат» [Барнс 2020: 13]. Через один абзац автор редуплицирует снова этот фрагмент “it’s all about the coat” [Barnes 2019: 10] / «Вся соль – этот халат» [Барнс 2020: 14]. В данном примере также происходит редупликация полной фразы.

Таким образом, приемы рекурсии и редупликации в художественных текстах Дж. Барнса имеют важное значение. Редупликация представляет

собой один из способов словообразования, при котором происходит повторение лексических единиц или отдельных фраз, которые определяют особенности языкового уровня, грамматического строя и стилистики. Рекурсия, в свою очередь, придает художественному тексту особую выразительность, передавая новые оттенки смысла.

Список литературы

1. Аветян Э.Г. Семиотика и лингвистика / Э.Г. Аветян; Ерев. гос. ун-т. – Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1989. – 286 с.
2. Барнс Дж. Попугай Флобера: роман / Джулиан Барнс; пер. с англ. А. Борисенко, В. Сонькина. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. – 320с.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
4. Мешкова О.Д. Словообразование в современном английском языке. – М.: Наука, 1976. – 237 с.
5. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста / Е.А. Реферовская; отв. ред. А.В. Десницкая. – Л.: Наука, 1983. – 215 с.
6. Морозкина Е.А. Герменевтика в филологии, лингвистике и переводоведении // Вестник БашГУ. 2012. Т. 17. №1. С. 154–157.
7. Морозкина Е.А. Перевод и редупликация лексемы «beag» в текстах Дж. Барнса // Вестник Башкирского университета. – 2021. – Т. 26, №1. – С. 126-131.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 199 – 656 с.
9. Солнцева Н.В. Проблемы морфологии изолирующих языков в типологическом освещении: дис. доктора филол. наук. – М., 1984. – 419 с.
10. Barnes J. Flaubert's parrot. – London: Jonathan Cape, 1984. – 190 p.

© Исхакова Э.В., Смирнова В.А., 2024

Камалов Р.И.*канд. филол. наук, доцент УУНУТ,
г. Уфа, Россия***Усатенко Г.О.***магистрант УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ КОМИКСОВ)

Данная статья посвящена исследованию особенностей перевода креолизированных текстов на примере англоязычных комиксов и их официальных русскоязычных переводов. При передаче таких текстов переводчик должен учитывать не только вербальную составляющую, но и визуальные элементы, поскольку они тесно взаимосвязаны. В силу специфики формата, культурных особенностей страны реципиента, состояния рынка комиксов и многих других факторов может применяться приём транскреации.

Ключевые слова: *комиксы, креолизированный текст, перевод, имена собственные, транслитерация, транскрибирование, калькирование, транспозиция, транскреация, ономотопея.*

В последнее время комиксы стали довольно популярными среди русскоязычных читателей в качестве медийного источника развлечения. На данный момент развлекательная сфера предлагает широкий выбор произведений разных стилей, форматов и жанров. В России существует большое количество издательств, занимающихся переводом комиксов на русский язык, благодаря чему интерес к этому жанру постоянно растет, что привлекает внимание как опытных, так и начинающих лингвистов-переводчиков.

Цель работы заключается в изучении особенностей креолизованного текста на материале англоязычных изданий комиксов и их официальных переводов на русский язык. Для исследования были использованы работы зарубежных и отечественных исследователей в области переводоведения, таких как Е.Д. Малёнова, В. Габалло, Д. Педерсен и другие.

Под креолизированными текстами в данной работе понимаются тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной, языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [3, 180]. Креолизованные тексты образуются в процессе креолизации, то есть комбинирования «средств разных семиотических систем в комплексе, отвечающем условию текстуальности» [1, 109]. В лингвистике данный вид текста является

некоторым буквам, например, букве «ы», соответствуют новые символы, не встречавшиеся ранее в коде строителей.

Таким образом, перевод комиксов может осуществляться базовыми приёмами и переводческими трансформациями, а именно транслитерацией, транскрибированием, калькированием и другими. Выбор каждого переводческого приёма зависит от контекстной ситуации, а также личного решения переводчика, как, например, в случае транскреации. Транскреация часто является необходимым методом перевода при работе с комиксами в силу специфики формата, культурных особенностей страны реципиента, состояния рынка комиксов и многих других факторов.

Список литературы

1. Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т; под редакцией А.П. Сковородникова. Вып. 3 (11). – Красноярск: Красноярский университет, 2000. – С. 104–110.
2. Малёнова Е.Д. Креативные практики в переводе / Е.Д. Малёнова. // Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние: тезисы Третьей Междунар. науч. кон-ции. – Вологда: ВоГУ; Нижний Новгород: НГЛУ, 2018. – С. 53-55.
3. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180–186.
4. Chaume F. Audiovisual Translation Trends: Growing Diversity, Choice and Enhanced Localization. / Esser, Andrea (ed.). Media Across Borders: Localising TV, Film and Video Games, 2016. – P. 68–84.
3. Gaballo V. Exploring the boundaries of transcreation in specialized translation // ESP Across Cultures. University of Macerata, Italy – 2012. – Vol. 9. – P. 95–113.
4. Pedersen D. Managing transcreation projects. An ethnographic study. // Translation practice in the field: Current research on socio-cognitive processes, 2019 – P. 43–61.
5. Spinzi C. The Wheres, Whats and Whys of Transcreation // Translation or Transcreation? Discourses, Texts and Visuals / ed. by C. Spinzi, A. Rizzo, M. Zummo. Newcastle Upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – P. 1-14.
6. <https://www.youtube.com/watch?v=zHuoX03mD1A&t=2566s>
7. <https://dzen.ru/osobennosti-vozpriiatiia-komiksov-ili-pochemu-komiksy-ne-dlia-slabakov>
8. <https://www.unisender.com/ru/glossary/chto-takoe-transkreatcia/>

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА РЕМАРОК (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛА И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЙ ПЕРЕВОДА ПЬЕСЫ А.П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД»)

В статье рассматривается прагматический аспект перевода ремарок на материале пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» и англоязычных версий ее перевода, выполненных К. Гарнетт, К. Коламбусом, Т. Донахи, Л. Аппель, Р. Нельсоном, Р. Пивером и Л. Волохонской. В работе выявляются лексические единицы ремарочного текста, содержащие семантические трансформации, а также разного рода стилистические и культурные сдвиги. Определяются способы прагматической адаптации ремарок в процессе перевода.

Ключевые слова: ремарка, драма, прагматическая адаптация, переводческие трансформации

В современной лингвистике существенно возрастает исследовательский интерес к изучению драматургического текста в аспекте перевода. Специфике ремарок посвящено множество исследований как отечественных, так и зарубежных ученых: О.А. Астафьевой, Дж. Биля, З.С. Дотмурзиевой, В.С. Красногорова, А.В. Хижняк, Л.А. Шуваловой, Л. Комптона, Дж. Стайна и других. Одной из отличительных особенностей драматургического жанра является отсутствие повествования как такового. Основу целостной структуры драмы составляют диалоги, монологи и ремарки. Ремарки являются важным элементом драматургического произведения, поскольку они содержат необходимые замечания автора-драматурга, а именно: место и время действия, психологический аспект реплик персонажей, а также характер, жесты, мимика, интонация и поступки действующих лиц. По замечанию А.В. Хижняк, ремарки не только не нарушают художественной целостности пьесы, но и, напротив, «способствуют созданию композиционно-смыслового единства драматического произведения» [6, 93].

Согласно словарному определению, ремарка представляет собой «драматургический термин, обозначающий пояснения, замечания, комментарии к изображенному в драме событию» [4, 206]. В драматургическом жанре ремаркам отводится главная роль в процессе установления межтекстовых связей. Ремарки служат для обозначения и описания внешних и внутренних характеристик основных и

второстепенных персонажей пьесы, а также они необходимы для детализации описания происходящих вокруг событий. Кроме того, ремарки – это своего рода «авторский голос», который сопровождает читателя на протяжении всего текста драмы, давая ему принципиально важные пояснения происходящего в пьесе. Как известно, ремарки оказывают воздействие не только на читателя и зрителя, но также на режиссера и его актерский состав. Принимая во внимание данный факт, Н.А. Тропина приходит к выводу: «...ремарки, интерпретируя драматическое произведение, становятся прагматически обусловленными» [5, 429]. Верная интерпретация авторского замысла, закодированного в ремарочном тексте, позволяет в полной мере раскрыть основополагающую идею автора-драматурга. В настоящем исследовании проблема сохранения в переводе авторских интенций, закодированных в ремарках, рассматривается в рамках лингвопрагматики. На сегодняшний день прагматический аспект перевода ремарок остается недостаточно исследованной темой, что определяет актуальность темы статьи и обеспечивает ее научную новизну. Цель исследования заключается в выявлении лексических единиц ремарочного текста, претерпевающих различного рода переводческие деформации, в оригинале пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» (1904) и в англоязычных версиях ее перевода, выполненных К. Гарнетт (1911), К. Коламбусом (2005), Т. Донахи (2006), Л. Аппель (2007) и группой переводчиков Р. Нельсоном, Р. Пивером и Л. Волохонской (2015) (далее по тексту – Р. Нельсон и др.).

Переводной драматургический текст должен быть не только эквивалентным оригиналу, но и обладать прагматическим потенциалом. Иными словами, такой перевод должен вызывать у реципиента определенную интеллектуальную или эмоциональную реакцию. В таком случае переводчику необходимо руководствоваться задачами выявить доминантную функцию оригинального текста и сохранить ее в переводе. Для передачи аналогичного художественно-эстетического воздействия исходного текста драмы переводчик может прибегнуть к внесению в текст перевода различного рода замен, касающихся содержания, стиля, степени экспрессивности текста оригинала. Необходимость данных замен диктуется особенностями целевой аудитории, которая может иметь другой менталитет, обладать иными фоновыми знаниями, что, в свою очередь, влияет на адекватное восприятие получаемой информации. Ю.А. Панькина выделяет три вида адаптирующих трансформаций ремарок при переводе: семантические трансформации (дополнения, опущения и замены), стилистический сдвиг и культурный сдвиг, включающий различные лингвокультуремы [3, 136]. Проанализируем переводы пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» на наличие примеров семантических трансформаций, стилистического или культурного сдвигов.

Пьеса А.П. Чехова «Вишневый сад» открывается символической ремаркой, содержащей описание первой сцены: «*Комната, которая до сих*

пор называется *детской*» [7, 268]. Детская, в которой собираются персонажи пьесы, многое значит для Раневской, трепетно осматривающей каждый ее уголок и вспоминая свое детство: «*Детская, милая моя, прекрасная комната... Я тут спала, когда была маленькой...*» [7, 272]. Именно в детской хозяева имения и его посетители ностальгируют о прошлом, о своей молодости. В анализируемых версиях перевода К. Гарнетт, Т. Донахи, Л. Аппель, Р. Нельсон и др. в качестве перевода лексемы *детская* предложили эквивалентную лексическую единицу *nursery* [11; 10; 8; 12], тогда как К. Коламбус перевел ее как *playroom* [9], используя семантическую трансформацию. Вариант К. Коламбуса подразумевает, что персонажи пьесы собираются в комнате, которая оборудована детскими игровыми атрибутами. Полагаем, что детская комната и игровая комната могут вызывать отличные друг от друга представления и эмоции как у зрителя, так и у читателя, поэтому вариант К. Коламбуса, на наш взгляд, не совсем удачен.

Помимо лексико-семантической замены, в англоязычных переводах в начале первого действия пьесы «Вишневый сад» встречаются случаи добавления в ремарках целых фрагментов текста. Так, Т. Донахи вводит два предложения, сообщающие о приближении поезда: “*A train whistle is heard in the near distance. <...> The train whistle blows again*” [10, 1] / *Неподалеку слышен гудок поезда. <...> Снова раздается гудок поезда* [Перевод наш – А.К.]. Л. Аппель также информирует реципиента о приближающемся поезде: “*There is the faint sound of the train in the distance*” [8, 13] / *Вдалеке слышен слабый шум поезда* [Перевод наш – А.К.]. Данные предложения отсутствуют в оригинале. Тем не менее, на наш взгляд, они не искажают смысл оригинального текста добавлением новой смысловой информации, а скорее помогают реципиенту лучше понять окружающую обстановку.

В ремарках пьесы «Вишневый сад» встречается множество лингвокультурем, которые вызывают трудности при переводе ввиду отсутствия эквивалентных языковых средств. Так, в одной из ремарок первого действия дается описание одежды помещика Симеонова-Пищика: «*Симеонов-Пищик в поддевке из тонкого сукна*» [7, 277]. Согласно словарному определению, *поддевка* это – «устар. мужская верхняя одежда с застёжкой сбоку, от плеча, со сборками по талии» [1, 864]. Подобная разновидность мужского пальто была распространена в России в XIX веке среди зажиточных крестьян и горожан, причем, во второй половине XIX века многие интеллигенты носили *поддевку* с целью подчеркнуть свое единство с народом. В англоязычных версиях перевода лексеме *поддевка* соответствует целый ряд лексических единиц: К. Гарнетт предлагает вариант *short-waisted full coat* [11] / *длинное пальто с высокой талией*, К. Коламбус – *tight-fitting jacket* [9] / *плотно облегающий пиджак*, Т. Донахи – *tight-fitting coat* [10] / *плотно облегающее пальто*, Р. Нельсон и др. – *sleeveless jacket* [12] / *пиджак без рукавов*. Полагаем, предложенные

варианты перевода верно передают семантику оригинальной лексемы *поддевка*. Слово сочетание *sleeveless jacket*, предложенное Р. Нельсон и др., несколько искажает оригинальный смысл, поскольку *поддевка* была разновидностью мужского пальто в XIX веке, у которого были рукава. Р.А. Газизов и Е.А. Морозкина замечают, что любое «мотивированное» автором оригинала слово должно быть «как можно более точно интерпретировано переводчиком» [2, 2492]. Заметим, что в версии Л. Аппель информация об одежде Симеонова-Пищика опущена. Действительно, сложная для восприятия иностранного реципиента лексика зачастую опускается в драматургических переводах, что, в свою очередь, может приводить к нарушению смысловой целостности текста.

В качестве примера стилистического сдвига можно привести так называемый прием градации – художественного средства выразительности, при котором происходит постепенное усиление экспрессивности описываемого предмета: «**Старая, покривившаяся, давно заброшенная часовенка**» [7, 294]. В анализируемых переводах содержится целый ряд переводческих вариантов: “**An old shrine, long abandoned and fallen out of the perpendicular**” [11, 196]; “**An old, tumbling-down chapel that has long been unused**” [9, 253]; “**A decrepit chapel**” [10, 23]; “**An old, crooked, long-deserted chapel**” [8, 43]; “**An old, lopsided, long-abandoned chapel**” [12, 202]. Так, в переводе К. Гарнетт можно наблюдать перестановку двух лексем *long abandoned* и *fallen out of the perpendicular*, тогда как в версии К. Коламбуса присутствует пример грамматической замены простого предложения на сложноподчиненное. Полагаем, подобного рода переводческие трансформации не искажают экспрессивность оригинального отрывка. В версии Т. Донахи опускается перевод лексем *покривившаяся* и *давно заброшенная*, что, в свою очередь, приводит к стилистической нейтрализации приема градации. В переводах Л. Аппель, Р. Нельсона и др. прием градации сохраняется, передавая как структуру представленного отрывка, так и его усиленную экспрессивность.

Таким образом, проведенное сравнительно-сопоставительное исследование версий перевода ремарок в прагматическом аспекте показывает, что переводчик может прибегнуть к различного рода семантическим, стилистическим и культурным трансформациям с целью сохранить у иностранного реципиента аналогичную русскому реципиенту интеллектуальную или эмоциональную реакцию. В драматургическом произведении ремарки участвуют в развитии сюжетных линий, создают эмоциональную тональность текста, поэтому переводчику необходимо как можно более точно передать в переводе их языковую и культурную составляющие.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка. / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Газизов Р.А., Морозкина Е.А. Языковые антиномии В. фон Гумбольдта в аспекте перевода (на материале оригиналов и переводов новелл Э.А. По) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 8. – С. 2490-2495.
3. Панькина Ю.А. О прагматической адаптации ремарки при межъязыковом переводе драматического произведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. I. С. 136-139.
4. Польшикова Л.Д. Ремарка // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 206.
5. Тропина Н.А. Прагматические функции ремарок в драматургии Марка Равенхилла (на материале пьес “Over There” и “Ghost Story”) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т 16, № 2. – С. 428-433.
6. Хижняк А.В. Ремарка в драмах Ф. Шиллера: локально-структурный, функционально-семантический и переводческий аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Ростов-на-Дону, 2006. – 167 с.
7. Чехов А.П. Вишневый сад: [пьесы] / Антон Павлович Чехов. – М.: Издательство АСТ, 2022. – 352 с.
8. Appel L. The Cherry Orchard By Anton Chekhov: New Version by Libby Appel From a literal translation by Allison Horsley // The Mercurian: A Theatrical Translation Review. – 2010. – Vol. 3, No. 1. – P. 12-111.
9. Chekhov A. Chekhov: the four major plays translated by Columbus C. – Chicago: Ivan R. Dee, 2005. – 294 p.
10. Chekhov A. The Cherry Orchard adapted by Donaghy T. – New York: Broadway Play Publishing, 2006. – 76 p.
11. Chekhov A. The Cherry Orchard and other plays translated by Garnett C. – London: Heron Books, 1968. – 430 p.
12. Chekhov A. The Cherry Orchard translated by Nelson R., Pevear R., Volokhonsky L. – New York: Theatre Communications Group, 2015. – 287 p.

© Корнилова А.Д., 2024

ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА И ОПРЕДЕЛЕНИЕ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА)

В статье исследуется роль предпереводческого анализа как алгоритма действий для понимания смысла переводимого текста, устранения ошибок в переводе и повышения качества перевода. А также рассматриваются способы определения авторской позиции при проведении предпереводческого анализа на материале перевода публицистического текста.

Ключевые слова: *предпереводческий анализ, авторская позиция, когнитивная информация, эмоциональная информация, эстетическая информация, объективность, субъективность.*

Предпереводческий анализ текста является начальным и важным этапом процесса перевода, на котором происходит «определение коммуникативной цели текста, его жанровых особенностей, специфики содержащейся в нем информации и других существенных характеристик, что способствует адекватному переводу и максимально точной передаче смысла оригинала» [Гапотченко, 2020].

Актуальность данной темы состоит в том, что несмотря на то, что предпереводческий анализ играет существенную роль в повышении качества переводимых текстов, способствует устранению ошибок в переводе, которые неизбежны при невнимательном прочтении экстралингвистических факторов, встречаемым в тексте оригинала, тем не менее, нет достаточно полного научного освещения проблем данного этапа перевода. Новизна настоящей работы состоит в использовании предпереводческого анализа текста для определения позиции автора статьи.

Настоящее исследование проводится на основе работ лингвистов И.В.Алексеевой и М.П.Брандес, которые рассматривают предпереводческий анализ текста как неизменное условие выполнения качественного перевода, а также как алгоритм действий для понимания смысла переводимого текста.

Прежде чем приступить к переводу текста, важно отказаться от стереотипных подходов и выработать правильную последовательность действий. Перед началом перевода необходимо "приручить" текст, то есть извлечь максимум информации из него, не как переводчик, а как внимательный читатель. Это включает в себя анализ вербальных

(словесных) и невербальных (визуальных) знаков. *Невербальные знаки* – это иллюстрации, шрифты, расположение текста. *Вербальные знаки* делятся на околотекстовые (заголовок, подзаголовок, автор, источник) и внутритекстовые (выделенные слова, цифры в тексте).

Уже на этапе беглого просмотра эти знаки могут дать общее представление о содержании текста. Но лишь после тщательного анализа этих знаков следует приступать к детальному прочтению и переводу текста. Такой поэтапный подход позволяет избежать ошибок и неточностей в переводе.

Вслед за этим можно приступить непосредственно к поабзацному переводу, определяя в каждом абзаце группу подлежащего и сказуемого, использованные глагольные времена. Также следует выполнить морфологический и синтаксический анализы: определить существительные, прилагательные, причастия, наречия в тексте.

Завершающим этапом анализа будет определение переводческих стратегий, доминант перевода, выявление непереводаемого в тексте и выбор предпочтительных языковых средств (лексических, грамматических, стилистических).

Для проведения предпереводческого анализа была выбрана статья «*During Covid, callous Tories knew this about old people: they're very expensive*», опубликованная в газете Guardian 3 ноября 2023 г. Автор статьи – Полли Тойнби (*Polly Toynbee*), британская журналистка [5].

Анализ статьи начинается со сбора экстралингвистической информации. В частности, узнаем, что автора статьи называют самым влиятельным обозревателем Великобритании, она всегда приходит вооруженной неопровержимыми фактами.

В анализируемой статье *интенцией автора* служит стремление привлечь внимание общественности (читателей) к фактам дискриминационного характера по отношению к уязвимой части населения Великобритании – пожилым людям – в период борьбы с пандемией Covid-19.

Реципиентом текста выступает широкая аудитория читателей, которую волнуют проблемы социальной справедливости и медицинского обеспечения, а также политические вопросы.

Способом передачи сообщения является письменный текст, статья в газете. *Поводом* для создания статьи послужили результаты проводимого Британского расследования Covid-19 – это постоянное независимое общественное расследование реакции Соединенного Королевства на пандемию Covid-19 и ее последствий, а также изучение уроков на будущее. Публичные слушания должны были начаться в 2023 г.

Коммуникативная цель текста состоит в резком осуждении политики и принятых решений правительством Бориса Джонсона в период пандемии по

отношению к пожилым людям, в ней поднимаются вопросы эйджизма и дается прогноз будущего партии Тори.

«Предпереводческий анализ предполагает также выявление основных видов информации, заложенных в оригинальном тексте (когнитивной, эмоциональной, эстетической и др.), а также комплексный анализ актуализированных в исходном тексте языковых средств и поиск их соответствий в языке перевода» [Гапотченко Н.Е., 2020].

В данной статье предпереводческий анализ позволил установить следующие виды информации: когнитивную, эмоциональную, эстетическую. **Когнитивная информация** «представляет собой объективные сведения о внешнем мире и характеризуется объективностью и абстрактностью. Она может быть реализована на разных уровнях: текста, предложения, слова» [Гараева Гиниятуллина, 2016].

В анализируемом тексте объективность информации на уровне текста представлена атемпоральностью и плотностью текста. Примерами *атемпоральности (презент глагола)* служат следующие предложения: 1) *I think we should let the old people get it and protect the others.* 2) *Old people are very expensive and growing as a proportion of the population, as births of new children to pay for them fall.* 3) *They are also the richest cohort.* 4) *Members of Covid-19 Bereaved Families for Justice say the evidence they are hearing is even worse than they feared.*

Плотность текста повышается за счет использования аббревиатур и знаков цифрового кода: 1) *NHS*, 2) *Sage* (Advisory Group for Emergencies), 3) *the Nice* (National Institute for Health and Care Excellence), 4) *QALYs* (quality-adjusted life years), 5) *The state pension costs it more than £100bn a year,. An 85-year-old's health costs 5.6 times more than a 30-year-old's: there are 1.7 million over-85s, and this number is rising. Across the UK, 10% of health spending goes to those over the age of 85, with 32% to those aged 65 to 84.*

На уровне предложения «объективность обеспечивается нейтральным, преимущественно прямым порядком слов, соответствующим «простому» тема-рематическому членению и ясной логической схеме субъект-предикат-объект» [Гараева Гиниятуллина, 2016]: 1) *Politically, the plan for a slaughter of the ancients was insane, since older people are the ones who vote Tory overwhelmingly, voted Brexit and voted in Johnson.* 2) *So if the Tories want a smaller state, eliminating everyone of pension age could pay for luxurious tax cuts. Johnson's delinquent Covid policy still has prominent supporters.*

Объективность когнитивной информации на уровне слова обеспечивают *термины*. В данной статье представлены термины из разных областей науки, в основном, из области медицины, экономики и политики: 1) *herd immunity* – популяционный иммунитет, 2) *quality-adjusted life years (QALYs)* – продолжительность жизни с поправкой на ее качество, 3) *lockdown* – карантин, локдаун (эквивалент, транскрипция), 4) *cabinet secretary* – министр, член Кабинета министров, 5) *state pension* –

государственная пенсия (калькирование), б) *backbencher* – заднескамеечник, рядовой член Парламента (калькирование, экспликация).

В статье встречаются имена собственные – действующих политиков и политиков в отставке, руководителей организаций. В большинстве случаев при переводе используется транслитерация или транскрипция. Так как имена этих людей известны, они не представляют сложность в переводе: *Rishi Sunak* – Риши Сунак, *Mark Spenser* – Марк Спенсер, *Boris Johnson* – Борис Джонсон, *Andrew Marr* – Эндрю Марр, *Jacob Rees-Mogg* – Джейкоб Рис-Мог.

Названия британских организаций переводятся калькированием и добавлением: 1) «*Covid-19 Bereaved Families for Justice*» - «Covid-19 Семьи погибших за справедливость», 2) *the Scientific Advisory Group for Emergencies (Sage)* - Научно-консультативная группа по чрезвычайным ситуациям, 3) *the National Institute for Health and Care Excellence (Nice)* – Национальный институт здравоохранения и качества медицинской помощи.

Названия должностей, не имеющие эквивалента в русском языке, переводятся описательно: *the chief whip* – парламентский партийный организатор, принуждает членов партии голосовать в соответствии с партийной позицией. Либо переводятся калькированием и перестановкой элементов, как в случае с *the chief scientific adviser* – главный советник по науке.

Исторические события: *the Irish famine* – Ирландский картофельный голод, возможно дать пояснение, это облегчит понимание приведенного в тексте примера.

Chickenpox parties for children – это когда здоровых детей сознательно приводят к больным ветрянкой детям, чтобы они тоже заразились и переболели в детстве. Это способствует приобретению «естественного» иммунитета. (During a pox party, parents or caregivers encourage children without the virus to play, eat, and interact with a child who currently has chickenpox. This close contact makes it much more likely that the other children will catch chickenpox. In the past, this was a popular way of enabling a child to build immunity.) На русский язык переводится как ветряночная вечеринка – перестановка компонентов.

Абстрактность на уровне текста может быть представлена «логическим принципом построения текста, сложностью и разнообразием логических структур синтаксиса, различными видами сочинительной и подчинительной связи, причастными оборотами, инфинитивными группами, полносоставностью предложений, отсутствием эллипсиса» [Гараева Гиниятуллина, 2016]. Например, сочинительной связью в предложении *So this was not one irritable remark, but a theme aired many times around tables where people didn't get up and leave the room: many are still in*

government, presumably including Rishi Sunak, the eat-out-to-help-spread-Covid chancellor at the time. Подчинительной связью: *Although older people are now the group least likely to be poor, there are still many pensioners living very low-quality lives, without care, their day centres closed.*

Следующий вид информации – **эмоциональная информация**, параметрами которой выступают субъективность и конкретность.

Субъективность *на уровне текста*, как видим в следующих предложениях, может быть выражена различными видами модальности: 1) модальностью предположительности: *It would cost an additional £18.4bn to cover its full cost and to improve access to care. Indeed Covid must have saved a fair bit*, и 2) модальностью нереальности: *If we'd have moved the lockdown forward by a week, we would have saved thousands of deaths.*

Темпоральность (в форме настоящего, прошедшего, будущего времени, привязка содержания к конкретному времени) также является показателем субъективности текста. 1) *From pensions to health to social care, this government has done precious little to prepare for an ageing population.* 2) *Ahead, needs will rise as the government has reneged on its promised social care reform, now denied to many very frail people.* 3) *The politics of social care and who should pay for it prove toxic: they did for Theresa May's 2017 election campaign, and added to Labour's troubles in 2010 when its social care plan was dubbed a "death tax".*

На уровне предложения субъективность выражена личным местоимением: *I doubt*; активным залогом: *The Health Foundation says, Johnson's delinquent Covid policy still has prominent supporters.*

На уровне слова субъективность представлена эмоционально-оценочными словами. Уже в заголовке журналист пишет про *callous Tories – неделикатный, нетактичный очерстевший, бездушный к людям*. К другим примерам можно отнести следующие слова, содержащие отрицательную оценку: 1) *the government has reneged on its promised social care reform* (нарушить обещание), 2) *a slaughter of the ancients was insane*, 3) *Tory policy driving a wedge between generations* (вносить разногласия), 4) *watching the inquiry equally aghast* (пораженный ужасом, объятый страхом), 5) *how ageist many senior decision-makers are* (дискриминирующий пожилых) 4) *eliminating everyone of pension age could pay for luxurious tax cuts*, 5) *policy of deliberately spreading Covid*, 6) *Johnson's delinquent Covid policy* (преступный), 7) *he was for killing off elderly people*, 8) *worse than they feared.*

Эстетическая информация в исследуемом тексте выражена следующими единицами: а) эпитетами: *the dying party, irritable remark, very frail people, the eat-out-to-help-spread-Covid chancellor, current decayed state, modest proposal*; б) метафорами: *a "death tax" – налоги на смерть – это налоги, взимаемые федеральным правительством и правительствами некоторых штатов с чьего-либо имущества после его смерти; at death's door*

– при смерти, на краю могилы; *let's take a leaf out of* – подражать, следовать примеру; в) метонимом: *inside No 10* в значении *10 Downing Street* – Даунинг-стрит, 10 – официальная резиденция премьер-министра Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, г) сравнением: *let's take a leaf out of Jonathan Swift's satirical "modest proposal" for butchering children starving in the Irish famine to serve to English landlords; like chickenpox parties for children.*

Для адекватного перевода публицистической статьи важно на этапе предпереводческого анализа выявить индивидуальные черты авторского присутствия, авторскую позицию. Это проявляется в выборе фактов и аргументов, способах их репрезентации в тексте. Основой публицистики является объективность в изложении фактов, но исследования показывают, что полностью избежать субъективности при написании статьи очень трудно. Как правило, в тексте публицистической статьи мы прослеживаем авторскую позицию, связанную с ценностями автора, которую он демонстрирует эксплицитно или имплицитно.

Предпереводческий анализ эмотивной и эстетической информации текста помогает определить авторскую позицию, которая распознается при наличии личного местоимения (*I*), стандартных формул выражения мнения автора (*I doubt*), эмоционально-оценочной лексики (*irritable, callous, dying party*), средств языковой выразительности (*at death's door, take a leaf out of*), модальных значений долженствования, необходимости, желания (*must have saved*).

Как видно из приведенных примеров представления эмоциональной и эстетической информации, в статье четко прослеживается авторская позиция: журналист Полли Тойнби занимает довольно жесткую критическую позицию по отношению к правящей Консервативной партии и принятым ею решениям по отношению к жизням и здоровью пожилого населения Великобритании в период борьбы с пандемией. Полли Тойнби активно поддерживает Лейбористскую партию, ее политическая позиция во многом влияет на выбор слов при изложении материала по интересующей ее теме. Различные языковые средства (оценочные прилагательные, стилистические приемы, модальные глаголы, идиомы) способствуют интенции автора. Автор статьи не только передает факты, она выражает свою точку зрения по рассматриваемой в статье проблеме, стремясь убедить адресата в своей правоте, делясь с читателями своими ценностями и чувствам.

Таким образом, проведенное исследование доказывает, что предпереводческий анализ позволяет выявить авторскую позицию и намерения, что является ключом к полному и корректному пониманию текста. Этот этап также помогает переводчику выбрать наиболее подходящую стратегию перевода, учитывая всевозможные нюансы текста

оригинала. Тщательный предварительный анализ значительно упрощает и ускоряет процесс перевода текста.

Список литературы

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение / И.С. Алексеева. – Москва: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Брандес М.П. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): учеб. пособие / М.П. Брандес, В.И. Провоторов. – Москва: НВИ – Тезаурус, 2001. – 224 с.
3. Гапотченко Н.Е. Предпереводческий анализ как составляющая адекватного перевода//Материалы V Международной конференции: Донецкие чтения 2020 Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. – Донецк. Изд. ДонНУ, 2020. С. 257-260.
4. Гараева М.Р., Гиниятуллина А.Ю. Переводческий анализ текста // Учебное пособие. – Казань, 2016. – 94 с.
5. «During Covid, callous Tories knew this about old people: they're very expensive» <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/nov/03/covid-tories-old-people-pensions-health-social-care-ageing-population>

© Латыпова Л.Ч., 2024

УДК 81'2

Морозкина Е.А.

*д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия*

Иткулова Т.И.

*магистрант 2 г.о. УУНиТ,
г. Уфа, Россия*

ПЕРЕВОД НОМИНАЦИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЯ НЕФТЕГАЗОВОЙ СФЕРЫ

В статье рассматриваются применяемые для описания процессов и инструментария нефтегазовой отрасли термины, а также проводится их сопоставление с вариантами перевода. Проводится анализ применения переводческих приёмов с целью проследить степень произвольности в подходе к переводу определённых терминов.

Ключевые слова: терминология, нефтегазовая сфера, переводческие трансформации, художественный текст

Актуальность работы обусловлена усилением интереса к техническим терминам, во-первых, как к средству вербализации научного понятия для рядового пользователя – не специалиста в данной технической области, и, во-вторых, как к средству научного познания. В качестве материала исследования в работе использован художественный текст Э.Б. Синклера,

написанный в 1926 году в традициях американского натурализма, а также версия его перевода на русский язык, выполненная в 1927 году переводчицами В.А. Барбашевой и Е.К. Гдалевой.

Цель исследования – выявить смысловое наполнение ряда технических терминов, включённых в художественный текст переводчицами, и определить корректность с точки зрения технологий нефтегазовой сферы.

Основными задачами исследования являются анализ применения переводческих приёмов при переводе терминологических единиц нефтегазовой отрасли, определение их лексического значения, а также решение вопроса о возможной когнитивной и креативной природе технических терминов в художественном тексте. В работе также сформулированы основные принципы передачи значения технических терминов в русскоязычной версии перевода с учётом жанровых особенностей оригинального текста; выполнено сопоставление терминов оригинала и перевода.

В работе использованы следующие методы анализа: сравнительный анализ – сопоставление вариантов перевода с учётом их смыслов; метод описания, цель которого дать характеристику исследуемого технического термина; метод сплошной выборки – для технических терминов, применяемых для описания процессов и инструментария нефтяной отрасли. Это позволило проследить степень произвольности в подходе к переводу определённых терминов.

Несмотря на то, что художественная литература и научная проза относятся к разным функциональным стилям, технические термины могут активно функционировать как в технической, так и в художественной литературе, не только выполняя информативную, коммуникативную и познавательную функции, но также и стилистическую функцию, являясь частью многочисленных стилистических приёмов [4]. Подчеркнём, что изучение подобного феномена до настоящего времени не было объектом специального исследования. Как справедливо отмечает Х. Шамсиддинов, благодаря научно-техническому прогрессу, обилию научно-популярных изданий, а также тому факту, что термин, несомненно, можно назвать дополнительным средством коммуникации, широко использующимся при обмене информацией специалистами соответствующего профиля, сейчас научная лексика в художественном тексте «перестаёт восприниматься как нечто инородное». [6].

Основная проблема перевода научно-технических терминов в художественных текстах состоит в возможности использования термина в нетерминологическом значении, – к примеру, в качестве средства создания особого «научного» колорита, или средства создания речевой портретной характеристики персонажей. Можно отметить образную и оценочную функции терминов, повышающих экспрессивность, коннотативность языка художественных текстов. Указанные функции реализуются через такие

художественные приёмы, как сравнение, метафора, метонимия, олицетворение, передача которых в переводе иногда может представлять достаточно трудную задачу, что заставляет переводчиков прибегать к использованию множества переводческих трансформаций. Так при анализе текста перевода романа Э.Б. Синклера «Нефть!» был найден целый ряд примеров, для перевода которых использовался метод калькирования: “*steam boiler*” — «паровой котёл», “*derrick-floor*” — «пол вышки», “*hollow tubing*” — «полые трубы», “*rotary table*” — «вращательный станок», “*drilling tools*” — «буровой инструмент» [1]. Кроме того, были найдены примеры терминов, которые были переведены с помощью описательного перевода или модуляции, причём в некоторых случаях это привело к неточности перевода, как, в частности, в случае со словосочетанием “*producing well*” — «неготовые нефтяные скважины». Данный перевод является некорректным, так как единица “*producing*” подразумевает, что скважина находится в эксплуатации и, следовательно, уже была подготовлена; в русском языке корректным аналогом является термин «добывающая скважина». Похожая неточность была допущена и в следующем примере: термин “*anticline*”, переведенный в русскоязычной версии романа как «нефтяной пласт», может представляться более понятным для читателя, но, тем не менее, с точки зрения перевода не является верным. Термин «антиклиналь» или «антиклинальная складка» (транскрипция, от др. -греч. *ἀντι-* — против и *κλίνω* — наклоняю) относится к геологии, его краткое определение можно свести к следующему: тип складки горных пород, чаще всего слоистых осадочных и магматических, представляющий собой выпуклую арку [2, 51]. Так как на момент перевода романа уже была разработана так называемая «антиклинальная» или структурная теория [5], объясняющая наличие скоплений нефти и/или газа в зависимости от различных типов геологических структур, переводчики решили прибегнуть в данном случае к приёму модуляции и отождествить антиклиналь с нефтеносным слоем. Предложенный вариант перевода, тем не менее, не равносителен исходному термину оригинального текста, что существенно упрощает, но также, одновременно, и изменяет смысл исходного текста.

В ряде случаев переводчикам пришлось столкнуться с единицами, ещё не имеющими аналогов в техническом переводе. Так при переводе словосочетания “*mud-hogs*” было решено вновь прибегнуть к использованию описательного перевода. В результате данным термином были обозначены «приспособления, которые прогоняли жидкую смесь вниз» [7]. Такой перевод, однако, можно назвать лишь отчасти корректным, поскольку он совпадает по смыслу с установившейся позже версией перевода как «циркуляционный буровой насос» [1], который используется для подачи буровой жидкости или жидкости глушения.

Также нередко в случаях, когда в русском языке отсутствует устоявшееся соответствие, переводчики обращаются к приёму опущение:

“*kelly joint*” – «ведущая буровая труба»: “...and the top-drill stem, known as your “*kelly joint*” was square...” [8] / «...и верхний конец сверла был тоже квадратным...» [7].

Похожая проблема возникла при переводе словосочетания “*a tool known as a «jar»*” [8] – «инструмент, известный под названием банки» [7], так как на момент осуществления перевода не существовало устоявшегося перевода термина “*jar*”. Термин “*drilling jar*” – «буровый ясс», (встречается также вариант «яс»), переведён с помощью приёма калькирование.

Также номинация названия инструмента, которая опускается в переводе, встречается в предложении: “...and the skids put under the «*draw-works...*»” [8] / «Были подвезены еще несколько других платформ с инструментами...» [7]. Термин “*draw-works*” – «буровая лебёдка» передан здесь с помощью лексемы «инструмент» с использованием приёма генерализации.

Как видно из проведенного анализа несмотря на то, что в самом художественном тексте встречается достаточно большое количество специализированных технических терминов, не все из них сохраняются в тексте перевода. Некоторые термины опускаются, либо иногда передаётся лишь общий смысл технического процесса с помощью приёмов модуляции, опущения и генерализации. Важной причиной не слишком точной передачи терминов в переводе может служить отсутствие в начале XX века широкодоступных словарей нефтегазовой тематики. Неполная передача терминов в романе «Нефть!» объясняется также той задачей, которую они выполняют, а именно: создание общей картины технического процесса, добавление красочности образам и натуралистической детализации нефтегазовой сферы. Так как сохранение точности при переводе терминов в произведении подобного жанра не столь критично, как в жанрах научной прозы, переводчики могли позволить себе некоторую вольность при выборе наиболее подходящих в каждой ситуации переводческих трансформаций, иногда, впрочем, жертвуя технической точностью передачи терминов, но сохраняя художественную ценность и лексическое разнообразие текста.

Список литературы

1. Англо-русский словарь нефтяной промышленности [Электронный ресурс] URL: <https://eng-rus-oil-dict.slovaronline.com> (Дата обращения: 09.05.2024).
2. Геологический словарь. Под редакцией Паффенгольц К.Н. – М.: Недра. – 1978. – № 1. – 487 с.
3. Губинский В.И. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Под редакцией А.Н. Чудинова. – Санкт-Петербург. – 1908. – 676 с.

4. Морозкина Е.А., Воробьев В.В., Сафина З.М. Статистические методы исследования в художественном переводе // Доклады Башкирского университета. – 2023. – № 8. – С. 130-137.

5. Шаммазов А.М. и др.: История нефтегазового дела России. – М.: «Химия». – 2001. – 316 с.

6. Шамсиддинов Х. Термины в художественной речи: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: (10.02.02) // АН УзССР, Ин-т яз. и лит. им. А.С. Пушкина. – Ташкент. – 1984. – 18 с.

7. Эптон Б.С. Нефть! [Электронный ресурс] URL: [https://sd-inform.org/upload/books/Literatura/Sinclair Epton/Neftj.pdf](https://sd-inform.org/upload/books/Literatura/Sinclair%20Epton/Neftj.pdf). (Дата обращения: 09.05.2024).

8. Oil!: A novel by Upton Sinclair [Электронный ресурс] URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/70379>. (Дата обращения: 09.05.2024).

© Морозкина Е.А., Иткулова Т.И., 2024

УДК 81.25

Сафина З.М.

*канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия*

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА

*В статье излагаются основные выводы исследования, посвященного анализу оригинала и перевода художественного текста статистическими методами. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью оптимизации лингвистических исследований с помощью автоматизированного анализа текста и статистической оценки различных параметров оригинала и перевода. Новизна исследования заключается в том, что в нем предпринята попытка статистического анализа оригинала художественного текста американского писателя Уильяма Гилмора Симмса *The Last Wager, or the Gamester of the Mississippi* (1841) и его перевода, выполненного М. Павлычевой.*

Ключевые слова: *статистический метод, переводческая эквивалентность, перевод художественного текста.*

Цель проведенного исследования заключается в определении степени эквивалентности переводимого текста с использованием статистических методов анализа. Полагаем, что «использование статистических методов исследования способствует более точному пониманию структуры оригинала и, следовательно, созданию более корректной версии перевода» [2, 135].

Вслед за В.Н. Комиссаровым под переводческой эквивалентностью понимаем «реальную смысловую близость текстов оригинала и перевода, достигаемую переводчиком в процессе перевода», пределом которой является «максимально возможная (лингвистическая) степень сохранения содержания оригинала при переводе» [1, 51].

Статистическое исследование эквивалентности перевода проводилось на базе мультиплатформенной программы AntConc, разработанной для обработки текстовых корпусов, подсчета и анализа различных элементов текста, к примеру, частотности и контекста употребления словоформ и словосочетаний. Статистические методы «позволяют значительно ускорить работу лингвистов, систематизировать результаты сбора данных в упорядоченном виде, а также, в отличие от традиционных методов, могут гарантировать точность и объективность полученных результатов» [3, 741].

Перед началом работы тексты оригинала и перевода были форматированы в .txt с кодировкой Unicode (UTF-8), а также лемматизированы. Далее были установлены такие параметры текстов, как общее количество слов, количество уникальных слов, количества частей речи, сделано вычисление коэффициента лексического разнообразия, построены частотные списки.

Подсчет общего количества слов и количества уникальных слов был произведен при помощи параметров программы WordTokens и WordTypes. Программа показала, что оригинал текста содержит 18086 слов, при этом число уникальных составляет 2306. Текст перевода содержит 13939 слов, уникальных из них 2734. Помимо данных подсчетов, был вычислен коэффициент лексического разнообразия. Коэффициенты составили 0,146 у оригинала и 0,318 у перевода, что свидетельствует о более разнообразном тексте оригинала.

Построение частотных списков требуется для определения границ активного словарного состава и выявления наиболее часто встречающихся слов в оригинале и переводе. Для построения программе требуется не только лемматизированный текст, но и список стоп-слов. Неинформативные слова, которые включают буквы алфавита, местоимения, числительные, предлоги, союзы, частицы, некоторые вводные слова и междометия, называются стоп-словами. После составления частотного списка, становится возможным произвести изучение лексики и контекста произведения, а также было проведено сравнение оригинала и перевода с точки зрения эквивалентности перевода. Оценка эквивалентности основывалась на степени смыслового соответствия лексических единиц в оригинале и переводе, а также на точности перевода идиоматических и крылатых выражений. Так, были рассмотрены варианты перевода слова «gentleman», встречающегося в тексте оригинала около 20 раз. Выяснилось, что переводчицей были использованы такие соответствия, как

«джентльмен» (10 раз), «старик» (6 раз), «незнакомец» и «пожилой человек» по 2 раза:

And I didn't wish to disoblige an old *gentleman* like yourself. – Я не хотел обижать *пожилого человека*.

Thank you, old *gentleman*, said I... – Спасибо тебе, *незнакомец*, – сказал я...

Не каждый вариант является словарным соответствием оригинального слова, однако все они вписываются в контекст и не искажают смысловую близость исходного текста.

При переводе слова «creature», которое согласно англо-русскому словарю имеет соответствие «создание» или «творение», словарные соответствия были использованы переводчиком 5 раз, а 7 раз были использованы контекстуальные соответствия. Порой слово в переводе и вовсе опускалось или заменялось местоимением:

He didn't seem to be much worried by the death of his *creature*. – Судя по виду, смерть *лошади* не сильно беспокоила его

That's precisely as you use it, – said he, – money's a good *creature*. – Все зависит от того, как ты их используешь, – сказал он. – Деньги – это хорошее *творение*.

I looked at the old man, and then at my creature. *He was a good creature*. – Я взглянул сначала на незнакомца, потом на своего жеребца. *Он действительно был превосходен*

Таким образом, был сделан вывод о том, что в тексте перевода языковые единицы передаются с помощью соответствующих оригиналу эквивалентов, либо подбираются адекватные варианты, максимально сохраняющие содержание оригинала. Проведенное комплексное исследование оригинала и перевода художественного текста позволило сделать вывод о том, что статистические методы способствуют более точной оценке эквивалентности перевода, позволяя корректно выявить лексические и грамматические соответствия, используемые переводчиком.

Список литературы

1. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
2. Морозкина Е.А., Воробьев В.В., Сафина З.М. Статистические методы исследования в художественном переводе // Доклады Башкирского университета. – 2023. – Т. 8, № 3. – С. 130-137.
3. Сафина З.М., Корнилова А.Д., Смакова А.Л. Количественный и статистический анализ лексических единиц в художественном переводе // Вестник Башкирского университета. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 741-746.
4. Симмс У. Г. Последняя ставка, или картёжник из Миссисипи // Вигвам и хижина. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. – С. 82 – 117.
5. Simms G.W. The Last Wager, or the Gamester of the Mississippi // The Wigwam and the Cabin. – NY: Redfield, 1856. – P. 71 – 119.

© Сафина З.М., 2024

Терентьев О.С.
аспирант 3 г.о. УУНУТ,
г. Уфа, Россия

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МИФОЛОГЕМЫ «ЗЕВС» В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ РОМАНА ДЖ. АПДАЙКА КЕНТАВР

Статья рассматривает понятие мифологемы в художественном тексте. Особенности динамики архетипических прообразов персонажей исследуются на материале романа Дж. Апдайк «Кентавр» и его перевода на русский язык, выполненного В.А. Хинкисом в 1965 году. В результате исследования была выявлена динамика изменений лексико-семантических смыслов мифологемы «Зевс» от архетипа «Отец» к архетипу «Тень».

Ключевые слова: мифологема, архетип, лексико-атрибутивный ряд, лексикосемантический ряд, художественный текст, динамика.

30-ые годы XIX века отмечаются появлением «мифологической школы» – нового литературного направления в фольклористике, из которого впоследствии родится однолинейная эволюционистская школа. Среди сторонников данного направления выделяются А. Кун, В. Шварц, М. Мюллер, М. Бреаль, А.Н. Афанасьев, Ф.Н. Буслаев, О.Ф. Миллер.

Целью данной статьи является изучение возможности семантической динамики отдельно взятой мифологемы внутри художественного текста.

Этимология понятия «архетип» восходит к латинскому языку (лат. archetypus «изначальный тип»). Согласно К. Юнгу, архетипы – это динамичные, мобильные психические образования, определенные первичные схемы, врожденные в сознание человека и формирующие активность воображения. Они представляют собой формы существования коллективного бессознательного, результат длительной биологической эволюции.

На протяжении истории существования человечества архетипы встречались повсеместно в мифах и религиях, а также в произведениях литературы и искусства. Основные архетипические образы адаптировались и укоренились в сознании общества посредством мифологии. Как пишет Юнг, «все мифологизированные естественные процессы... не столько аллегория самих объективных явлений, сколько символические выражения внутренней и бессознательной драмы души... душа содержит в себе все те образы, из которых ведут свое происхождение мифы» [6, 27].

Немаловажным является и тот факт, что общечеловеческие прообразы или архетипы обнаруживаются в несоприкасающихся друг с другом

культурах. Согласно Юнгу, это такие персонифицированные образы, как «мать», «тень», «мудрый старец», «демон», «анима», «анимус» и т.п. Архетипические образы, ассоциирующиеся с общекультурными представлениями народов мира, породили различных антропо- и зооморфных существ из мифологии, которые позже трансформировались в кентавров, минотавров, драконов, гидр, циклопов, титанов. Их можно обнаружить в многообразных видах и формах в мифах и верованиях, в культе, в произведениях литературы и искусств. Учитывая специфику понятия, архетип можно отнести к культурным универсалиям – общим явлениям, присущим всем человеческим культурам на всех этапах развития.

Мифологема в отличие от архетипа этноспецифична. Для каждого этноса характерен свой набор мифологем, который не может быть сведен к конкретным мифам. Так, архетипический образ мирового дерева может выражаться в виде египетского дерева жизни сикомора, дерева Байтерек в центре мироздания в тюркской мифологии, мирового дерева Иггдрасиль в скандинавской мифологии.

Каждая мифологема, хотя и имеет вполне самостоятельный смысл, характеризуется единичностью и конкретностью. Однако совокупность определенных мифологем, созданных в разное время и в разных культурах, нередко оказывается связанной единой темой – архетипической доминантой. Например, тема «метаморфозы» отражает наиболее архаичные черты мифологического мышления. Эта тема объединяет такие известные мифологемы, как «Нарцисс», «Гиацинт», «Актеон», «Арахна», «Прокна», «Дафна», «Миниады». Таким образом, можно говорить об архетипах как об универсалиях человеческого существования, а о мифологеме как о развертывании в пространстве тех смыслов, которые заключены в архетипах. При этом архетипы являются константными доминантами, объединяющими разнообразные этноспецифичные мифологемы. Следовательно, архетип и мифологеме можно рассматривать в качестве как статистических, так и динамических элементов мифа соответственно.

Мифологемы, входящие в различные культурологические парадигмы, интерпретируются и модифицируются, при этом актуализироваться могут как центральные, так и периферийные элементы в зависимости от замысла автора. Таким образом, архетип и мифологема, являющиеся неотъемлемыми категориями мифологического сознания, воплощают в себе статистические и динамические стороны мифологических представлений. Мифологема представляет собой различные комбинации и модификации константного ядра архетипа. Архетип, в свою очередь, является гуманитарной универсалией и объединяет в единое мифологическое пространство разновременные и этноспецифические мифологемы, обеспечивая тем самым единство человеческой культуры. Многообразие этноспецифических мифологем, их взаимодействие и комбинация в рамках

отдельно взятого архетипического смысла создает многоуровневость и многослойность мифологического пространства.

Материалом для исследования является роман Дж. Апдайк «Кентавр», а также его перевод на русский язык, выполненный В.А. Хинкисом в 1965 году. Данный художественный текст интересен дуалистической природой персонажей и происходящих событий – текст включает в себя поочередно сменяющиеся мифологическое и бытийное пространства. При этом персонажи предстают перед читателем то в божественном, то в человеческом облике.

Рассмотрим мифологему Зевс, занимающую центральную позицию древнегреческого пантеона, в аспекте изменения архетипических признаков в рамках художественного текста. В тексте романа данной мифологеме соответствует персонаж директора школы Зиммермана. С целью определить архетипическую принадлежность мифологемы на основе данных энциклопедии «Мифы народов мира» был выведен лексический атрибутивный ряд, отражающий такие характеристики мифологемы, как внешний облик, эмоционально-психологическое описание, динамические признаки внешности (движения тела, мимика, манеры) и периферийные атрибуты. Методом сплошной выборки был составлен следующий атрибутивный ряд мифологемы Зевс: *прекрасный, могучий, царь, мужественное, божественное лицо, могущество, величие, гордо-спокойное сознание власти, громовержец, царь богов и людей, густые брови, грозно, разгневаается, загорятся глаза, взмах десницы, раскаты грома, пламенная молния, строго карает, хранитель порядка* [5]. Согласно юнгианской классификации архетипов, данной мифологеме вполне соответствует архетип Отец, обозначающий властную и авторитарную фигуру, и традиционно наделяемый не только исключительно положительными характеристиками, такими как «справедливый», «мужественный», «величественный», но и в некоторой степени негативными: «опасный», «строгий», «гневный». Один из учеников и последователей К. Юнга, Эрх Нойманн, в своей работе «Ребенок», посвященной исследованию связи мифологических архетипов и образов и развития индивидуального сознания ребенка, так писал об архетипе Отец и мифологеме Зевс: «для духа... характерны символы ветра, бури, ливня, грома и молнии, а в высшей форме он является как сверхъестественная музыка, несущая переполнение чувств...» [4, 64]. Считаю, что полученный нами атрибутивный ряд в достаточной степени формирует архетипический образ Зевса.

В рассматриваемом художественном тексте первоначальный образ персонажа положителен, при этом отмечается высокая степень метафоризации: *the unbalance of his face seemed that of a proud pregnant cloud; the silence was louder than thunder; Lord of the Sky; cloudgathering king of the weather; Zimmerman's presence made them electric; Are you carrying a lightning rod / асимметричное лицо, похожее на грозовую тучу; тишина*

оглушительней грома; владыка небес; тучегонитель и громовержец; присутствие Зиммермана наэлектризовало класс; А это что у вас там, громоотвод [7;1]. Использованные метафоры отнюдь не случайны. Автор сравнивает взгляд директора с разящей молнией, звон тишины с раскатом грома, что в определенной степени смешивает две семиотические плоскости текста – мифологическую и художественную реалистичную. Оставляя место действия в условно реальной плоскости, Апдайк находит способ выразить мифологический аспект через метафоры. Метафоризация мифологем позволяет автору не только заложить в создаваемые им художественные образы глубокий метафорический смысл, но и вызвать у реципиента ассоциации с религиозной традицией [3, 539]. Также в тексте находят отражения и периферийные элементы мифологемы Зевс: гром, молния, тучи, громоотвод; они позволяют безошибочно опознать в Зиммермане архетипические признаки греческого бога. В полученном лексико-семантическом ряде превалируют характеристики, объединенные номинациями «властный» и «великий», а также периферийные элементы мифологемы.

В дальнейшем эти признаки нивелируются по мере того, как автор добавляет к образу персонажа такие характеристики, как вульгарность, непристойность и физическая непривлекательность. *lecherous muddler, lopsided face, his extremities were queerly small, the disproportion / грязный развратник, кривое лицо, нелепо короткие руки, несоразмерность [7;1].* Данный пример демонстрирует динамику изменения смыслов мифологемы, где номинации «властный» и «великий» сменяются номинациями «ужасный» и «вульгарный». В ходе сюжета атрибутивные признаки, присущие архетипу Отец, сменяются на более негативные, согласно терминологии Юнга, теневые признаки. Тень представляет собой архетип, собирающий в себе неизвестные, скрытые, нежелательные качества личности или другого архетипа, она воплощает в себе все, что субъект отказывается признать о себе. Отметим, что «акцент на эмоциональном преображении героя крайне важен», так как именно он фиксирует динамику изменения мифологемы от архетипа Отца к архетипу Тени [2, 714].

Таким образом, проведенный лингвосемиотический анализ художественных образов демонстрирует возможную динамику смены лексико-семиотических смыслов мифологемы с положительными коннотациями на отрицательные коннотации. Рассмотренные примеры подтверждают идею о том, что мифологема является изменчивым культурно-этническим воплощением статического доминантного архетипа, общего для любой культуры. Мифологема по сути своей есть культурно-хронологическая интерпретация архетипа, заключающая в себе его основные элементы, как периферические, так и центральные, причем проявление мифологемы в художественном тексте может зависеть от контекста, а также от трактовки мифа и от окружающих его этнокультурных факторов.

Список литературы

1. Апдайк, Дж. Кентавр. – пер. с англ. В.А. Хинкис. – СПб.: Азбука. – 2000. – 362 с.
2. Морозкина Е.А., Алтынгужин Т.Р. Перевод эмотивной составляющей с учетом семиотической структуры художественного текста (на материале романа Ф. Скотта Фицджеральда "Великий Гэтсби"). – Вестник Башкирск. ун-та. – 2019. – № 3. – С. 711-716. (цит. 714)
3. Морозкина Е.А., Биктимирова М.М., Исакова Э.В. Библейская метафора в художественном тексте. – Вестник Башкирск. ун-та. – 2018. – № 2. – С. 538-541.
4. Нойманн, Э. М. Ребенок. – Клуб Касталия. – 2015. – 230 с.
5. Энциклопедия: Мифы народов мира. – М.: АСТ, Астрель. – 2001. – 488 с.
6. Юнг, К. Душа и миф: шесть архетипов. – М.: Port-Royal. – 1997. – 384 с.
7. Updike, J. The Centaur // Frome and London: Butler & Tanner Ltd. 1966. 310p.

© Терентьев О.С., 2024

УДК 81'322.4

Хромова А.А.

*аспирант 3 г.о., ассистент ФБФВиЖ, УУНиТ,
г. Уфа, Россия*

СПЕЦИФИКА АНГЛО-РУССКОГО МАШИННОГО ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В ОБЛАСТИ НЕЙРОБИОЛОГИИ

В статье рассматривается англо-русский перевод терминов машинного перевода двух систем – DeepL и Google Translate. Терминологический перевод, ориентированный на конкретную область, играет важную роль в машинном переводе. В представленной части нашего исследования отражены некоторые ошибки, производимые онлайн-сервисами, которые основаны на нейронном методе МП. Предложенные терминологические единицы проанализированы с точки зрения адекватности и эквивалентности перевода.

Ключевые слова: *машинный перевод, англо-русский машинный перевод, нейронный метод, термин, перевод терминов.*

Термины продуктивны по своей природе, и новые термины в различных областях знания создаются постоянно. Термин может иметь несколько значений в зависимости от контекста, в котором он появляется. Например, слова «терминал» («автобусный терминал», «терминальное состояние» или «компьютерный терминал») и «играть» («играть музыку», «играть в футбол»)

и «играть в спектакле») могут иметь совершенно разные значения в зависимости от контекста, в котором они появляются. Полисемичный термин (например, терминал) может иметь множество переводческих эквивалентов в языке перевода. Понятие на языке перевода может потерять свой смысл, если не учитывать перевод терминов и знания предметной области. Соответственно, сохранение знаний о предметной области при переходе от оригинала к переводу является ключевым моментом в любом рабочем процессе перевода. Перевод терминов, несмотря на его огромное значение в переводческой отрасли, является малоизученной изученной областью в исследованиях машинного перевода (далее – МП).

В нашей работе мы отобрали из приведенного ниже отрывка статьи терминологические сочетания, представили их перевод с помощью двух онлайн-сервисов DeepL и Google Translate, проанализировали их с точки зрения адекватности и эквивалентности перевода.

Рассмотрим отрывок из статьи “The neurobiology of long COVID” [1], которая посвящена нейропсихиатрическим и неврологическим симптомам, которые могут возникать на фоне перенесенной коронавирусной инфекции.

COVID-19 may affect the central nervous system in (at least) six main ways (Figure 1). First, the immune response to SARS-CoV-2 in the respiratory system may cause neuroinflammation – increasing cytokines, chemokines, and **immune cell trafficking** in the brain and inducing reactive states of resident microglia and other immune cells in the brain and brain borders. Second, SARS-CoV-2 rarely may directly infect the nervous system. <...> Lastly, pulmonary and multi-organ dysfunction occurring in severe COVID-19 can cause hypoxemia, **hypotension**, and metabolic disturbances that can negatively affect neural cells. For example, neuroinflammation triggered by the immune response to the **respiratory system infection** and consequent dysregulation of neural homeostasis and plasticity is likely a more common mechanistic principle that occurs even after mild disease in the acute phase, while direct brain infection is likely an uncommon mechanism associated with severe COVID-19 [1, с. 3484].

DeepL:

*COVID-19 может воздействовать на центральную нервную систему (по меньшей мере) шестью основными способами (рис. 1). Во-первых, иммунный ответ на SARS-CoV-2 в дыхательной системе может вызвать нейровоспаление – повышение уровня цитокинов, хемокинов и **миграции иммунных клеток** в головном мозге и вызывание реактивного состояния резидентных микроглии и других иммунных клеток в головном мозге и его границах. <...> Наконец, легочная и полиорганная дисфункция, возникающая при тяжелой форме COVID-19, может вызывать гипоксемию, **гипотензию** и метаболические нарушения, которые могут негативно влиять на нейрональные клетки. Например, нейровоспаление, вызванное иммунным ответом на **инфекцию дыхательной системы**, и последующая дисрегуляция нейронного гомеостаза и пластичности, вероятно, являются*

более распространенным механическим принципом, который возникает даже при легкой форме заболевания в острой фазе, в то время как прямая инфекция мозга, вероятно, является редким механизмом, ассоциируемым с тяжелой формой COVID-19.

Google Translate:

COVID-19 может повлиять на центральную нервную систему (как минимум) шестью основными способами (рис. 1). Во-первых, иммунный ответ на SARS-CoV-2 в дыхательной системе может вызвать нейровоспаление увеличение количества цитокинов, хемокинов и **трафика иммунных клеток** в головном мозге и индуцирование реактивных состояний резидентной микроглии и других иммунных клеток в головном мозге и его границах. <...> Наконец, легочная и полиорганная дисфункция, возникающая при тяжелой форме COVID-19, может вызывать гипоксемию, **гипотонию** и метаболические нарушения, которые могут негативно влиять на нервные клетки. Например, нейровоспаление, вызванное иммунным ответом на **инфекцию респираторной системы** и, как следствие, нарушение регуляции нервного гомеостаза и пластичности, вероятно, является более распространенным механистическим принципом, который возникает даже после легкого заболевания в острой фазе, в то время как прямая инфекция головного мозга, вероятно, является редким механизмом, связанным с тяжелым течением COVID-19.

Терминологическое сочетание *immune cell trafficking* двумя переводчиками выведено как *миграция иммунных клеток* (DeepL) и *трафик иммунных клеток* (Google Translate). В данном случае адекватным и эквивалентным вариантом предстает терминологическое сочетание, предложенное сервисом DL – миграция иммунных клеток, оно является устойчивым в данной сфере. Слово «трафик», GT перевел с помощью переводческого приема калькирования, что в данном случае не является адекватным переводом.

Термин *hypotension* также представлен по-разному. DL переводит как *гипотензия*, а GT – *гипотония*. Второй вариант является адекватным и эквивалентным переводом данного понятия, так как термин гипотония является кодифицированным вариантом. Также данное явление имеет второе название, в нашем случае – *артериальная гипотензия*. Важно уточнить, что прилагательное «артериальная» является ключевым добавлением при переводе на русский язык, поскольку в таком виде артериальная гипотензия является устойчивым исключительно в форме словосочетания, поскольку гипотензия бывает разных видов (например, физиологическая).

Термин *respiratory system infection* сервисы переводят как *инфекция дыхательной системы* (у DL) и *инфекция респираторной системы* (у GT). В первом случае мы наблюдаем семантически верное, но терминологически неточное употребление словосочетания. Кодифицированными являются

сочетания «дыхательная система» и «инфекции дыхательных путей». Соединение этих терминов не является официальным общеупотребительным вариантом и не используется в научных изысканиях ученых. Во втором случае вариант Google Translate можно считать приемлемым, так как данное словосочетание активно используется в медицине вместо респираторной инфекции.

Нейронные машинные переводчики довольно часто выдают низкое качество терминов в контексте из-за их ограниченности в понимании широкого контекста и многообразия значений слов. Они работают на основе больших объемов текстовых данных, но не всегда могут правильно интерпретировать специфический контекст, особенно при переводе технических терминов или специализированных тематик. Хотя нейронные сети и обучаются на больших объемах данных, включая параллельные корпуса текстов на разных языках, однако могут терять нюансы значения слова из-за ограничений своей модели и статистического подхода к переводу. Кроме того, нейронные машинные переводчики могут предложить перевод термина, который понятен из общего контекста, но не соответствует специфическому терминологическому использованию в конкретной области. Это может привести к неадекватности при переводе специализированных текстов.

Для качественного перевода терминов в контексте требуются более сложные методы и подходы, такие как использование глубокого понимания языка, знаний об определенной области, контекстуальных и семантических моделей, а также коррекции и редактирования перевода человеком, способным понять и передать специфику терминов в соответствии с контекстом.

Список литературы

1. Monje M., Akiko I. The neurobiology of long COVID // Neuron. Vol. 110 (21). 2022. Pp. 3484-3496.

© Хромова А.А., 2024

**ТРУДНЫЕ СЛУЧАИ В УПОТРЕБЛЕНИИ
ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ СТРУКТУР С ИМПЛИЦИТНЫМ
ЗНАЧЕНИЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ПЕРЕВОДЫ НА
ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК**

Данная работа посвящена изучению некоторых фразеологизированных структур с имплицитным отрицательным значением в русском языке и способы их переводы на персидский язык. Актуальность нашего исследования заключается в том, что такие конструкции в русском языке очень разнообразны и их понимание и перевод иногда трудно персоговорящим учащимся и недостаточная информация об этих предложениях приводит к ошибочному восприятию правильного смысла предложения.

Ключевые слова: фразеология, имплицитное значение, трудности в употреблении, русский язык, персидский язык.

Язык — это уникальная живая система, имеющая свойство развиваться. В каждом языке есть категории, отвечающие за осуществление базовых коммуникативных потребностей. К таким относятся категории утверждения и отрицания, которые отражают действительность и субъективное отношение говорящего к ней и для которой характерна обширная классификация и множество способов выражения [2].

Марцинкявичютев в своей работе указывает на то, что в языке двумя способами выражается отрицание - эксплицитное (формально выраженное: **не** хочу, **безногий** и т. п.) и имплицитное (скрытое: враг = **неприятель**, отсутствовать = **не** присутствовать и т. п.) [5, 13].

В лингвистическом энциклопедическом словаре также выражается что, отрицание в русском языке выражается отрицательными словами, отрицательным префиксом, отрицательной формой глагола, а может и не иметь отдельные выражения, т.е. быть компонентом значения слова, как, русский глагол «отказаться», который означает «не согласиться» (внутрилексемное отрицание), или отрицание целого предложения, «*много ты понимаешь!*» (подразумеваемое отрицание) [4, 354].

Надо отметить, что такие способы выражения отрицания существуют и в персидском языке, но в данной работе мы не хотим указывать на них. Мы сначала рассматриваем некоторые конструкции со значением эксплицитного отрицания, после этого указываем на русские фразеологизированные конструкции с имплицитным отрицанием, и выражаем способы их переводов на персидский язык.

Из сказанного выше можно убедиться в том, что понятие отрицания может выражаться и с помощью отрицательных средств и без них. В обоих случаях, особенно в имплицитном отрицании, иногда возникает проблемы для студентов в понимании, правильном употреблении и при их переводе на персидский язык. В данной работе мы указываем на трудные случаи употребления эксплицитного и имплицитного отрицаний в русском языке персоязычным студентам. Надо отметить, что при работе примеры, взятые из разных учебников и эквивалент данных конструкций на персидский представлен самым автором. Так как данная тема весьма обширна, в данной работе мы только указываем на самые важные случаи, но данная тема требует дополнительных исследований.

Далее перейдём к семантическому анализу и классификации вышеуказанных конструкций:

1. Частица **ни** или усиливает отрицание, выраженное словами **не**, **нет**: *Ни разу не встречал его (хя́тта йэк бар хам у ра молагат на́кард.)*, *Вокруг нет ни дерева (да́р а́траф хя́тта йэк дэра́хт хам нист.)*; или придаёт отрицательный смысл предложению без подлежащего: *Кругом ни души (да́р а́траф хич ка́си нист.)*; или выражает обобщающее значение: *куда ни посмотрю, всюду степь привольная (бэ хя́р коджа кэ чэшм мидуза́м, да́шт гостя́рдэ шодэ а́ст)* [6, 134- 135]. В последнем примере частица «**ни**» не придаёт предложению отрицательный смысл, но предложение по структуре отрицательное. Как видно, эквивалент частицы «**ни**» выражается словами «хя́тта, хич» или частица не переводится.

2. В группу отрицательных частиц и входит частица **не**. Частица «не» в предложении может выражать общее и частное отрицания. Но отрицательное значение частицы "не" ослабляется в том случае, когда частица соединяет две слитно произносимые одинаковые формы одного и того же слова, например, при выражении «*Полянка – не полянка, а все-таки чистенькое место*» [1, 1691-1692] .(да́шт хамчэ́нан да́шти хам нист, а́мма ба ин воджуд ма́канэ та́мизи а́ст.) Так, эквивалент частицы «ни» - это слово «хя́мчэ́нан».

Необходимо добавить, что отрицание в предложениях пунктов 1 и 2 эксплицитное.

3. В некоторых случаях, отрицание предложением не принимается, такие как «*Вот чай так чай*», «*Что за характер!*» [1, 2643]. Величко тоже в своей книге указывает на **фразеологизированные средства выражения отрицания** в русском языке и классифицирует их так [3]:

а) Для выражения отрицания используется фразеологизированная структура, открывающаяся вопросительным словом **что** (иногда ему предшествует частица **а**, усиливающая отрицание), и за которым имя в форме именительного падежа, которое называет то, что подвергается отрицанию:

-*А что ему работа!* (кар бәрайэ у чэ әрзэши дарәд!/ у әслән бәрайэ кар әрзэши гаэл **нист.**)

-*Что без друзей праздник! Что без страданий жизнь поэта! И что без бури океан!* (Лермонтов) (джәшн бәдунэ дустан, зэндэгийэ шаэр бәдунэ рәндж ва огйанус бәдунэ туфан чэ мәнаи дарәд? (т.е. мәнаи **нәдарәд**)

Такие предложения выражают экспрессивное отрицание значительности, авторитетности того объекта (лица), которое называется, или отрицают качество данного объекта, не имеющего названных признаков. Первое предложение «*А что ему работа!*» значит «он совсем **не** дорожит работой» и предложение «*Что без друзей праздник!*» значит «без друзей праздник теряет свои свойства, свою ценность».

б) Для выражения отрицания используется также частица **там** и стоящее перед ней вопросительное местоимение **где, какое, какой** или **куда**. Эти местоимения употребляются как синонимичные друг другу. Вместо частицы **там** иногда употребляется частица **тут**, если отрицание относится к плану настоящего или будущего.

-*Вы успели в кино?* (шома бэ синәма рәсидид?)

-*Где (какое, какой, куда) там успел! опоздал на 10 минут.* = *Я не успел.* (чэ или әждәб рәсидәни! 10 дәгигэ дир кәрдәм)

-*Какие тут шутки! Все обстоит очень серьезно!* = *Мы не шутим.* (чэ шухии! Хамэ чиз бәсйар джәдди аст)

Необходимо указывать на то, что предложения с существительным в позиции свободного компонента могут иметь разные смыслы и отрицают или наличие того объекта, который называется существительным, или возможность совершить действие, связанное с существительным.

В городе есть консерватория? - *Какая там консерватория!* (отрицание наличия объекта)

Наверно, Саша будет поступать в консерваторию? - *Какая там консерватория!* (отрицание возможности совершить действие)

в) Следующая группа — это вопросительные слова **куда, с кем, что, где, как**, после которых стоит частица **же**, а затем — инфинитив. Вся структура выражает отрицание кагоко-либо аспекта действия.

-*Куда же мне ехать!* = Мне **некуда** ехать.

-*С кем же мне советоваться!* = Мне **не с кем** советоваться.

Сравним два отрицательных ответа на вопрос:

-*Ты написал Сереже письмо?* (то бэ Сирёжа намэ нэвэшти?)

1) *Где там (Какое там) написал!* (намэ кожда буд!)

2) *Когда же мне было писать!* (вәгтэ намэ нэвэштәнәм кожда буд!)

Первое предложение означает отрицание действия в целом, «Нет, я не написал», второе называет причину отсутствия действия, «У меня не было времени, чтобы писать, и поэтому я не написал».

г) Формула предложений данной группы так: «кому+ не до+ сущ.». Структура отрицает то, что названо существительным, как

несвоевременное, нежелательное, для данного лица. Так приведенные выше предложения означают:

Ему не до сна = он **не** может спать (у ра чэ бэ хаб!)

Мне не до развлечений = Я **не** могу (у меня нет возможности, желания) развлекаться. (мән ра чэ бэ сәргәрми!)

Нам было не до кино. = Мы **не** смогли идти в кино (есть другие, более важные, нужные дела). (ма ра чэ бэ синәма рәфтән!)

д) Структура с частицей **ли**, которая имеет форму риторического вопроса является синонимом рассмотренной выше структуры. Позиция предлога **до** и частица **ли** закреплена.

До сна ли ему!, До развлечений ли мне!, До кино ли нам!

е) Следующая структура - это повторяемое существительное, которое в первой части предложения стоит в форме именительного падежа, а во второй- в форме именительного падежа или винительного с предлогом **в**. Эти повторяющиеся словоформы соединяет отрицательная частица **не**.

Ей праздник не в праздник! = Праздник для нее не является праздником или Она не чувствует праздника= субъекту (ей) плохо, у нее тяжело на душе, у нее неприятности.

С ним и тоска не тоска! = Когда я с ним, то я не чувствую тоски или С ним тоска покидает меня и т.п.

Структура указывает на то, что для субъекта, названное событие (реже-предмет) утратило свое обычное содержание, качество. Отрицаются обычные, характерные признаки данного события, как неактуальные для данного субъекта в силу каких-либо причин, которые известны из контекста или ситуации.

Таким образом проведенный анализ показал, что отрицание в русском языке выражается двумя способами - эксплицитное и имплицитное отрицание. В обоих вариантах существуют конструкции, понимание которых иногда трудно студентам. Конструкции, которые, утвердительные по форме, но отрицательные по значению и наоборот. В целом отрицание – не просто грамматическая категория, а сложная коммуникативная операция, функция которой во многом определяется контекстом.

Список литературы

1. Академическая русская грамматика под ред. Шведова. – М., АН СССР, 1982. – Электронный ресурс.
2. Белоусова Е.Д. Категория отрицания в русском и европейских языках и ее когнитивные различия, 2022. – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/kategoriya-otritsaniya-v-russkom-i-evropejskikh-yazykakh-i-ee-kognitivnye-razlichiya.html>(дата обращения: 08.05.2024)
3. Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских иностранцев, – М., МГУ, 1996. – 96 с.

4. Лингвистический энциклопедический словарь под ред. Ярцева В.Н. – М., Большая российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
5. Марцинкявичюте Э. Средства выражения отрицания в коммуникативном процессе, Литовский университет, 2014. – 82 с.
6. Мисири Г.С., Габ С.П. Русский язык. – М., 1976. – 231 с.

© Чераги Б., 2024

УДК 81'25

Чжу Шуан
сотрудник Чанчуньского
политехнического университета,
г. Чанчунь, Китай

КИТАЙСКАЯ СИСТЕМА РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛА И РУССКОЯЗЫЧНОГО ПЕРЕВОДА РОМАНА БА ЦЗИНЯ «СЕМЬЯ»)

Система родственных отношений – явление, встречающееся во всех языках мира. Хотя системы терминов родства в разных языках отличаются по форме и символике, состав используемых терминов и их семантика имеют общие черты. Например, термины родства в языках разных стран различают пол, кровные связи, наличие брака, возраст, поколение. Особенности использования системы родства в том или ином языке отражаются в социокультурных характеристиках народа, говорящего на языке, во взаимоотношении между языком и культурой. В статье в качестве фона рассматривается специфика национальной культуры, для сравнения взяты китайские и русские термины родства, а в качестве объекта исследования – термины родства в оригинале и переводе романа Ба Цзиня «Семья», с целью выявить культурную специфику китайских терминов родства.

Ключевые слова: китайские термины родства, «Семья», Ба Цзинь, русскоязычный перевод

Термины родства — это наименования, используемые для обозначения родственных отношений. «Родственные отношения» предполагают отношения между людьми, возникающие на основе кровных уз, уз брака или юридического признания. Будучи культурным феноменом, термины родства несут на себе глубокий культурный отпечаток, то есть в разных культурах существуют свои собственные особые наименования родства. В китайском языке различение родства проводится скрупулезно и тщательно, с учетом строгой последовательности полов и поколений, со строгим разграничением кровных и некровных родственников, а также четкими границами между

возрастом детей и старших. В русском языке, напротив, родство передается гораздо проще и обобщеннее, что затрудняет перевод терминов родства с китайского на русский язык.

Перевод — это действие по преобразованию дискурса с одного языка на другой с целью максимально точно донести содержание оригинального текста до читателей. Прежде чем анализировать перевод терминов родства в романе, необходимо ознакомиться со спецификой перевода терминологических символов. А.В. Федоров в своей работе «Основы общей теории перевода» вводит идею полноценности, которая, по его словам, предполагает полноценность перевода, что «означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [6], что относится и к вопросу перевода терминов. Переводчик вынужден использовать некоторые языковые средства, которые могут не совпадать с оригинальным текстом по форме, но в целом выполняют схожую смысловую и художественную функцию, что позволяет «верно интерпретировать фразы художественных персонажей» [5, 231]. А.Д. Швейцер выделяет синтаксический, семантический и прагматический уровни эквивалентности перевода [7], где прагматическая эквивалентность является высшей позицией эквивалентности. Перевод на прагматическом уровне эквивалентности характеризуется возможной несопоставимостью лексического состава языков, невозможностью связать структуру оригинального и переводного текста с помощью лексико-грамматических и грамматических трансформационных отношений. На этом уровне переводятся пословицы, поговорки, устойчивые формы описания ситуаций, клише.

В.Н. Комиссаров отмечает наличие двух этапов в эквивалентном переводе: выбор наиболее вероятного эквивалента для каждой категории или единицы; модификация этого выбора на уровне более крупной единицы на основе либо данных ИЯ, либо норм ПЯ. Ученые акцентируют внимание на переводческой эквивалентности, признавая невозможность полной эквивалентности [4]. Л.С. Бархударов в своей работе «Язык и перевод», вышедшей в 1975 году, отмечает, что «текст перевода никогда не может быть полным и абсолютным эквивалентом текста подлинника» [2].

В процессе перевода разница в культурном фоне между языком оригинала и языком перевода является важным фактором, влияющим на перевод. Как справиться с безэквивалентной лексикой при переводе — неизбежная проблема переводчика. Так называемая безэквивалентная лексика означает, что лексические единицы языка оригинала не имеют «готовых слов» или фиксированных словосочетаний в лексической системе переводного языка. Возникновение лексических безэквивалентов объясняется двумя причинами. Во-первых, существуют определенные явления, которые хорошо знакомы носителям оригинального языка и

отражены в их лексической системе, но не известны или почти неизвестны носителям переводного языка и поэтому не отражены в лексической системе их языка. Это и есть те явления, которые свойственны только духу определенного народа. Во-вторых, разные народы по-разному воспринимают мир и по-разному понимают значения тех или иных лексических единиц.

В основе патриархальной системы Китая лежит концепция семьи: «*中国古代社会长期处于自给自足的自然经济状态, 人们的活动范围不大, 这些情况导致了家庭规模较大和对家庭的特殊重视, 也形成了中国古代家庭的诸多特点*» [8, 221] / «древнекитайское общество долгое время находилось в состоянии самодостаточного натурального хозяйства, а круг деятельности людей был невелик; эти обстоятельства привели к увеличению семей и особому акценту на семье, а также сформировали многие особенности древнекитайской семьи» [перевод наш – Ч.Ш.]. Глава семьи – мужчина, обладающий высшей властью в семье, на его основе в качестве ядра семьи вовне формируются иерархические отношения, характеризующиеся строгим порядком старшинства членов семьи.

Русский язык, как флективный язык, имеет богатое разнообразие уменьшительно-ласкательных форм, которые встречаются и в обращении к родственникам старшего поколения. Кроме того, в русских семьях принято, чтобы братья обращались друг к другу прямо по именам, что показывает близость их отношений. Если обращаются друг к другу как «брат», то отношения воспринимаются как далекие, а чувства холодные. С другой стороны, в Китае старший брат может называть младшего по имени, но младший брат все равно должен называть старшего по типу родства «哥 гэ – старший брат».

В отличие от китайского языка, где система терминов, обозначающих кровных родственников, крайне сложна, в русском языке эти термины носят более общий характер. Например: “*然而对于这个除了伯父的零落的家以外... 就只有这轻轻的一诺了*” [9] / «...кроме разорившейся семьи дяди, осталось у него только это тихое «да»» [1]; “*他的祖父本来有五个儿子, 但是他的二叔很早就死了*” [9] / «У деда было пять сыновей, но второй дядя Цзюе-синя давно умер» [1]. На китайском языке старший брат отца зовется «伯 / бо», а младший брат отца – «叔 / шу». В переводе на русский язык и 伯, и 叔 переводятся как дядя. Кроме того, в китайском языке есть разные наименования для двоюродных братьев по отцу и по матери, но в русском языке они называются «двоюродными братьями»: “*我... 小时候就让你到你外公家跟表兄弟们一起读书*” [9] / «Я... в детстве позволила учиться вместе с двоюродными братьями» [1]; “*到了重庆以后不要忘记去*

找我的堂兄” [9] / «В Чунцине не забудь найти моего двоюродного брата» [1].

По сравнению с русским, в китайском языке наименование родственников по боковой линии более конкретно. В русском языке для наименований родства характерен акцент на нуклеарной семье, включающей родителей, братьев, сестер и детей. Родственники вне нуклеарной семьи называются общими понятиями, без указания различий. В китайском языке родственников по боковой линии одного пола называют: «伯 / старший брат отца», «叔 / младший брат отца» и «舅 / братья по матери». Эта особенность российской семьи соответствует реальности современного общества: семьи в России относительно независимы, и члены семьи обычно живут отдельно от других родственников. Китайская семья включает многочисленных родственников, и система родства в ней хорошо развита. Родственные отношения разграничиваются очень подробно, так что большинство родственников точно названы и их лексически невозможно спутать.

В романе Ба Цзиня «Семья» встречаются примеры, показывающие разницу между русскими и китайскими кровными родственниками по старшинству: “高觉新是觉民弟兄所称为“大哥”的人” [9] / «Цзюе-синь был тем самым человеком, которого Цзюе-минь и Цзюе-хой называли «старшим братом»» [1]; “你看，三弟又在发疯了！” [9] / «Посмотри, третий брат опять сходит с ума» [1]. В традиционных китайских семьях принято обращаться друг к другу в соответствии со статусом в семье или клане, например, «大哥 / старший брат», «三弟 / третий брат» как в оригинале. В России такой традиции нет, поэтому смысл порядка по старшинству в оригинальном тексте неизбежно теряется в переводе. Р.А. Газизов и Е.А. Морозкина подчеркивают: «Слово в тексте перевода, как правило, «мотивировано» автором и должно быть как можно более точно интерпретировано переводчиком» [3, 2492]. Если передать смысл той или иной лексемы в переводе не удаётся, то следует использовать сноски или примечания, в которые нужно включить необходимые пояснения.

Подводя итог приведенным выше примерам, отметим, что в китайском языке существует четкое различие между старшими и младшими кровными родственниками, что тесно связано с патриархальной системой родства, долгое время существовавшей в Китае. Патриархальный строй — это строй, ориентированный на семью, который различает родственников по близости их родословной. Хотя в современном обществе китайские термины родства уже не обладают значением статуса и подчиненности, традиционная концепция уважения к старшим и пожилым людям, которую они отражают, все еще сохраняется в китайской культуре. Эти социокультурные различия являются основной причиной неравнозначного перевода некоторых терминов родства.

Список литературы

1. Ба Цзинь. Семья: Роман / пер. с китайск., [предисл. и примеч В. Петрова]. – Москва: Гослитиздат, 1956. – 574 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. – М.: ЛКИ, 2010. – 240 с.
3. Газизов Р.А., Морозкина Е.А. Языковые антиномии В. фон Гумбольдта в аспекте перевода (на материале оригиналов и переводов новелл Э.А. По) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 8. – С. 2490-2495.
4. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода / [Электронный ресурс]. URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/2013/04/12/komissarov.pdf (дата обращения: 12.04.2013).
5. Морозкина Е.А., Чжу Шуан Репрезентация семантики отрицания в переводе романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» на китайский язык // Казанская наука. – 2024. – №1. – С. 230-232.
6. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: «Высшая школа», 1968. – 394 с.
7. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1998. – 214 с.
8. 田惠刚, 《中西人际称谓系统》, 北京: 外语教学与研究出版社, 1997. – 221 页.
9. 巴金《家》, 人民文学出版社, 北京, 1953 年. – 432 页.

© Шуан Чжу, 2024

ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81'23

Гилязова Д.Р.

канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛИ КОММУНИКАЦИИ В ПОРОЖДЕНИИ И УКОРЕНЕНИИ СТЕРЕОТИПОВ

В статье рассматриваются механизмы появления стереотипов в отношении отдельных социальных групп и представителей субкультур. А также роль отдельных субъектов и СМИ в их тиражировании и укоренении в сознании индивидов. Влияние усвоенных ассоциаций на появление устойчивых стереотипов.

Ключевые слова: *стереотип, предубеждения, значения маркеров, социальные категории, шаблоны, стереотипизация, ассоциативные связи.*

Стереотипы в языке, которые мы используем и культивируем, зависят от нашего восприятия и ассоциативных связей, которые обусловлены предыдущим опытом, закрепившимся в сознании. Исходя из их направленности, мы маркируем эти подполя как (1) отклонения в лингвистической маркировке и (2) предубеждения в описании поведения и характеристик, отнесенных к какой-либо категории людей. Оба подполя, в свою очередь, дополнительно уточняются с точки зрения:

- а) содержания (значения маркеров),
- б) языковой формы (т.е. классов слов, лексического состава).

С терминами «лингвистическое отклонение» или «использование предвзятого языка», мы ссылаемся на источники, в которых использование языка отражает (общее) знание социальной категории. Таким образом, мы определяем лингвистический отклонение как систематическую асимметрию в выборе языковых средств, который отражает всё, с чем мы ассоциируем некую социальную категорию, применяя их к описанной категории или отдельному члену категории. Это означает, что выбор языка варьируется в зависимости от социальной категории, в которой эта единица классифицируется, соответствуя действующему стереотипу и поведению. Кроме того, слово «систематический» указывает на то, что эти различия в выборе языка являются общими шаблонами, в отличие от их аномального использования отдельными индивидами. Как уже отмечалось, различные типы смещения проявляют эту систематическую асимметрию, по-разному,

через языковой контент (например, значение слова, выбор темы) и/или лингвистической формы (например, существительные:прилагательные, отрицание:аффирмация, и т.д.).

Ряд типов лингвистических предубеждений связан с категорией правомочности, контентом стереотипа и важностью, обусловленной главным образом моральными и материальными последствиями предвзятых формулировок по отношению к адресату. Воспринимаемая объективность и эссенциализм рассматриваются как две до-ментальные переменные в восприятии категорий и стереотипизации и часто используются как синонимы.

Группирование людей по категориям является основополагающим социальным инструментом. Социальные категории и связанные с ними стереотипы помогают людям принимать и понимать мир социума, существующего в их сознании в некой предсказуемости (Allport, 1954). Термин «стереотип» относится к когнитивному представлению людей о социальных категориях, состоящих из убеждений и ожиданий о вероятном, продиктованном/ приписываемым стереотипном поведении людей, обладающих определенными особенностями и признаками (Dovidio et al., 2010).

Термин «предубеждение» обычно относится к негативным аффективным оценкам социальной категории и её членов. Эти когнитивные и аффективные ассоциации могут (совместно или независимо друг от друга) вызывать дискриминационные действия. Идентификация нового лица как члена категории позволяет опираться на знания и опыт аналогичных лиц из этой категории и, таким образом, снабжать нас ассоциациями, связанными с субъектами предполагаемыми свойствами, которые выходят за пределы наших знаний и понимания. Тем не менее, упрощение, которое она несёт, имеет серьезные минусы. Во-первых, полагаясь на категории, мы воспринимаем и преувеличиваем сходство между людьми приписанными к данной категории, т. е. они все рассматриваются как одинаковые и отличающиеся от людей из других категорий [Брюэр и Харасты, 1996].

Во-вторых, оценка отнесенного к определённой категории лица на основе стереотипных ожиданий, увязанных с категорией, обеспечивает информацией в достаточном количестве, т.к. к этому человеку применяются сохраненные категориальные познания, но этот процесс включает в себя и утрату большого массива информации, потому что индивидуальность и ситуационные рамки членов категории не берутся в расчёт. Дискриминация происходит, когда отдельные лица или группы рассматриваются, описываются и/или оцениваются на основе общих ассоциаций социальных категорий, без учета доступной индивидуализированной информации.

Стереотипы в основном определяют и изучают как внутриличностные явления, как наличие системы убеждений, которая является продуктом умственных процессов формирования стереотипов в сознании индивидов.

Рассмотрение же индивидов в таком аспекте предполагает пренебрежение тем фактом, что стереотипы по сути продукт когнитивных усилий отдельных лиц, которые становятся общими для большого количества людей, принадлежащих к различным (суб)культурам. [Семин, 2008].

Изучение того, какие социальные категории имеют право на существование, и изучение общих ожиданий в связи с этими социальными категориями – часть процесса окультуривания, в котором мы приобретаем нормы, ценности и соответствующее культурное поведение, погружаясь в соответствующую социальную среду и взаимодействуя как в ней, так и за пределами её рамок. Создание и поддержание общих социальных категорий и связанных с ними ожиданий, таким образом, коренятся в нашем культурном воспитании уже на самых ранних стадиях развития детей. Взрослея, мы учимся классифицировать объекты. Например, различать и называть виды животных, названия игрушек и людей, например, в зависимости от профессии или пола и мы неосознанно усваиваем ожидания представителей общества от объектов и отдельных лиц, принадлежащих к таким категориям [Bigler & Liben, 2006].

Стереотипные убеждения поддерживаются внутри социальной группы, тиражируя и подпитывая тем самым количество предубеждений. Вкупе, эти процессы гарантируют использование общепринятых стереотипов всеми членами внутри субкультур и тем самым создают свою собственную общую социальную реальность.

Коммуникация играет решающую роль в возникновении, сохранении и коррекции стереотипов внутри субкультур. Представления об отдельных социальных категориях являются общими и поддерживаются через средства массовой информации и в межличностной коммуникации. Хотя стереотипы могут быть приобретенными, например, на основе прямого взаимодействия или наблюдения за действиями представителей других членов данной категории лиц, либо благодаря визуальным изображениям групп в средствах массовой информации или открытой сегрегации определённых групп в обществе, даже эти факторы, вероятно, влекут за собой лингвистическую категоризацию в общении.

Когда наблюдаемые социальные группы маркируются и обсуждаются в процессе коммуникации, они, с высокой степенью вероятности, становятся объектом стереотипов.

Таким образом, коммуникация может выступать как средство формирования, укоренения и поддержания стереотипов. Исследования Томпсона, Джадда и Парка (2000) показали, как просто в процессе общения можно перевести впечатление от контакта с отдельным индивидом в разряд стереотипности, когда впечатление от контакта с одним представителем субкультуры переносится на всех её членов. Люди склонны приписывать стереотипные черты всей группе в целом, используя приём обобщения.

Таким образом, коммуникация является основным двигателем в формировании, поддержании и укоренения стереотипов.

Во-первых, язык отражает и поддерживает те категории, которые считаются значимыми отличительными и, следовательно, они становятся объектом для сравнения. Во-вторых, использование языка в коммуникации о людях определенной категории отражает и подпитывает те стереотипные характеристики, которые связаны с данными категориями, то есть содержание стереотипа и степень, в которой эти связанные характеристики воспринимаются как существенные для данной категории.

Коммуницируя с другими людьми и наблюдая за их поведением и особенностями их языка тела, в языке формируются общие когнитивные представления о различных особенностях, связанных с этими людьми. Стереотипные убеждения часто весьма поверхностны. Но при этом лингвистические предубеждения подпитывают общую социальную категорию, разделяя и подтверждая существующие стереотипы. Эти силы создают «цикл самосохранения», в котором познания о социальной группе постоянно разделяется и поддерживается её представителями.

В ходе этого процесса одновременно протекают внутриличностные и межличностные процессы. Отражение социально-категориального познания при необъективном использовании языка обычно рассматривается как продукт межличностного коммуникативного процесса между говорящим/отправителем.

Это отражается в языке непосредственным межличностным согласием, когда получатели делают стереотипные умозаключения, воспринимая предвзятое отношение через различные каналы. Более того, в интерактивной коммуникационной ситуации говорящий и получатель постоянно меняются ролями и при этом предвзятое отношение также становится межличностным. Далее включается эффект домино...Один человек может позволить себе стереотипное суждение, которое подхватывает другой. Произнесённое одним человеком может активировать социально-категориальные познания в другом человеке и впоследствии побудить предвзятое высказанное отношение у другого.

Различные предубеждения, используемые в коммуникации о категорированных субъектах, всегда встроены в коммуникативный контекст.

Список литературы:

1. Dovidio, J. F., Hewstone, M., Glick, P., & Esses, V. M. (2010). The SAGE Handbook of Prejudice, Stereotyping and Discrimination.
2. Bigler, R. S., & Liben, L. S. (2006). A developmental intergroup theory of social stereotypes and prejudice. *Advances in Child Development and Behavior*, 34, 39–89.

3. Semin, G. R., & Fiedler, K. (1988). The cognitive functions of linguistic categories in describing persons: social cognition and language. *Journal of Personality and Social Psychology*, 54, 558-568

© Гилязова Д.Р., 2024

УДК 80'81

Гули-заде Р.Н.

*канд. филол. наук, доцент университета имени Шахида Бехешти
г. Тегеран, Иран*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЕЁ РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ НА ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Настоящая статья рассматривает важность преподавания вопросов межкультурной коммуникации. Основная роль преподавателя: развитие межкультурные отношения обучающихся, вызывая их интерес, любопытство и открытость к другой культуре. При надлежащем взаимодействии в профессиональном контексте, студенты смогут дифференцировать культурные тонкости и корректировать свои ответы и проявления на определенную ситуацию.

Ключевые слова: *культура, коммуникация, социологическая среда, лингвокультурология, глобализация.*

Аккумуляция знаний и передового опыта с целью правильного восприятия многокультурного общества и оценки мира – одна из целей современного образования. В настоящее время мы довольно заметно переживаем удивительный период, где социологическое понятие «глобализация», введенное в 90-х годах, вошло во все сферы жизнедеятельности человека. Мы очевидцы серьезных изменений, происходящих во всем мире с беспрецедентным уровнем взаимосвязанности человечества. Речь идет не о преодолении или установлении границ, изменения касаются всех социальных уровней и сфер.

Мы обязаны подготовить изучающих к признанию различий с точки зрения культурных ценностей, моделей общения и поведения, привычек и взглядов и помочь им приобрести нужные знания и навыки для изменения их отношения к социальным моделям, нормам, убеждениям и ценностям другой страны.

Г. Маклюэн по праву считается пророком цифровой эпохи. У.Г. Маклюэна термин «глобальная деревня» означает не только настоящее, прошлое, но и будущее. В его теории люди вольно или невольно вторгаются в жизнь друг друга, рассуждая обо всем увиденном и услышанном. Его теория заключалась в массовом распространении

информации, что ведет к изолированной человеческой индивидуальности. Глобальная деревня появляется тогда, когда появляются многонациональные государства и развивается массовая коммуникация. Данная форма коммуникации устанавливает новую социологическую структуру в пределах существующего контекста культуры, а впоследствии и новую культурную ситуацию.

Культура – это одно из наиболее характерных свойств, присущее любому устойчивому объединению людей, совокупность материальных и духовных ценностей, созданных обществом и характеризующих определенный уровень развития [2, 43].

Коммуникация – это процесс передачи информации! Одна сторона информацию кодирует, другая слышит данный код, получает и декодирует, и реагирует! Изучение иностранному языку должны быть связующим элементом между несколькими культурами и науками, с помощью которых обучающиеся приобретают возможность открыть для себя другие ценности и реалии жизни. Язык – это не только простой инструмент для коммуникации, состоящий в фактической передаче данных, язык – это культурное кредо, совмещающий историю и эволюцию народа, которое на протяжении всего своего существования собирало взгляды, ценности, убеждения и поведенческие модели.

Язык – целая экзистенциальная философия. Таким образом, история народа, социальные нормы и основы общества являются важнейшими факторами понимания культуры и цивилизации этого народа.

В этом контексте обучающиеся должны знать, что процесс межкультурной коммуникации предполагает надлежащее понимание и толкование этносоциокультурных элементов, характерных для целевого языка.

Помимо знаний и взглядов, студенты также должны быть наделены навыками открытия и взаимодействия, сравнения и интерпретации аутентичных материалов из другой культуры, соотнося их с событиями из своей культуры. В связи с этим роль преподавателя или инструктора заключается в развитии некоторых знаний о той или иной культуре, а также в развитии необходимых навыков и подходов для сравнения и интерпретации. Непременно как обучающиеся приобретут нужные знания и навыки, изменится их отношение к социальным моделям, нормам, убеждениям и ценностям другой страны. В связи с этим, при помощи преподавателей иностранных языков молодые специалисты смогут правильно взаимодействовать в профессиональном контексте, дифференцируя культурные тонкости и корректируя свои ответы и проявления к определенной ситуации, формируя позитивное отношение к ней.

В настоящее время факт влияния глобализации на все жизненно важные аспекты человеческой деятельности является неоспоримым,

вследствие чего с каждым годом возрастает актуальность исследований лингвистических и лингвокультурологических проблем в системе языковой вариантности. Подобные исследования выходят за рамки анализа собственно языковых факторов и носят междисциплинарный характер, т.к. их результаты представляются крайне важными для таких областей научно-практического знания, как, например, международный маркетинг и рекламное дело [5, 366].

На рубеже XX и XXI веков в лингвистики появились новые направления, возникшие на междисциплинарной основе: лингвокультурология и межкультурная коммуникация.

Сейчас уже общепризнано, что лингвокультурология – самостоятельная научная область. Ее основной предмет: роль и место культуры и языка в становлении и функционировании личности. В лингвокультурологии, по мнению А.А. Леонтьева, культура рассматривается как лингводидактический феномен и включает информацию о социальной среде, о культурном стереотипе общества, о принятой системе ценностей и практическую семиотику (знаковая среда и правила поведения). Та или иная национальная культура – не только культурная традиция в искусстве, литературе, фольклоре [4, 50].

В методической литературе четко различаются понятия «речевое действие» и «речеповеденческая тактика». Речеповеденческая тактика – это однородная по интенции и реализации установка, программирующая вербальное поведение, речевые действия (Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров). Речеповеденческие тактики имеют национально-культурные особенности. Поэтому для достижения взаимопонимания и толерантной коммуникации на иностранном языке необходимо уже на начальном уровне обучать таким речеповеденческим тактиками речевым действиям, как предложение совместного действия; согласие с предложением, просьбой; совет, поощрение к началу действия; выяснение и уточнение информации; ответ на благодарность, на поздравление [4, 51].

Таким образом, очевидно, что лингвокультурология и межкультурная коммуникация за десять лет, которые прошли после их выделения из лингвострановедения, стали двумя самостоятельными дисциплинами с собственным понятийным аппаратом. Каждая из них имеет в своем понятийном аппарате соприкосновение с разными общественными науками: социологией, психологией, культурологией, социолингвистикой, психолингвистикой, этнолингвистикой, когнитивной лингвистикой и др. И это утверждено, ведь дальнейшая оптимизация процесса преподавания любого неродного языка неосуществимо без обращения к данным различных наук: не только лингвистики и методики, но и психологии, психолингвистики, социолингвистики, общей педагогики, философии. И не только обращения, но и синтеза.

Вопрос соотношения языка и культуры относится к числу актуальных вопросов последних десятилетий. Это связано в первую очередь с тем, что без знания культуры не предоставляется возможной успешная коммуникация. И это вполне естественно, так как каждый из нас в зависимости от географического расположения, принадлежит к свойственной своему народу культуре, следовательно, по-разному воспринимает мир. А.А. Леонтьев в «Языковом сознании и образе мира» пишет: «В основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видения мира одним народом нельзя простым *«перекодированием»* перевести на язык культуры другого народа» [3, 20]

Как известно одна из важных заслуг культуры заключается в определении особенностей коммуникативного поведения народа в целом и человека в частности. Данную точку зрения поддерживает также российский арабист В.Э. Шагаль, который в одном из своих исследований в области межкультурной коммуникации отмечает «В арабском мире, вопрос о том, как вы собираетесь что-то сказать, иногда важнее того, значимее того, что именно вы должны сказать» [6, 253].

В современную эпоху мы стали свидетелями формирования новой дисциплины – антропологической лингвистики, которая открывает новые перспективы и задачи перед исследователями. Антропология способствовала не только по-новому взглянуть на новые проблемы в области языкознания, но и помогла исследователям рассмотреть науки, взаимосвязанные с человеческой деятельностью, к числу которых относится лингвокультурология, этнопсихолингвистика и пр. Это свидетельствует о том, что в настоящее время залогом успешной коммуникации является знание культуры изучаемого языка, которое определяет коммуникативное поведение говорящего. При встрече с иностранцами, представители каждой нации способны легко прощать им грамматические и лексические ошибки, так как они сводят их к недостаточному знанию языка. Но, когда затрагивается вопрос несоблюдения социокультурных норм поведения, то они проявляют строгость и придирчивость, потому что считают, данные нарушения были сделаны сознательно, чтобы нанести обиды, оскорбления. Филологи должны помнить, что ни одна из сказанных ошибок непростительна им.

В современную эпоху мы становимся свидетелями динамичного расширения межкультурных контактов, унифицированности мирового сообщества. Следовательно, обучая иностранному языку студентов, преподаватель не только должен владеть языком, но и знаниями, охватывающими национально-культурную специфику речевого поведения, социально-культурные нормы, а также превалирующие особенности коммуникации. При обучении иностранному языку первым долгом следует

ориентироваться на достижении практического результата – речевой и коммуникативной компетенции. Речевая компетенция входит в состав коммуникативной компетенции, означает владение способами формирования и формулирования мыслей посредством языка и умение пользоваться такими способами в процессе восприятия и порождения речи [1, 251].

Изучать иностранный язык вне языковой среды – непростая задача. Наряду с основными компонентами и составляющими образовательного процесса ключевая роль в передаче знаний отводится педагогу. И как верно отмечает А.Н. Щукин, «...он должен владеть искусством придания уроку живость и увлекательность. Ведь несомненно, что то, что пережито, эмоционально запоминается дольше (радости открытия, радости познания, интеллектуальных эмоций обучаемых студентов)» [7, 7].

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) [Текст]. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – Москва: УРСС, 1999. – 704 с.
3. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность [Текст]. – М., 1993. – С. 16-21.
4. Лысакова И.П. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: к вопросу о понятийном аппарате дисциплин. Вестник РУДН, серия *Вопросы образования: языки и специальность*, 2008, № 4
5. Найденова Н.С. Межкультурные особенности рекламных слоганов // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения. II Новиковские чтения: Материалы Международной научной конференции (Москва, 16—17 апреля 2009 г.). – М.: Изд-во РУДН, 2009. – С. 366–368.
6. Шагаль В.Э. Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык [Текст]. – М.: Институт востоковедения РАН, 2001. – 287 с.
7. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного [Текст]. – М. Русский язык, 1990. – 117 с.

© Гули-заде Р.Н., 2024

Дамман Е.А.
канд. филол. наук, доцент ЮУрГУ,
г. Челябинск, Россия

КОНТАКТЫ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛСГ «FOOD» АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Данная статья посвящена изучению контактов языков и культур, в частности, целью является попытка проанализировать то влияние, которое оказали другие языки на английский в этимологическом аспекте на примере ЛСГ «Food». Исследуя лексику, относящуюся к ЛСГ «Food», можно уверенно делать выводы о контактах языков и культур, так как результат их взаимодействия материален. В результате нашего исследования мы пришли к выводу о том, что ЛСГ «Food» представлена заимствованиями из греческого, латинского, скандинавского, французского, итальянского, испанского, немецкого, китайского, русского, турецкого и других языков.

Ключевые слова: этимология, контакты языков и культур, ЛСГ “Food”

Язык – явление социальное и, следовательно, не существует вне культуры, то есть вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих образ жизни человека. Существенно, что ни одна культура не развивалась в изоляции, что любая национальная культура есть плод, как внутреннего развития, так и сложного взаимодействия с культурами других народов.

Данная работа посвящена изучению контактов языков и культур. Воздействие одних языков и культур на другие (в данном случае на английский язык) – процесс непрерывный. Целью данной статьи является попытка проанализировать то влияние, которое оказали другие языки на английский в этимологическом аспекте на примере ЛСГ «Food».

Зачастую взаимное влияние культур разных этносов поверхностно и трудноразличимо, а иногда на первый взгляд и вовсе незаметно; исследуя же лексику, относящуюся к ЛСГ «Food», можно с большей долей уверенности делать какие-либо выводы о контактах языков и культур, так как результат их взаимодействия материален. Кухня и кулинарные традиции Великобритании тем более интересны, что в них сочетаются как национальные черты, так и черты, присущие культурам других стран. Английская кухня настолько разнообразна, что ее едва можно назвать национальной, так много вобрала она в себя из разных источников.

Опишем поэтапно процедуру нашего исследования. Путем сплошной выборки из тезауруса Роже П.М. Roget's 21st Century Theaurus были

отобраны 752 лексические единицы, относящиеся к ЛСГ «Food» [3]. Затем нами были исследованы словарные дефиниции данных лексических единиц из словаря Merriam Webster's Collegiate Dictionary [4] с помощью одноименного метода, для того чтобы определить, подходят ли данные лексические единицы под нашу трактовку ЛСГ «Food». Предпочтение было отдано именно этому словарю, так как в нем содержатся довольно обширные словарные статьи и, что является для нас наиболее ценным, указана этимология многих слов. Для более точной проверки полученных по словарю Merriam Webster's Collegiate Dictionary [4] данных, была проведена перекрестная проверка результатов по словарям Oxford Advanced Learner's Dictionary [2] и Collins Cobuild English Language Dictionary [1]. Из 752 лексических единиц в данных словарях нами были найдены словарные дефиниции 629 лексических единиц, относящейся к ЛСГ «Food». Нам не удалось найти словарные дефиниции для многих глаголов с послелогом, для лексических единиц, относящихся к разговорному стилю общения, а также для лексических единиц, образованных аффиксальным способом и для сложных слов.

629 лексических единиц были исследованы нами по этимологическому признаку. С этимологической точки зрения нами было рассмотрено процентное соотношение исконно-английских и заимствованных лексических единиц, относящихся к ЛСГ «Food»; было выяснено из каких языков и каким путем заимствованной лексической единицы проникали в словарный состав английского языка, а также нами была представлена классификация заимствований по периодам их проникновения в словарный состав английского языка.

В словарях Merriam Webster's Collegiate Dictionary, Collins Cobuild English Language Dictionary, Oxford Advanced Learner's Dictionary указана этимология 629 лексических единиц, относящихся к ЛСГ «Food» [1; 2; 4]. Данные лексические единицы являются как исконно-английскими, так и заимствованными из различных языков мира.

Заимствования составляют большую часть ЛСГ «Food». Из 629 лексических единиц 127 составляют исконно-английские лексические единицы и 502 – заимствованные лексические единицы, что в процентном соотношении составляет: исконно-английские лексические единицы – 20,2%, заимствованные лексические единицы – 79,8%.

В английском языке процент заимствований значительно выше, чем в других языках. Подсчитано, что общее число исконных слов в английском языке составляет всего около 30% словарного состава. Как видно из полученных нами данных количество исконно-английских лексических единиц, входящих в ЛСГ «Food» существенно меньше среднего показателя, что обусловлено прежде всего географическими особенностями Великобритании, которая, занимая сравнительно небольшую территорию и располагая ограниченными ресурсами, на ранних этапах своего развития

имела весьма небогатую кухню. Позднее благодаря многочисленным географическим открытиям, развитию колоний и, конечно же, обширным международным связям Великобритания познакомилась с культурами других стран и, следовательно, расширила свой кругозор в области кулинарии. Таким образом, английский язык пополнился заимствованиями, связанными с новыми для английской культуры предметами и явлениями, относящимися к ЛСГ «Food».

В результате нашего исследования мы пришли к выводу о том, что ЛСГ «Food» представлена заимствованиями из греческого, латинского, скандинавского, французского, итальянского, испанского, немецкого, китайского, русского, турецкого и других языков. Около двух третей словарного запаса английского языка составляют заимствования из языков романской группы. В процентном соотношении это составляет: заимствования из французского языка – 58,8%, из латинского языка – 9,9%, из испанского языка – 5,7%, из итальянского языка – 5,6%, из нидерландского языка – 4,2%, из немецкого языка – 3,6%, из скандинавского языка – 1,8%, из греческого языка – 1,8%, из португальского языка – 1,6%, из русского языка – 1,4%, из китайского языка – 1%, из малайского языка – 0,6%, из турецкого языка – 0,6%, из кельтского языка – 0,4%, из бельгийского языка – 0,4%, из идиша – 0,4%, из венгерского языка – 0,4%, из ямайских диалектов – 0,4%, из индейских языков – 0,4%, из тамильского языка – 0,2%, из польского языка – 0,2%, из иврита – 0,2%, из японского языка – 0,2%, из йеменского варианта арабского языка – 0,2%.

Многие из вышеперечисленных языков являются посредниками, которые первоначально заимствовали иноязычную лексику в словарный состав своего языка, но позднее, уже при непосредственном контакте с английским языком, они стали в свою очередь источником заимствований.

История многих заимствований очень интересна, так как они прошли длинный путь с момента появления в определенном языке до того времени как стали частью английской лексики. Например:

apricot < *Fr. abricot* < *Catalan abercoc* < *Port. albricoque* < *Ar. albirquq* < *Gk. berikokkia* < *L. (malum) præcoquum*;

aubergine < *Fr. aubergine* < *Catalan alberginera* < *Ar. al-badinjan* < *Pers. badin-gan* < *Skt. vatin-ganah*;

date < *O.Fr. date* < *O.Prov. datil* < *L. dactylus* < *Gk. daktylos* < possibly *Heb. deqel*;

orange < *O.Fr. orange* < *M.L. pomum de orange* < *Ar. naranj* < *Pers. narang* < *Skt. naranga-s*;

rice < *O.Fr. ris* < *It. riso* < *L. oriza* < *Gk. oryza* < *O.Pers. brizi* < *Skt. vrihi-s*;

sugar < *O.Fr. sucre* < *M.L. succarum* < *Ar. sukkar* < *Pers. shakar* < *Skt. sharkara*.

Как видно из приведенных примеров, чаще всего языками-посредниками выступали французский и латинский языки. Данное обстоятельство обусловлено тем, что эти языки относятся к одной языковой группе. Что касается связи латинского и греческого языков, то мы можем привести общеизвестный факт о том, что греческий язык оказал самое сильное и продолжительное влияние на латинский язык, особенно в период с III по I вв. до н. э. На территории Британии же довольно длительное время господствовали римляне, а позднее и французы, что естественно не могло не отразиться на лексике английского языка. На протяжении нескольких столетий латинский и французский языки являлись языками господствующего класса, церкви. Британцы вынуждены были изучать данные языки и говорить на них в официальной обстановке. Все это неизбежно отразилось на английском языке и привело к многочисленным заимствованиям из латинского и французского языков.

Представим классификацию заимствованной лексики на примере ЛСГ «Food», основе которой лежит принцип распределения лексических единиц по группам в зависимости от источника и эпохи заимствования:

1) Кельтские заимствования, представляющие самый ранний период заимствования. Следы кельтской культуры практически растворились во времени, и поэтому очень трудно выявить заимствования кельтского происхождения, принадлежащие к ЛСГ «Food». Эта группа заимствований представлена всего 2 лексическими единицами: *bannock*, *flummary*, и составляет 0,4% от общего числа заимствований.

2) Латинские заимствования первых веков нашей эры, еще до прихода англо-саксонских племен на Британские острова, так называемый 1-й слой латинских заимствований. По своему характеру все заимствования этого периода – бытовые слова, заимствованные в разговорной форме, в том числе и слова, обозначающие продукты сельского хозяйства, такие как *beet*, *butter*, *cheese*, *pea*, *pear*, *pepper*, и другие. К этому периоду относится 15 лексических единиц, которые составляют 3% заимствованной лексики, относящейся к ЛСГ «Food»

3) Латинские заимствования VI – VII вв., т. е. эпохи введения христианства в Англии, так называемый 2-й слой латинских заимствований. К ЛСГ «Food» относятся лишь единицы лексических заимствований, например, *dish*. Причиной этому служат более ранние контакты с римской культурой, в ходе которых английский язык уже усвоил многие из понятий, относящихся к ЛСГ «Food». В нашем исследовании данная группа заимствований представлена 1 лексической единицей, что составляет 0,2% от общего числа слов иностранного происхождения.

4) Скандинавские заимствования эпохи скандинавских набегов (VIII–IX вв.) и особенно скандинавского завоевания (X в.). В этническом отношении – по быту, нравам, обычаям – скандинавы и британцы

находились на одном уровне развития, и поэтому тесный контакт между двумя близко родственными языками привел к их смешению. Это прослеживается и на уровне заимствований, принадлежащих к ЛСГ «Food», например, *cake, egg, mull, oats, scrapple*. Всего в этот период из скандинавских языков было заимствовано 9 лексических единиц, относящихся к ЛСГ «Food», что равно 1,8% от общего числа заимствований, входящих в данную ЛСГ.

5) Старые французские заимствования (XII-XV вв.), обусловленные нормандским завоеванием. Французский язык стал языком господствующего класса, судебных учреждений и церкви. Что касается кухни: именно в этот период английский язык заимствовал наибольшее количество лексических единиц, связанных с ЛСГ «Food», например, *flavour, garnish, onion, poultry, taste, tender*. Как известно, чем теснее и длительнее культурный контакт, тем он более продуктивен. Это подтверждают данные нашего исследования: французские заимствования этого периода насчитывают 166 лексических единиц, относящихся к ЛСГ «Food», что составляет 33,1% заимствованной лексики, представляющей данную ЛСГ.

6) Латинские заимствования XV-XVI вв., т. е. связанные с эпохой Возрождения, так называемый 3-й слой латинских заимствований. Отличительной чертой данного слоя является то, что эти заимствования содержат множество глаголов, прилагательных и сравнительно немного существительных, например, *nutrition, consume, digest, ferment, edible, insatiable, rancid*. Эта группа заимствований представлена 22 лексическими единицами, входящими в ЛСГ «Food», что равно 4,4% заимствованной лексики.

7) Новые французские заимствования после XVI в., когда вновь укрепилась связь между Великобританией и Францией, например, *beverage, croissant, dessert, éclair, mousse, pate de foie gras, Roquefort, soufflé, pasteurize, palatable*. К этому периоду относится 129 лексических единиц, что составляет 25,7% от общего числа заимствованной лексики, связанной с ЛСГ «Food».

8) Начиная с XVI в., Великобритания начала развиваться ускоренными темпами. Возросло значение международных связей, поэтому заимствования из греческого, итальянского, нидерландского, испанского, русского, немецкого и др. языков обусловлены экономическими, политическими, культурными и т. д. связями с соответствующими народами. Данная группа заимствований насчитывает 158 лексических единиц, принадлежащих к ЛСГ «Food», и составляет 31,4% от общего количества слов иностранного происхождения, представляющих данную ЛСГ: *cinnamon, fetta, pita* (греч.), *bel paese, coffee, minestrone* (итал.), *brandy, buckwheat, snack* (нидерланд.), *chocolate, cocoa, vanilla* (исп.), *beluga, borscht, Stroganoff* (русс.), *kirschwasser, marzipan* (нем.), *goulash, paprika*

(венг.), *chop suey*, *dim sum*, *mien* (кит.), *kebab*, *shish kebab*, *yoghurt* (турец.) и другие.

Таким образом, выбранная нами для анализа ЛСГ «Food» представлена как исконно-английскими, так и заимствованными лексическими единицами. Заимствования составляют 79,8% ЛСГ «Food» и представляют собой лексические единицы, заимствованные из разных языков, преимущественно романских, и на разных этапах развития английского языка. На сегодняшний день кухня Великобритании очень разнообразна, что позволяет сделать вывод о значительном влиянии извне. Более того, не существует понятия «английская национальная кухня», за исключением отдельных блюд, зато очень широка география представленных здесь кулинарных традиций других стран. Сегодня в Великобритании процветают французская, итальянская, китайская, арабская, индийская и другие кухни, но так было не всегда. Подобная ситуация – это результат многочисленных контактов английской культуры с внешним миром, с культурами других стран, в том числе и с вышеперечисленными. Нашей целью было выявление взаимосвязи между культурными заимствованиями в сфере кулинарии и одновременным развитием английского языка, обогащением его словами иностранного происхождения, обозначающими названия блюд, продуктов, а также абстрактными понятиями, принадлежащими к ЛСГ «Food».

Список литературы

1. Collins Cobuild English Language Dictionary. Harper Collins Publishers, Lim, 1999. – 1703 p.
2. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford University Press, 2002. – 1538 p.
3. Roget's 21st Century Theaurus. – Dell Publishing, 1993. – 859 p.
4. Merriam Webster's Collegiate Dictionary. – Merriam-Webster, Inc., 2000. – 1557 p.

© Дамман Е.А., 2024

Киселева Я.Н.
ассистент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

Фаткуллина Ф.Г.
д-р филол. наук, профессор УУНиТ,
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНИИ)

Научная статья посвящена историко-культурному наследию Японии и его влиянию на современное общество. В статье рассматривается формирование культурного наследия японцев на протяжении веков, особенности и значимость японской культуры, а также влияние этого наследия на повседневную жизнь современных японцев. Анализируются традиции, обычаи, искусство и ценности, которые составляют основу японской культуры. Результаты исследования могут помочь лучше понять сущность и значение историко-культурного наследия Японии и его роли в современном мире.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, влияние наследия, японская культура, традиции, обычаи, искусство, ценности, роль в мире.

Методика исследования:

Литературный обзор: провести обзор научных работ, статей, книг по истории и культуре Японии, выявить основные темы и аспекты историко-культурного наследия страны.

Исторический анализ: изучить исторические аспекты формирования культурного наследия Японии, выявить ключевые этапы и события, которые повлияли на развитие японской культуры.

Культурный анализ: проанализировать особенности и значимость различных аспектов японской культуры, включая искусство, традиции, обычаи, религию, ценности.

Эмпирическое исследование: провести интервью с представителями японского общества, чтобы выявить их отношение к историко-культурному наследию, понять, насколько сильно оно влияет на их поведение и мировоззрение.

Сравнительный анализ: провести сравнительный анализ историко-культурного наследия Японии с культурным наследием других стран,

выявить сходства и различия, определить уникальные черты японской культуры.

Методика исследования включает в себя комплексный подход к изучению историко-культурного наследия Японии, который позволит получить глубокое и всестороннее понимание этой темы и выявить ее актуальность и значимость для современного мира.

Японское культурное наследие отражает уважение к природе, духовность и гармонию. Искусство японцев, такое как *икебана* いけばな, *чадо* 茶道, *каллиграфия* 書道, японская театральная драма *но* 日本の演劇 ドラマ No, садовое искусство *гаден-арт* ガーデンアート, символизируют стремление к красоте и гармонии. Традиционные японские ценности, такие как уважение к старшим, дух сотрудничества, стремление к совершенству, также прочно вкоренены в культуре народа.

Историко-культурное наследие Японии оказывает значительное влияние на современное общество. Традиции и ценности, унаследованные от предков, остаются важными для японцев и формируют их поведение, взгляды и отношения. Также японское искусство и ремесла находят свое отражение в современной культуре и искусстве, продолжая вдохновлять художников и мастеров.

Япония - это уникальная страна, которая поражает своей богатой историей и развитой цивилизацией одновременно. Её достоянием является самобытная культура, своеобразный ландшафт, особенный менталитет. Об особенностях Японии можно рассуждать часами, но хочется сделать акцент на историко-культурном наследии народов этой страны. В первую очередь рассмотрим её с точки зрения национальной самобытности. Государство славится своими великими народами, которые внесли огромный вклад в историю и развитие культуры. В японской истории известны такие роды, как Ямато 大和 (императорский), Гэмпэйтокицу *ганпейтокицу* ガンペイトキツ (четыре аристократический рода), Тоётоми *тоётоми* トヨトミ (новообразованный), Пэкче *пэкче* 百濟 и другие. Императорский род существует до сих пор и является самым древним представителем монархии, о нём упоминается в древних книгах, современной литературе, в нынешних развлекательных сериалах и даже в мультфильмах. Гэмпэйтокицу *ганпейтокицу* – это название четырех аристократических родов Японии (Минамото *минамото* 源, Тайра *тайра* タイラ, Татибана *татибана* 橘, Фудзивара *фудзивара* 藤原). Данный род образовался от императорской семьи, основателями являлись сыновья императора, которые не смогли унаследовать престол. Каждый из родов имел свой герб и свои особенности, они вели, непрекращающиеся междоусобицы за влияние. Тоётоми *тоётоми* トヨト

≡ – род, который происходил из малоизвестной семьи самураев, но оказал огромное влияние на историю Японии. Называется новообразованным, по причине того, что император сам дал название роду, а значит утвердил его существование. Каждый из этих родов оказал огромное влияние на существующее ныне государство и не упомянуть их было бы сильным упущением с нашей стороны. Нелишним будет упомянуть о древнейшем роде Японии – Айны アイヌ. Нынешние японцы не являются коренным населением Японии, более десяти тысяч лет назад на их землях жил народ под названием Айны アイヌ. Они жили также на землях России и не имели собственного государства. Айны アイヌ или Аину アイヌ переводится как «настоящий человек». Демографическая статистика Айнов сильно запутана. Многие авторы констатируют, что точных данных нет. Оценки численности чаще всего колеблются от 6 – 7 тыс. до 16 – 20 тыс. человек. В последние годы появились и более оптимистические оценки – 24 тыс. и даже 40 – 50 тыс. Некоторые авторы, приводя статистику айнского населения острова, подчеркивают исключительно малую долю людей чисто айнского происхождения: от 200 до 1000 человек. Айны アイヌ имеют свои национальные особенности, уникальную культуру и традиции, своеобразную внешность и характер поведения. Всё это удивительным образом отличается от характеристики обычного японского народа. Их внешность более близка к европейской, нежели азиатской, их можно отличить по высокому росту, большому носу, светлой коже и густому волосяному покрову. У женщин-айнов была ещё более своеобразная внешность. Они, как и многие современные девушки являлись суеверными и их странной, но священной традицией считались татуировки вокруг рта в виде «улыбки до ушей». Если женщины того времени нарушали этот обычай, считалось, что они никогда не выйдут замуж и не обретут покой после смерти. Хочется упомянуть, что язык айнов – ещё более необычное, исчезающее явление. Этот язык считается изолированным, он моносиллабический 単音節, с элементами агглютинации 凝集の要素を持つ. В нём весьма развита система суффиксов и префиксов. В фонетическом отношении следует обратить внимание на обилие гласных, закономерности чередования их с согласными и особую звучность, музыкальность тона. В этом смысле он резко отличается от типично северных – палеоазиатских 古亜科, но близок к японскому. Тем не менее в звучании и сочетании звуков есть столь серьезные различия между японским и айнским, что японцы с большим трудом осваивают айнскую фонетику. Так мы делаем вывод, что айны не похожи на существующие ныне народы Евразии, а их язык в корне отличается от других языков, в том числе и японского, более того, они

существуют уже более десяти тысяч лет. Это мысль приводит нас к тому, что айны являются самым древним народом, населяющим нашу планету, пережившим египтян и римлян. Также известно, что они приспособились к любым погодным условиям и географическим особенностям. Существует три ключевых теории о происхождении айнов. Многие ученые заявляют, что род относится к европеоидной расе, распространённой на Северном Кавказе и Грузии. Остальные же считают, что айны пришли с юга, а именно с Гавайи, Курилы и Индостана. Бытует мнение о том, что род связан также с северными народами, населяющими Северную и Восточную Сибирь. Но ни одна из версий не подтверждена исчерпывающими фактами. Резко противоречат друг другу, теории их происхождения образовали чрезвычайно сложный клубок, который носит название «айнская проблема». Проблема сводится к существованию у айнов сложного, многослойного и противоречивого комплекса антропологических, этнических и социально-культурных черт. Стоит упомянуть, что айны довольно долго были изолированы от остального общества, что способствовало их мутации. Особенности их происхождения, отличительная внешность и своеобразный язык – результат эволюции в условиях так называемого закрытого государства. Иными словами, айны не заимствовали от кого-то свою уникальную культуру и традиции, а обрели их самостоятельно. Этот род также получил отдельное место в классификации рас, айнский род имеет название «айнская раса アイヌ民族». К несчастью, род, который существовал больше чем весь цивилизованный мир, практически исчез. Этому способствовал захват японцами айнского рода при окончании эпохи дзёмон. Эпоха дзёмон ассоциируется с абсолютной властью айнов на островах Японии. Всё это время род занимался только скотоводством и сельским хозяйством, а их культура оставалась неизменной. В то же время древние японцы начали расширять свои территории, тогда айнскому роду и пришлось переселяться на Курильские острова и Приморье. Но ожесточенная и долгая война начинается только после того, как Япония становится цивилизованным государством. Естественным является то, что айнские силы против японской армии оказываются бессильны, это и приводит в свою очередь к быстрому сокращению их численности, и потере уникальной культуры и самобытности. Если же говорить о взаимоотношениях других стран с айнским родом, то в этом случае всё сложилось куда более лучше. Многие айны, проживавшие на территории нынешней России, смогли найти общий язык с нацией и культурой. В 21 веке этническое меньшинство айну было признано коренным населением Японии. Закон, который вступил в силу в апреле 2008 года, узаконивал их статус и признавал их коренным населением малочисленных народов

Севера, Сибири и Дальнего Востока. Отмечено, что в последнее время наблюдается рост самосознания айнов. Целый ряд представителей айнского народа старается развивать традиционное мастерство предков, чтобы почтить их память, а за одно и расширять коммерческую деятельность, связанную с обслуживанием туристов. Ещё в конце 20 века произошли существенные изменения в жизни хоккайдских туземцев. Значительная часть их, консолидировавшись в рамках национальных общин, создала промысловые и промышленно-сбытовые кооперативы. Получаемый доход позволяет выделять суммы на общинные нужды, улучшение быта и культуры. Многие айны заняты самостоятельным бизнесом, сосредоточенным вокруг туристских мест. Существует конкуренция между японскими и айнскими кооперативами, но последние благодаря общинной взаимопомощи выдерживают её. Ныне на Хоккайдо 北海道 около 30% айнов являются членами ассоциации «Утари ウタリ». Нами дано далеко не полное описание истории айнского народа. К сожалению, невозможным является точно описать их внешность или язык, даже их численность не подтверждена точной цифрой. Зато у нас есть отличная возможность рассмотреть их традиционную культуру поближе.

Культурное наследие японского народа многогранно. Оно включает в себя язык айнов, который на данный момент является критически уязвимым, так как на Земле осталось около ста носителей этого языка. Также к культуре народа относят резьбу по дереву и изготовление различных предметов и украшений из природных материалов. Местные жители острова Хоккайдо 北海道 изготавливали керамическую посуду, которая имела 2 разные формы – остродонную и плоскодонную. Остродонные гончарные сосуды, замеченные в районе Сумиёси, около Хакодате 函館, были распространены на очень ограниченном пространстве - юго-западе острова, полуострове Осима 大島. С помощью лопатки либо створками ракушек на стенки вместилищ наносились точки и линии, подчиненные единой узорной схеме. Идентичные рисунки встречаются в зонах Тохоку 東北 и Канто 関東. Плоскодонные сосуды представлены продуктом самобытной культуры острова Хоккайдо. Вместилища этого типа встречаются как орнаментированные, так и неукрашенные. Притом если остродонные сосуды культуры Сумиёси 住吉 сопутствуют каменные орудия, то в местах пребывания плоскодонных тар встречаются каменные грузила, которые крепились к сетям. Это говорит том, что народонаселение Хоккайдо стало еще активнее, нежели раньше ловить рыбу в реках и морях. Для того чтобы сделать разноформатные сосуды, Айны アイヌ использовали местную глину, которая очень легко поддавалась обжигу,

однако уже в переходный период от верхнего дёмона к среднему люди стали смешивать с глиной растительные волокна. Так сосуды гораздо лучше держали свою форму и не деформировались, также этот способ предотвращал возникновение трещин. В инвентаре цивилизаций группы дзёмон сильный интерес представляют глиняные статуэтки. Первоначальные фигурки на Хоккайдо 北海道 были плоскими, как доска, и имели форму туловища, близкую к треугольнику. Руки как бы были отсечены мастером у плеч, а ноги - у бедер. Места обреза смазывались смолой. Только впоследствии стали мастерить фигурки с руками и ногами, однако очень короткими. Если говорить о территориальном распространении статуэток на острове, то большее количество было обнаружено в области Сангарского пролива и в прилегающих к нему районах. В восточном и центральном районах Хоккайдо 北海道 фигуры практически не встречаются. Среди найденных статуэток преобладают женские, их около 97 процентов. Мужские статуэтки являются исключительными.

Помимо глиняных предметов на острове были найдены могилы айнов, возраст самой древней такой могилы составляет 8 тысяч лет. Её раскопки происходили в районе восточного Кусиро 釧路 под раковинными кучами. Хоронили людей в такие могилы в согнутом положении (с поджатыми коленами), а голова была ориентирована на север. Днище могилы покрывали красной охрой. В прилегающей территории к городу Сидзунай 静内 в 1954 году было найдено кладбище с более чем 100 такими могилами. Раковинные кучи, под которыми были обнаружены могилы, тоже несли свою функцию. Люди считали, что необходимо возвращать богам вещи, которые пришли в негодность, тем самым как бы делая обмен на новые блага. Так покойников хоронили под кучами съеденных морских моллюсков, ведь даже они, по поверью древних айнов, возвращались к богам. В 1950 году в поселке Йоити 余市 была найдена пещера Фугоппэ フーゴッペ. Пещера оказалась высотой в 8 метров. В ней обнаружили раковинные кучи толщиной в 7 метров и десяток очагов, но что самое интересное – были найдены наскальные рисунки. Общее количество петроглифов на стенах этой пещеры достигает 2700 штук. Эту находку относят к позднему этапу хоккайдоской культуры эпидёмон, примерно 300-600 года до нашей эры. Это не единственный случай нахождения наскальных рисунков на Хоккайдо. Первый такое открытие датируется 1886 годом. В пещере Тэмия 手宮, недалеко от портового города Отару 小樽, также были обнаружены петроглифы. Существует версия, что очаги и наскальные рисунки находящиеся в Фугоппэ フーゴッペ, служили для

различных религиозных ритуалов. В обнаруженных сосудах были найдены кости, принадлежавшие животным, которые вероятно стали жертвоприношением для богов.

Религия занимает большую составную часть культуры айнов. Они поклонялись многим божествам, которые в свою очередь делились на «злых» и «добрых». Главные из «добрых божеств» айнов - это нубури камуи **ヌブリカムイ** (бог гор), атуи камуи **アトウイ-カムイ** (мор-ские боги), чуф камуи **チュフカムイ** (боги светил), цисе камуи **シセ-カムイ** (домашние боги), ундзи камуи **神威雲ニ** (божество очага), тусу камуи **カムイツス** (шаманские боги), койки камуи **カムイ-バンクス** (бог рыболовного и зверового промыслов), сикасма камуи **シカスマ・カムイ** (боги-хранители). Последних, подмечал он, безмерное множество. К злым же богам (духам) айны приписывали ояси **オヤシオ** (производящий болезни), вен ояси **温親石** (делающий человека сумасшедшим) и канна камуи **神井カンナ** (бога грома). Злобным жертвоприношений не делалось; айны разработали ряд процедур, чтобы отделяться от нечистой силы. Когда айн подозревал наступление вен ояси **温親石** (подобно лешему у русских, сманивающему путешественника с дороги, так что тот в конце концов гибнет), он произносил заклинание «Ханна кематезх куни ну ки» **ハンナ-ケマテズ-クニ-クニ**, «Перестань страшить меня ночью», и демон убежал. Кроме того, чтобы уберечься от злобных сил природы, айны обращались с мольбами о защите к добрым, которым предназначались особенные ритуалы. Любое из божеств айны идентифицировали с той или иной природной силой, определенным созданием или, наконец, с предметом. Таковыми выступали звери, птицы и рыбы, притом авторитетность божества не всегда зависела от его размеров, силы и реальной значимости в природе или в человеческой жизни. Правда, преимущественно большие животные, как правило, обожествлялись. Медведя именовали «горным богом», косатку - «божеством - убийцей китов», сивуча - «морским богом». В то же время почетом окружались достаточно небольшие существа, от которых человеку вроде бы никакого проку. Так, дятел (ципта цери **チプタ-チリ**), как считали, однажды научил айнов выдалбливать из дерева лодки. Ворон почитался в качестве «дяди» бога-медведя. А небольшая рыба форель могла выступать в качестве строгого кентрам камуи божества голода. Святыми могли являться и вещи, используемые в хозяйстве, быту, особенно дорогие, сопряженные с важными, памятными событиями в прошлом и настоящем: от лодок и оружия до очага и даже котла, в котором варится пища. Последняя, к слову,

тоже являлась предметом поклонения, и ее потребление требовало традиционного ритуала. Наконец, существовало понятие «камуи» カムイ как божественной, сверхъестественной, удивительной силы, которой одарены отдельные личности и предметы. Понять замысловатое слияние священного и будничного, рационального и ирреального и сверхъестественного, «дикого» и освоенного, природного и культурного можно, если пристально рассмотреть, что же обозначали айны термином «камуи» カムイ . Несомненно, в какой-то своей доле слово «камуи» близко по значению русским словам «бог», «божество», «дух». Притом третье преимущественно верно передает понятие в узком смысле. М. М. Добротворский, исследователь и этнограф, прямо указал на неоднозначность слова «камуи» カムイ в различных случаях. Так, в составных словах оно передает понятие бога: нубури камуи, ундзи камуи и т. д. Оно же означает крупную, авторитетную личность: сегуна 将軍, японского императора, русского начальника острова. Камуи カムイ - это также животное: яма камуи カムイ ピット (лесной зверь), атуи камуи アトウイ-カムイ (морской зверь). Наконец, так называли всякую непонятную вещь или силу. «Дайте айну посмотреть или послушать карманные часы, - отмечал М. М. Добротворский, и он скажет: «Камуи!» カムイ .

Также археологических памятниках Хоккайдо 北海道 находили янтарные бусы, а в могилах часто встречались бусы из зеленого стекла. Удивительно, но в северных районах острова украшения не были найдены. Вероятно, янтарь для изделий был привозным из Азиатского материка. Сегодня на острове Хоккайдо 北海道 зарегистрирован объект периода дэмон 鬼, он является наследием ЮНЕСКО. Объект представляет собой археологический памятник, состоящий из 17 сооружений на острове и префектурах Аомори 青森, Иватэ 岩手県 и Акита 秋田, включая раскопки крупнейшего поселения периода Дзёмон Саннай-Маруяма 三内丸山次郎 (город Аомори 青森), кромлех Оою cromlech 大湯 («Каменный круг Акиты», г. Кадзуно かつの).

В заключение можно добавить, что культурное наследие айнов является глубоко региональным и является ключевым культурным компонентом Хоккайдо 北海道, области, где проживают айны. Хотя многие из их традиций были потеряны, сегодня айны продолжают сохранять свою культуру и традиции вместе с усилиями от различных государственных и неправительственных организаций и сообществ.

Список литературы

1. Неверов С.В., Национальная культура и общение. – М., 1977. С. 216-218.
 2. Овчинников В.В., Ветка сакуры. – М., 1970. С. 44-46.
 3. Фаткуллина Ф.Г., Никагосян А.А. Теоретические проблемы изучения и классификации культурных кодов в современном языкознании // Вестник Башкирского университета. 2022. Том 27. № 3. С. 661-664.
 4. Фаткуллина Ф.Г. Стилистически маркированная лексика в публицистическом тексте // Материалы IX Международной научно-практической конференции (Уфа, 28 апреля 2023). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2023. С. 150-153.
 5. Хага Ясуси, Язык и национальный характер. – Токио, 1987. С.78-79.
 6. Khairullina Raisa Khanifovna, Fatkullina Fluza Gabdullinovna, So Qiang, Lin Ziyu . Taboo as a linguistic and cultural phenomenon // International Scientific Conference «Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism» 2020. pp.1969-1975 / https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10040/11850/article_10040_11850_pdf_100.pdf DOI: 10.15405/epsbs.2020.10.05.259
- © Киселева Я.Н., Фаткуллина Ф.Г., 2024

УДК 81-139

Нгуен Тхи Зиену Линь
аспирант РГПУ имени А.И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Россия

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ С ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ (ПРИ СОПОСТАВЛЕНИИ С ВЬЕТНАМСКИМИ ПОСЛОВИЦАМИ)

В данной статье рассматривается отражение национального культурного кода в русских пословицах с этнокультурным компонентом. Выявляются особенности языкового сознания обоих народов при сопоставлении с пословицами во вьетнамском языке. Подтверждается практическая значимость включения сравнительного анализа русских и вьетнамских пословиц в учебный процесс.

Ключевые слова: *русские и вьетнамские пословицы, этнокультурный компонент, национальный культурный код.*

В последнее время вопрос к сопоставительному языкознанию привлекает большое внимание не только исследователей-лингвистов, но и методистов. Согласно положениям лингвокультурологического подхода языково-культурные концепты рассматриваются как общие культурные образования, отражающие уникальные особенности определенной культуры [4].

Культурное восприятие мира, как подтверждает В.И. Телия, обычно отражено во внутренней форме языка [7]. Этнокультурный компонент в пословицах считается национальным культурным кодом, представляющего собой основу национального менталитета, который объединяет психологические и мировоззренческие установки, определяющие ценностно-смысловое пространство общества. Этот менталитет формирует ядро национальной культуры, синтезирующее разнообразие эмпирических проявлений культуры в единую системную целостность. Ценности или антиценности, отраженные в установках определенного общества, играют ключевую роль в этом процессе, направляя поведение и восприятие индивидов, а также формируя основу для общественного согласия и идентичности [5].

Взаимодействие между языком и культурой происходит в сознании, как указывают В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин, следовательно, сопоставление можно найти в любом лингвокультурологическом исследовании [1]. Тем не менее, нужно отметить, что наш материал в данной статье не просто связывается с сопоставлением языков, но и имеет методическую направленность. Пословицы можно вводить в учебный процесс для достижения общеобразовательных, воспитательных, развивающих и практических целей.

Анализ русских и вьетнамских пословиц с этнокультурным компонентом показывает, что в одинаковых социально-исторических условиях, а также при одинаковых условиях общественной деятельности и производительного труда одни и те же категории мышления, отраженные в пословицах одного народа, обязательно присутствуют и у другого народа. Тем не менее, они закодированы разными образами. Мы начинаем с широко употребительных в русском языке пословиц. Хотя эти пословицы хорошо известны представителям русского языкового сознания, но представляют трудности для вьетнамской аудитории. Например, в пословицах упомянуты многие собственные русские имена. Каждое из них имеет свое значение, указывает на определенную характеристику человека, например, Кузенька – несчастливый и неудачливый человек (*горькому Кузеньке горькая и песенка* [2, 48]), Иван – дурак (*Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал* [3, 53]), Васька – независимый и упрямый характер (*А Васька слушает, да ест* [6, 32]). Среди приведенных примеров, обратим внимание на пословицу

a Васька слушает, да ест. Имя *Васька* используется как образец человека, который не придает значения советам и наставлениям других людей, а продолжает делать то, что считает нужным. Это выражение подчеркивает определенный независимый и упрямый характер, присущий многим русским. Во вьетнамском же языке есть пословица *Dù ai nói ngả nói nghiêng, lòng ta vẫn vững như kiềng ba chân* (букв.: *Неважно, что говорят, наш разум остается стойким как треножник*). Здесь используется образ кухонной утвари с тремя прочными ножками – треножник для подчеркивания непоколебимости и устойчивого характера человека, т.е. последний в любом случае всегда сохраняет уверенность в себе и решимость в достижении поставленных целей, не поддаваясь влиянию внешних факторов. Так, при сопоставлении русской и вьетнамской пословиц очевидно, что в русской пословице имя собственное отражает отрицательный характер человека. В отличие от русской пословицы вьетнамская пословица использует бытовой предмет для отражения положительного характера.

На наш взгляд, отражение национального культурного кода в русских пословицах с этнокультурным компонентом разнообразно. Действительно, во вьетнамско-русских пословицах, как и у других народов, мы часто встречаем цифру «семь», которая, вероятно, является важным изобретением в науке. Число «семь» встречается в целом ряде русских пословиц: *семь раз примерь, один раз отрежь!* [3, 161] / *за семь вёрст киселя хлебать* / *семь топоров вместе лежат, а две прялки врознь* [2, 307] / *у семи нянек дитя без глазу* [2, 217] / *быть на седьмом небе от счастья* и т.д. В русской культуре число «семь» укоренено в глубоких религиозных убеждениях. Устойчивые выражения, такие как "попасть на седьмое небо", отражают эту веру. Согласно русской традиции, небеса состоят из семи уровней, и самый высокий из них, самый близкий к Богу, называется седьмым небом. Этот образ стал символом радости, блаженства или чего-то особенно приятного в русском культурном контексте. При сопоставлении с вьетнамской культурой число «семь» часто занимает особое положение в повседневной жизни, например, идеальная разница в возрасте между женщиной и девушкой при вступлении в брак «делится пополам плюс семь». Вместе с числом «семь» в пословицах часто встречается число «пять». Оба они отражают специфику в браке в феодальном обществе во Вьетнаме – полигамию (*Ba vợ, bảy nàng hầu* (букв.: *Три жены, семь раб*) [8, 35] / *Năm thê, bảy thiếp* (букв.: *пять жён, семь младших жён*). Можно отметить, что в русском и во вьетнамском языках числа «пять» и «семь» всё ещё несут символическое значение.

Национальный культурный код, который выявлен в пословицах, не только отражает социально-бытовую сферу, но и социально-культурную. В пословицах появляются многие праздники, такие как:

- Юрьев день (9 декабря или по старому календарю – 26 ноября). Только в этот день крестьянам разрешено было перемещаться на другие земли помещиков. Пословица *вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* [3, 73] отразила первый этап «крестьянского выхода».

- Петров день (29 июля). В этот день начинается охотничий сезон на Руси, поэтому с этого времени кулик больше не живёт в безопасности. Пословица *далеко кулику до Петрова дня* [3, 350] говорит о том, что когда перед вами еще много работы или предстоит приложить много усилий, не стоит радоваться успеху заранее.

- Ильин день (2 августа или по старому календарю – 20 июля). Этот праздник отмечается в честь святого Ильи, которого первым стали почитать на Руси. Пословица *кто в пяток перед Ильиным днем постится, вечныя муки избавлен будет* [2, 36] выражает веру православных христиан.

Отражение национального культурного кода в пословицах еще обнаружено в социально-трудовой сфере. Приводим русскую пословицу *артельный (общий) горшок гуще кипит*. На Руси артель была формой коллективной работы, особенно распространённой в сельской местности. Это была группа крестьян, объединённых для совместного выполнения определённых работ, таких как уборка урожая, строительство домов, или других тяжёлых задач. Эта пословица указывает на то, что когда люди работают вместе или делят общие интересы, они могут достигать больших результатов, чем каждый из них по отдельности. Для выражения такого же значения во вьетнамском языке говорят *thượn bè thượn bạn tát cạn biển Đông* (букв.: *единодушный коллектив осушит Восточное море*). При сопоставлении двух пословиц выявлена их разница в использовании образов. Подробно, *артельный горшок* >< *единодушный коллектив, гуще кипит* >< *осушит Восточное море*.

Как мы уже отметили в начале, выявление национального кода в русских и вьетнамских пословицах, а также указание различия в русском и вьетнамском языковом сознании имеет важную роль в обучении РКИ с точки зрения методического зрения. Полученные результаты после сопоставления способствуют формированию фоновых знаний у вьетнамских студентов.

Из вышесказанного следует, что национальный культурный код ясно и четко отражается в пословицах с этнокультурным компонентом в разнообразных сферах. Включение сравнительного анализа русских и вьетнамских пословиц в учебный процесс приобретает практическую значимость во вьетнамской аудитории. Выявление национального культурного кода в русских и вьетнамских пословицах с этнокультурным компонентом помогает студентам глубже понять культуру изучаемого языка, а также способствует всестороннему изучению особенностей народной культуры.

Список литературы

1. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С.12.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Художественная литература, 1989. – Т. 1. – 433 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Художественная литература, 1989. – Т. 2. – 449 с.
4. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность. – М.: Гнозис, 2005. – С. 29.
5. Крысько В.Г., Иванников С., Волков Г. Этнопсихологический словарь. – М.: МПСИ, 1999. – 343 с.
6. Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) / М.И. Михельсон. – [Факс. изд.] – Москва: Терра, 1997. – 598 с.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 16.
8. Nguyen Lan. Tu dien thanh ngu va tuc ngu Viet Nam / Nguyen Lan. – Ha Noi: Nha xuat ban van hoc, 2015. – 528tr.
(Нгуен Лан. Словарь вьетнамских пословиц и поговорок / Нгуен Лан. – Ханой: Издательство литературы, 2015. – 528 с.)

© Нгуен Тхи Зиеу Линь, 2024

УДК 80

Хайдарова С.М.
аспирант УУНУТ,
г. Уфа, Россия

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

В статье рассматривается заимствование как фактор культурной динамики. Заимствование лексических единиц является наиболее ярким примером культурного трансфера, предполагающего процесс переноса информации, опыта и знаний между разными сообществами, профессиональными группами и дискурсами. Конкретные заимствованные единицы позволяют проанализировать явление культурной динамики и особенности культурно-языкового трансфера.

Ключевые слова: культурная динамика, заимствование, заимствованная лексика, языковая адаптация, культурно-языковой трансфер.

Заимствование является одним из ключевых факторов культурной динамики. Обращаясь к явлению лексического заимствования с лингвокультурологической точки зрения, становится очевидным, что культурный контекст обуславливает лингвистические процессы, происходящие в языке. Обратимся к понятию «культурная динамика». Согласно «Большому толковому словарю по культурологии» культурная динамика представляет собой «целостный, упорядоченный процесс, имеющий направленный характер, а также культурные изменения, которые происходят в культуре, в обществе, в жизни людей и во взаимодействии различных культур, выражаются понятием «динамика» [1, 128]. Понятие культурной динамики не следует путать с понятием «культурные изменения», которые предполагают любые трансформации в культуре. Изменение – это взаимодействие, движение, существует несколько типов культурных изменений: обогащение культуры, культурный застой, культурный упадок, культурный кризис [9; 10]. Рассмотрим понятие «обогащение культуры». Обогащение культуры – это процесс, который предполагает улучшение и развитие культурного наследия, что, в свою очередь, стимулирует интеллектуальное и эмоциональное развитие общества. Обогащение культуры осуществляется по следующим траекториям: сохранение и защита культурного наследия, развитие культурного образования, поддержка и развитие искусства, межкультурное взаимодействие.

Культура является «живым организмом», который постоянно эволюционирует и претерпевает изменения под воздействием различных факторов, в том числе контактов с другими культурами. Культурная память становится не только «хранилищем» [3, 25; 6] информации о культурных объектах, а динамичным явлением, характеризующим сложные процессы культурного трансфера. Заимствование лексических единиц является наиболее ярким примером культурного трансфера, предполагающего процесс переноса информации, опыта и знаний между разными сообществами, профессиональными группами и дискурсами [7, 154]. Л.П. Крысин называет заимствованием «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой» [2, 86]. Заимствование лексики обогащает не только словарный состав принимающего языка (способы адаптации заимствованных слов, наименование специфических понятий и явлений и др.), но и культуру в целом, формируя мультикультурное пространство и сохраняя и увеличивая ценность культурного наследия.

Тематическое рассмотрение лексических заимствований позволяет выявить особенности таких слов, способы и характер заимствования, а также определить место языковых единиц в лексико-семантической системе

русского языка. Исследователь Ф.П. Филин отмечает, что восточные слова, тюркизмы пополняют словарный состав современного русского языка (различные тематические разряды) достаточно интенсивно, в количественном отношении уступая только европейским заимствованиям. [8, 26-27]. Языковед Е.В. Опельбаум отмечает, что тематическая классификация слов позволяет проследить характер, особенности и сферу употребления заимствованных слов, количественное отношение иноязычных элементов в данной тематической группе, а также детально рассмотреть способ и источник заимствования. [4, 228]. Анализируя тематические группы заимствованных слов тюркского или арабского происхождения, мы обнаруживаем, что лексические единицы группы слов «Орудия труда, инструменты» значительно отражают культурную динамику. Орудия труда, инструменты являются неотъемлемой частью человеческой культуры, характеризуют технический прогресс, подчеркивают культурные ценности, а межкультурная коммуникация «высвечивает» трансфер этих ценностей. Особый интерес представляет структурно-семантический анализ заимствований, выявляющий способы адаптации и русификации иноязычных слов, а также фонетических, грамматических и семантических изменений. Рассмотрим с историко-этимологической точки зрения некоторые заимствованные слова данной тематической группы, обращаясь к этимологическому словарю М. Фасмера [5].

Карандаш. Слово заимствуется из тюркских языков примерно в XV веке, изначально имело форму «карадаш», обозначало «графит», слово является результатом сложения двух основ: «кара» («черный») и «даш» («камень»), стоит отметить, что в татарском и башкирском языках имеется слово «таш» – «камень». Отсюда возникло слово, означающее «черный камень» — графит.

Кинжал. Наименование колющего холодного клинкового оружия имеет тюркское происхождение: в турецком и крымско-татарском языках «ханжәг» – «кривой кинжал», в азербайджанском языке слово «xandžar» с тем же значением. В современном татарском языке изменилось звуковое оформление слова «кинжал» – «хәнжәр».

Кирка. Инструмент для добычи горных пород – кирка. Слово имеет тюркское происхождение: в турецком языке «küräk» имеет значение «лопата».

Аркан. Веревка с петлёй на конце – аркан. Слово проникает в русский язык посредством татарского, где имеет перевод «канат, веревка». Происходило заимствование приблизительно в XVII в.: в древнетюркском языке слово «ar» имело перевод «вить, плести», а аркан буквально обозначало «сплетенная веревка». В современном татарском языке слово «үрү» означает «сплести, плести».

Колчан. Особый футляр, сумка для ношения стрел или другого метательного оружия – колчан. Слово имеет тюркские корни: в тюркско-монгольском глагол «куьл» обозначает «привязывать что-то к седлу», в татарском же языке это слово имеет значение «кожаный мешок»; отсюда появилось в русском языке слово «куль».

Таким образом, с появлением новых технологий и изобретений орудия труда и инструменты постоянно совершенствовались и модернизировались, что отразилось на повышении производительности труда и улучшении качества жизни. Орудия труда и инструменты отражают культурные ценности и традиции общества, так, мы рассмотрели наименования орудий, характеризующих культуру восточных стран; данные наименования являются частью национальной идентичности и культурного наследия. Этимологический анализ данных лексических единиц, объединенных тематикой, позволяет проследить явление культурно-языкового трансфера, предполагающего перенос культурных знаний, понятий из культуры данной в культуру принимающую. Культурная память становится не только «хранилищем» информации о культурных объектах, а динамичным явлением, характеризующим сложные процессы культурного трансфера.

Список литературы

1. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. – М.: Вече: АСТ, 2003. – 510 с.
2. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
3. Лобачева, Д.В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий /Д.В. Лобачева – Вестник Томского государственного педагогического университета, 2010. – С. 23-27.
4. Опельбаум Е.В. Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. – Киев: Наукова думка, 1971. – 271 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. Ок. 4500 слов. – М.: Астрель, 2003. – 864 с.
6. Фаткуллина Ф.Г. Сопоставительная лингвокультурология: учебное пособие / Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – 104 с
7. Фещенко В.В. Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. – М.: Культурная революция, 2016. – 500 с.
8. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1982. – 336 с.
9. Хайдарова С.М., Фаткуллина Ф.Г. Гастрономическая лексика арабского происхождения в современном русском языке // Материалы IX Международной научно-практической конференции (Уфа, 28 апреля 2023). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2023. С. 153-158/
10. Хайдарова С.М. Фаткуллина Ф.Г. Лексика арабского происхождения в публицистических текстах / Теоретические и

практические проблемы развития современной гуманитарной науки /
Материалы VIII Международной научно-практической конференции (Уфа,
29 апреля 2022). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2022.

© Хайдарова С.М., 20024

УДК 81'39

Чжао Юаньцзэ

*старший преподаватель Ганнаньского педагогического университета
г. Ганьчжоу, Китай*

Кудинова Г.Ф.

*д-р филол. наук, профессор БГПУ им. М. Акмуллы,
г. Уфа, Россия*

КОНЦЕПТОСФЕРА СЕМЬЯ / 家 В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье рассматриваются результаты комплексного сопоставительного исследования концептосферы СЕМЬЯ / 家 в русской и китайской лингвокультурах. Следует отметить, что исследование концептосферы СЕМЬЯ / 家 в разных этнокультурах позволяет представить систему ценностей человека относительно семьи, изучи Т Ъ культурные доминанты поведения, свойственные представителям отдельных этносов, и, как следствие, гармонизировать межкультурную коммуникацию.

Ключевые слова: семья, концепт, концептосфера, лингвокультура, русский язык, китайский язык.

Знание и понимание концептуальной картины мира какого-либо народа способствует успешной с ним коммуникации. Концептуальная картина мира отражает стандарты оценки и интерпретирует реальные жизненные явления. Эти стандарты фиксируются в различных языковых конструкциях, которые, в свою очередь, формируют определенную языковую картину мира.

Семья – важная часть картины мира любого народа. И для носителей русской и китайской лингвокультур концептосфера СЕМЬЯ / 家 также является актуальным стержневым элементом национального языкового сознания. Эта концептосфера имеет обширное номинативное поле, репрезентированное лексическими и паремиологическими единицами. Согласно проведённому нами анализу, в концептосфере СЕМЬЯ / 家 есть универсальные и национально-специфические характеристики,

опирающиеся на культурно-исторические традиции, установки и ценности разных народов. Общими концептуальными признаками концептосферы СЕМЬЯ / 家 в русской и китайской лингвокультурах являются такие, как родство (кровное и духовное), защита, сплоченность, любовь и уважение друг к другу, наличие детей. Ряд универсальных ценностей и стереотипных представлений о семье отличается в рассматриваемых культурах в количественном и качественном отношении.

По результатам проведенных нами ассоциативных экспериментов главное место в структуре исследуемой концептосферы для современных китайцев занимает ощущение понимания и душевного комфорта, которое дает семья (家就是永远让你觉得安全与安心的地方 «*семья – место, где ты чувствуешь себя в безопасности и спокойствии*»). Ассоциации, выявленные у представителей китайской культуры, указывают на их скромность и стремление к гармонии и равновесию, что является сложной задачей в реальной жизни (家一个心安的地方 «*семья — это место, где сердцу спокойно*»). Выделение категорий гармонии, гуманизма объясняется идеями конфуцианства, играющего важную роль в китайской культуре. В китайском обществе подчеркивается значимость традиционных семейных ценностей. В данной культуре под семьей подразумевается более широкий семейный клан, прослеживается возрастная иерархия (культ старших) и четкое разделение родственников по внутренней (мужа) и внешней (жены) линиям, отождествление «семьи» и «государства».

Для современных носителей русского языка наиболее важными элементами концептосферы СЕМЬЯ / 家 являются понятия *любовь* и *понимание*. Например, *любовь* в качестве основной ассоциации указали 63 респондента из 100 участников эксперимента, тогда как среди китайских респондентов *любовь* отметили только 20 носителей. Однако такие понятия, как *счастье*, *радость*, *веселье*, связывают с образом семьи примерно одинаковое количество русских и китайцев [2, 120].

Человек существует в микросоциуме и макросоциуме: эти «подструктуры» требуют сложного гармоничного соединения. Мы видим, что в ассоциативном поле представителей китайской культуры категории рода, долга превалируют над эмоциональными индивидуальными переживаниями и поглощаются понятиями страны и нации. В нашем эксперименте русские респонденты совсем не связывали концептосферу СЕМЬЯ с элементами, представляющими макросоциум. Очевидно, для носителей русского языка микросоциум семьи существует отдельно от макросоциума и мало с ним взаимодействует.

В целом, несмотря на несколько ярких различий в ассоциативных связях с концептосферой СЕМЬЯ / 家 носителей русского и китайского языков, большая часть элементов совпала. Это демонстрирует определенное сходство русской и китайской лингвокультур в представлениях о семье.

Семья считается основной единицей общества и воспринимается как место, где люди находят поддержку и любовь. В обеих культурах ценятся такие семейные ценности, как уважение к старшим и забота о близких.

Национально-специфические характеристики концептосферы СЕМЬЯ /家 наблюдаются в сложной, открытой системе концептов, вербализованных терминами родства и отражающих стереотипизированные образы членов семьи, структуру семьи и общую родственную организацию в русском и китайском социумах. Наблюдаемые различия обусловлены глубокими культурными традициями, религиозными и философскими взглядами на мир.

В настоящее время в русском языке многие термины, относящиеся к родственным отношениям, постепенно уходят из употребления, и в большинстве случаев при описании концептосферы СЕМЬЯ / 家 используется только 14 слов-терминов родства (*мать, отец, брат, сестра, муж, жена, сын, дочь, бабушка, дедушка, дядя, тётя, родители, дети*). Носителям русского языка эти термины доступны и понятны. Эти лексические единицы относятся к ядерной зоне концептосферы СЕМЬЯ / 家 в русском языковом сознании. Они широко распространены среди носителей русского языка с детства, часто используются в различных дискурсах, особенно в обиходно-разговорном, обладают эмоциональной значимостью и способны вызывать схожие мысленные образы у говорящих на русском языке.

В современном китайском языке также происходят изменения, происходящие в функционировании терминов родства: 10 терминов в китайском языке имеют простую структуру: 父 (отец), 母 (мать), 兄 (старший брат), 弟 (младший брат), 姐 (старшая сестра), 妹 (младшая сестра), 子 (сын), 女 (дочь), 侄 (племянник), 孙 (внук); а остальные в абсолютном большинстве являются структурно сложными, состоят из элементарного термина и одного или нескольких детерминативов. Такие детерминативы могут обозначать восходящую или нисходящую линию родства, линию отца или матери, пол, возраст и др. Например: 外祖母 (бабушка по матери), 姑祖母 (сестра деда), 堂甥 (сын двоюродной сестры) (по линии отца), 表甥女 (дочь двоюродной сестры) (по линии матери) и др. [4, 74]. В китайской культурной традиции система родственных отношений демонстрирует глубоко укоренившиеся социокультурные нормы и ценности. Одной из выразительных особенностей этой системы является разграничение родственников по мужским и женским линиям, что отражает патриархальную структуру общества. В частности, при обозначении родственников по женской линии применяется иероглиф 外, который интерпретируется как «внешний» или «чужой». Это отражает концепцию, что женщина после замужества переходит в другую семью и становится ее частью. Примеры этого разграничения включают в себя термины: сын брата

обозначается как 侄子, в то время как сын сестры – как 外甥. Внук по линии сына называется 孙子, тогда как внук по линии дочери – 外孙子. Это различие в терминологии подчеркивает социолингвистическую специфику китайского языка и отражает генеалогическую иерархию в контексте семейных связей.

Таким образом, мы видим, что в русской лингвокультуре в современных номинациях, связанных с семьей, наблюдается упрощение терминологии, особенно на уровне разветвленных родственных отношений. В китайском социуме наблюдается тенденция к стиранию возрастных различий среди молодежи, когда «родственники нисходящих поколений не дифференцируются по признаку относительного возраста» [4, 79]. Все это свидетельствует о социокультурных изменениях и эволюции в обществе.

Многое дает для понимания структуры и содержания концептосферы СЕМЬЯ / 家 лингвокультурологический анализ паремий китайского и русского языков. Паремии, репрезентирующие данную концептосферу, являются довольно объемной группой и в русском, и в китайском языках, поскольку семья является культурно значимым фрагментом картины мира в обеих культурах (методом выборки из разных лексикографических источников мы отобрали и проанализировали 277 русских и 209 китайских пословиц, посвящённых тематике семьи). Анализ показал, что в русском и китайском языках можно найти много общего в подобных паремиях, что еще раз доказывает, что семья и семейные отношения – базовая ценность для всех народов. Например, пословицы обоих языков подчеркивают важность воспитания детей, в них отмечается, что именно от родителей зависит будущее детей, то, какими людьми они станут, как будут относиться к своим родителям, учителям, родной стране: «Добрая семья прибавит ума»; «Родительское слово мимо не молвится»; «Родители трудолюбивы, и дети неленивы» [1]; «杂草铲除要趁早, 孩儿教育要从小» (Сорняки нужно выдёргивать как можно раньше, а детей воспитывать с самого раннего возраста) [3] и др.

Дополнительные признаки концептосферы СЕМЬЯ / 家, обладающие национально-культурным своеобразием, возникают вследствие влияния исторических и социокультурных особенностей этносов. Например, принципы конфуцианского поведения выдвигают на первое место уважение к старшим, признание их авторитета и подчинение (永言孝恩, 天经地义 «вечно помнить о долге к родителям – это закон неба и принцип земли») [3]. Культ предков в Китае приобретает широкое социальное значение, напротив, в современной русской культуре прослеживается культ детей. Можно сказать, русская и китайская культуры демонстрируют различные подходы к организации семейных отношений и распределению ролей внутри семьи.

Таким образом, концептосфера СЕМЬЯ /家 представляя собой сложно организованное ментальное образование, включающее ряд концептов, в русской и китайской лингвокультурах имеет универсальные характеристики, обусловленные совпадающими данными о социальном статусе, общественных функциях и значимости данного феномена в социуме, и отличительные признаки, связанные с культурными традициями и обычаями. Несомненно, анализ особенностей ключевой концептосферы двух этнических групп позволяет глубже понять культуру двух народов, достичь эффективного межкультурного диалога

Список литературы

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 2005. – 266 с.
2. Кудинова Г.Ф., Юаньцзе Ч. Ассоциативное поле семья / 家 в русской и китайской лингвокультурах // Система непрерывного филологического образования: школа – колледж – вуз: сборник научных трудов по материалам XXIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Уфа, 19-20 апреля 2023 г.). – Уфа: Издательство БГПУ им.М. Акмуллы, 2023. – С. 119-124.
3. Словарь китайских пословиц / под ред. Чжоу Цзинци. – Пекин: Шану, 2006. – 593 с.
4. Цюй Юян. Лингвистический анализ китайских терминов родства // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2016. – № 4. – С. 72-81.

© Чжао Юаньцзэ, Кудинова Г.Ф., 2024

УДК 811

Мифтахова Р.Г.

канд. филол. наук, доцент УУНУТ,
г. Уфа, Россия

**ПОДГОТОВКА ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ
АНАЛИЗА: КЛАССИФИКАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕКСТА**

Для эффективной обработки текста необходим большой объем корректно отобранных данных. Юридические документы часто имеют сложное оформление с множеством различных заголовков, верхних и нижних колонтитулов, боковых заметок и т. д. Важно корректно извлечь эти отдельные компоненты из правового документа, например, подписанного PDF. Один из распространенных методов решения этой задачи заключается в классификации каждой области или абзаца страницы по его геометрическим и текстологическим признакам. Такой подход хорошо работает, когда обучающие и тестовые данные имеют сходную структуру, и когда все документы в коллекции, которую необходимо проанализировать, имеют достаточно однородное оформление. Использование общих свойств страницы позволяет точнее классифицировать текстовые элементы: сначала классифицируется каждая страница в один из трех типов макета. Затем классификатор обучается для каждого из трех типов страниц, улучшая тем самым точность на основе ручной аннотации. Для исследования были отобраны 70 юридических документов, состоящих из 20 938 текстовых элементов. Для обнаружения макета страницы был применен метод, применяемый в стандартной реализации классификатора изображений. Представленный метод является нейтральным.

Ключевые слова: *юридические документы, распознавание геометрии областей страницы, распознавание объектов и текста, классификация, машинное обучение, распознавание изображений.*

Многие документы доступны только в формате PDF. Это относится и к юридическим документам, когда распространяется и архивируется только один точный экземпляр с оформлением и подписями. Извлечение текста из юридического документа бывает затруднительным, поскольку, например, контракты часто имеют сложную структуру с перечнями, сносками, боковыми заметками, множеством колонок, заголовками, нижними колонтитулами и т. д. Кроме того, контракты часто состоят из нескольких частей, таких как титульный лист, страница с подписью, описание проекта,

условия обслуживания и т. д., каждая из которых может иметь совершенно различное оформление.

Для извлечения текста из PDF в данном исследовании авторы предлагают определить символы, затем области с близко расположенными символами - слова и, наконец, области с плотно насыщенным текстом (Рис.1). Такой подход также может быть использован для документов, в которых количество колонок на каждой странице неизвестно и может отличаться на разных страницах. Улучшенное извлечение текста позволяет эффективнее обрабатывать большие наборы документов, так как уменьшается количество ошибок. Например, тексты, расположенные в верхнем и нижнем колонтитулах, могут быть исключены, а не включены в состав предложения, вторая часть которого на другой странице; тексты из разных колонок могут быть корректно упорядочены, а по идентификации заголовков текст можно разделить на главы и разделы.

Анализ юридических документов часто начинается с обширной предварительной обработки, за которой следует комплексная очистка текстов. Учеными были испробованы различные подходы для извлечения текстов из PDF-файлов и для распознавания структуры документов. [1] извлекали текстовые элементы из PDF-файлов для анализа структуры китайских книг, доступных в формате PDF. Однако, поскольку данные взяты из книг, можно предположить, что все страницы имеют одинаковый макет, то есть количество колонок и расположение заголовков согласованы на всех страницах книги. Авторы разделили логическую структуру на уровне страницы и на уровне документа.

Уровень страницы включает иерархическое расположение текстовых элементов, таких как заголовки, рисунки, таблицы и сноски. Уровень документа включает структуру глав, метаданные автора и заголовки книги. Для извлечения логической структуры на уровне страницы текст и отдельные буквы распознавались в этих текстовых блоках для получения дополнительных признаков, таких как жирный шрифт для заголовков. Авторы получили очень хорошие результаты. Все классы, такие как заголовки и нижний колонтитул, шрифт заголовков и т. д., идентифицировались с точностью более 90%, наименьший показатель у шрифта заголовков составляет 87,94%. Авторы использовали свой метод на 1000-х книг. [2] используют анализ макета для улучшения определения границ предложений в финансовых отчетах. Они используют анализ макета для фильтрации таблиц, поскольку они не помогают определять границы предложений. Они пытаются выделять содержимое документа от другой информации.

Непрерывные текстовые блоки на странице документа не обязательно извлекаются в виде единого блока, поэтому есть работы, которые занимаются объединением смежных текстовых областей из извлеченных PDF-файлов, например [3]. Авторы разработали трехэтапную процедуру для

этой цели. На первом этапе смежные текстовые блоки должны быть идентифицированы на основе макета. На следующем этапе выполняется классификация текстовых блоков на основе правил и категорий, и на третьем этапе эти классифицированные текстовые блоки должны быть суммированы в правильном порядке. В конце концов, текст может быть извлечен из суммированных текстовых блоков. При простом извлечении текста из PDF-файлов текст также извлекается из заголовка и нижнего колонтитула, таких как номер страницы или имя создателя контракта в заголовке. Однако эти компоненты документа являются помехой для анализа содержания контракта и сравнения версий документов. Для обнаружения заголовков и нижних колонтитулов [4] использовал подход на основе макета. Этот подход основан на использовании геометрических координат. Кроме того, авторы используют появление цифр как индикатор текстового элемента в заголовке или нижнем колонтитуле, а также длину текста как дополнительную функцию.

Методы анализа визуальной, физической и логической структуры PDF-файлов часто разрабатываются для научных статей, а также для газет. В некоторых документах техническая документация преобразуется в XML-структуру из PDF-документа. Юридические документы до сих пор не были широко использованы при извлечении и анализе. Некоторые исследовательские проекты в этой области описаны в работах [5], которая идентифицирует структуры аргументации в судебных процессах, а методы, представленные в [6] позволяют классифицировать и автоматически резюмировать юридические тексты. Для удаления текстов, происходящих из заголовков и нижних колонтитулов, [7] используют признаки, которые определяются на основе соседних страниц. Как только кандидаты на текстовую строку превышают порог одинаковых символов и соответствуют минимальному количеству вхождений, эти тексты могут быть отфильтрованы как заголовки и нижние колонтитулы. Работа [8] схожа с целью данной работы - классификация текстовых элементов, - но они используют большое разнообразие типов документов, например, файлы электронной почты, файлы PowerPoint, а также файлы Word, PDF и другие. Поэтому, они, например, разделяют класс "заголовков" на заголовки в таблицах, электронных письмах и других типах документов. Для данной работы был составлен корпус общедоступных контрактов и юридических документов, доступных в интернете. Для части корпуса все страницы были классифицированы как одноклоночный макет, двухколоночный макет или одноклоночный макет с полями. Для небольшой части этого корпуса все обнаруженные текстовые области были классифицированы вручную. Документы, использованные для классификации текстовых блоков, те же документы, которые использовались в качестве тестовых документов для распознавания макета страниц. Документы для обучающего набора были отделены и больше не использовались для распознавания классов текста.

Цель данной работы - классифицировать текстовые поля на странице для улучшения извлечения информации из отсканированного PDF-документа. Одним из способов является обучение классификатора с использованием различных признаков текстовой области на основе размера, положения и содержания текстовой области. Однако многие геометрические характеристики зависят от контекста, то есть значение признака зависит от типа макета страницы. Поэтому полагаем, что сначала классификации должна подвергаться каждая страница, поскольку в юридических документах часто можно наблюдать использование различных типов макетов в одном документе. Затем с помощью информации о макете классификации подвергаются текстовые области. Здесь можно использовать вероятности для каждого класса макета в качестве признака для второго классификатора, либо обучать разные классификаторы для каждого класса макета.

Таким образом, в юридических документах необходимо распознать различные типы макета страниц, которые часто меняются внутри документа или даже на одной странице.



Рис.1

Например, основной текст контракта может иметь одноклоночный макет, в то время как общие условия, являющиеся частью контракта, могут быть оформлены в двухколоночном макете, за которым следует страница общих замечаний и подписей, также выполненная в виде одноклоночного стиля. Были выделены три основных типа макета в различных коллекциях контрактов: одноклоночный, двухколоночный и одноклоночный с полями. Для каждой страницы сначала извлекаются все плотные и связанные текстовые области. Для извлечения этих областей возможно использование PDFMiner [9]. Извлекаемые области зависят от параметров, используемых для извлечения, и важно, чтобы для обучения и применения классификатора использовались одни и те же значения. Текстовая область на странице может иметь различные функции. Было выделено шесть часто встречающихся типов текстовых областей, это: заголовок, подзаголовки,

текст, маркеры, примечания, колонтитулы. В качестве признаков для элементов структуры текста использовалась геометрия текстового блока, его координаты; поле вокруг текстового блока, наличие смежных текстовых блоков, т.е. расстояние между текстовыми блоками; площадь текстового блока; высота и ширина текстового блока; признаки для распознавания заголовков, такие как жирный шрифт, заглавные буквы, двоеточие является последним символом текстового блока; количество специальных символов и наличие маркера в тексте текстового блока.

Наконец, обучаем три различных классификатора для каждого класса с помощью вручную аннотированных элементов структуры текста. При использовании общей информации о макете тексты в юридических документах могут быть извлечены более точно и стать доступными для дальнейшей обработки, возможно, очищенные от нежелательных классов текста, таких как заголовки и нижние колонтитулы.

Предложенный подход хорошо подходит для предварительной обработки корпусов из юридической сферы. Размер корпуса не обязательно должен быть таким большим, как при использовании сверточных нейронных сетей.

Список литературы

1. Chieze, E., Farzindar, A., Lapalme, G. (2010) "An Automatic System for Summarization and Information Extraction of Legal Information" In: *Semantic Processing of Legal Texts*, p. 216-234. *Lecture Notes in Computer Science*, Springer, Berlin, Heidelberg.

2. Dejean, H. & Meunier, J.L. (2006) "A System for Converting PDF Documents into Structured XML Format" In: *Document Analysis Systems VII*. pp. 129, 140. *Lecture Notes in Computer Science*, Springer, Berlin, Heidelberg.

3. Enendu, S., Scholtes, J., Smeets, J., Hiemstra, D., Theune, M. (2019) "Predicting semantic labels of text regions in heterogeneous document images" In: *15th Conference on Natural Language Processing, KONVENS 2019: Bridging the gap between NLP and human understanding*.

4. Gao, L., Tang, Z., Lin, X., Liu, Y., Qiu, R., Wang, Y. (2011) "Structure Extraction from PDF-based Book Documents" In: *Proceedings of the 11th Annual International ACM/IEEE Joint Conference on Digital Libraries*. pp. 11-20. *JCDL '11*, ACM, New York, NY, USA.

5. Giguet, E. & Lejeune, G. (2021) "Daniel at the FinSBD-2 task: Extracting list and sentence boundaries from PDF documents, a model-driven approach to PDF document analysis" In: *Proceedings of the Second Workshop on Financial Technology and Natural Language Processing*. pp. 67-74.

6. Lin, X. (2003) "Header and Footer Extraction by Page-Association" In: *Document Recognition and Retrieval X*. vol. 5010, pp. 164-172. *International Society for Optics and Photonics*.

7. Ramakrishnan, C., Patnia, A., Hovy, E., Burns, G.A. (2012) “Layout-aware text extraction from full-text PDF of scientific articles” Source Code for Biology and Medicine 7(1), 7

8. Wyner A., Mochales-Palau.R., Moens M.F., Milward D. (2010) “ApproachestoText Mining Arguments from Legal Cases” In: Semantic Processing of Legal Texts, pp. 60-79. Lecture Notes in Computer Science, Springer, Berlin, Heidelberg (2010).

9. <https://github.com/pdfminer/pdfminer.six>, original-date: 2014-08-29T14:04:53Z PDFminer/pdfminer.six (2021).

© Мифтахова Р.Г., 2024

УДК 81'322

Смакова А.Л.
аспирант ВШЗФЛшП УУНшТ,
г. Уфа, Россия

ВАРИАТИВНОСТЬ ПЕРЕВОДА ГЛАГОЛА MAY (MIGHT) В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЯХ РОМАНА Т. ДРАЙЗЕРА «ФИНАНСИСТ»

В статье рассматривается вариативность перевода глагола may (might) с помощью программного обеспечения AntConc. Материалом исследования послужил англоязычный текст романа Т. Драйзера «Финансист» (1912 г.) и два варианта его перевода на русский язык, выполненные М. Волосовым в 1951 году и К. Савельевым в 2019 году. Доказана эффективность применения автоматических программ для статистической обработки данных при исследовании определенных языковых явлений. Сделан вывод о том, что уникальный модальный «отпечаток», присущий авторскому стилю Т. Драйзера, выделяет его среди других писателей.

Ключевые слова: модальность, модальные глаголы, лексическое разнообразие, AntConc, Драйзер

Литературное творчество Теодора Драйзера не теряет своей актуальности и по сей день, однако многие аспекты уникального стиля писателя остаются неисследованными. Недостаточно внимания уделяется грамматическому анализу его произведений, между тем, именно изучение грамматических особенностей позволяет наиболее точно и объективно

интерпретировать художественный текст. Применение методов компьютерной лингвистики не только ускоряет этот процесс, но и минимизирует количество погрешностей, неизбежных при традиционном "ручном" анализе художественного текста [2, 45].

В рамках данного исследования рассматривается вариативность перевода глагола *may* (*might*) на материале романа «Финансист» Т. Драйзера, а также двух вариантов его перевода на русский язык, выполненных М. Волосовым в 1951 году и К. Савельевым в 2019 году. Выбор исследования данной грамматической категории обусловлен тем, что финансовый мир отличается высокой степенью непредсказуемости и волатильности, а также подвержен резким изменениям, которые нередко происходят под влиянием случайных обстоятельств. Данный факт неизбежно накладывает отпечаток на язык автора и речь героев, которая насыщена модальными глаголами и словосочетаниями [3, 256].

На начальном этапе нашего исследования был сформирован корпус текстов и выбрано программное обеспечение для его анализа. Все тексты прошли предварительную лемматизацию и унификацию. Для обработки корпуса текстов был выбран специализированный сервис AntConc, который позволяет обнаружить модальные глаголы и их переводы, а также подсчитать общее количество словоформ в романе и количество употреблений заданного модального глагола (Таблица 1).

Таблица 1. Модальные глаголы в романе «Финансист» Т. Драйзера

Модальный глагол	Количество словоупотреблений
can, could, be able to	1353
would	1041
may, might	466
must, have to	393
will	333
should	190
ought to	73
need	68
shall	17
dare	11
Всего модальных глаголов в романе	3945

Из приведенной таблицы видно, что из 202 766 единиц рассматриваемого корпуса модальные глаголы составляют 3945 единицы, что дает 1,9% от общего количества словоупотреблений. Одним из наиболее

частотных в романе является глагол «тау», он употребляется 466 раз и составляет 0,2% от всех словоформ. Такое количество модальных глаголов в романе Т. Драйзера позволяет говорить об уникальном «модальном отпечатке», присущим автору. В таблице 2 приведено сравнение с произведениями других писателей того времени.

Таблица 2. Количество модальных глаголов в произведениях других писателей

Произведение	Количество модальных глаголов в романе
Great gatsby (F. Scott Fitzgerald)	315
The grapes of wrath (J. Steinbeck)	1495
A farewell to arms (E. Hemingway)	1411
The picture of Dorian Gray (O. Wilde)	1250

Помимо прочего, программа AntConc автоматически анализирует текст и предоставляет ключевые для нашего исследования данные: общее количество слов N (Lemma Tokens) и число уникальных слов n (Lemma Types). Эти данные используются для расчета коэффициента лексического разнообразия k (КЛР), который отражает богатство и вариативность словарного запаса автора. КЛР рассчитывается как отношение числа уникальных слов корпуса к общему количеству всех словоформ и выражается следующей формулой [4, 558]:

$$k = 100 * \frac{n}{N}$$

Как правило, текст с высоким значением k свидетельствует о более разнообразном лексическом составе текста. Как видим, перевод М. Волосова отличается чуть более богатым лексическим разнообразием по сравнению с переводом К. Савельева, что подтверждается как более высоким коэффициентом лексического разнообразия, так и большим количеством уникальных слов. Разница, согласно данным Таблицы 3, составляет 0,49%. Хотя различия на первый взгляд могут показаться незначительными, важно помнить, что мы сравниваем два варианта перевода одного текста. В этом контексте даже мельчайшие детали играют существенную роль, поскольку именно их совокупность формирует общее впечатление читателя от перевода [1, 14].

Таблица 3. Коэффициент лексического разнообразия

	Оригинал (1912)	М. Волосов (1951)	К. Савельев (2019)
	95399	88083	85498
	7626	11138	10390
	7,99	12,64	12,15

Далее нами был проведён сравнительный анализ переводов с целью подтверждения или опровержения результатов приведенной таблицы 2. Для сравнительного анализа было выбрано несколько предложений, содержащих модальный глагол «*may*». Приведем примеры:

You may renew your motion at the close of the defendants' case. /

За вами остается право возобновить ходатайство к концу рассмотрения дела. (Волосов)

Вы можете подать новое ходатайство о закрытии дела вашего подзащитного. Оно будет отклонено. (Савельев)

В данном примере К. Савельев передает английский модальный глагол «*may*» при помощи эквивалентного русского модального глагола «*можете*» с неопределенной формой глагола «*подать*». М. Волосов тем временем использует прием лексического добавления (добавлено слово «*право*» к словосочетанию «*остается возобновить*»).

Father might be watching us, you know. /

— Ведь вполне возможно, что отец следит за нами. (Волосов)

Отец может следить за нами. (Савельев)

Как видим, К. Савельев вновь переводит английский модальный глагол «*might*» при помощи эквивалентного русского модального глагола «*может*». Причем, в переводе значение модального глагола четко не определено, этот глагол может передавать значение вероятности действия или значение «разрешенности» выполнить действие. М. Волосов использует прием замены части речи и заменяет модальный глагол словосочетанием «*вполне возможно*».

Таким образом, примеры, извлеченные методом случайной выборки, показали, что переводчик М. Волосов, как правило, сохраняет модальность английских фраз с помощью использования модальных глаголов и модальных словосочетаний русского языка. В переводе К. Савельева в ряде случаев модальность опускается, что подтверждает справедливость показателя *N* в таблице. Количество уникальных слов (*n*) также выше у М. Волосова в сравнении с К. Савельевым. Это, вполне закономерно, приводит

к тому факту, что у М. Волосова оказывается выше и коэффициент лексического разнообразия (k) в сравнении с переводом К. Савельева.

Как видим, в статье была рассмотрена модальность на примере английского модального глагола *may* (*might*) и его переводов на русский язык в романе Т. Драйзера «Финансист». Отмечается, что использование модальных глаголов составляет отличительную особенность стиля Теодора Драйзера. Модальные глаголы используются перед смысловыми глаголами, обогащая текст, придавая основным глаголам особые оттенки значения и расширяя смысловую палитру повествования. Кроме того, в ходе анализа двух вариантов перевода романа на русский язык мы пришли к заключению, что перевод, выполненный М. Волосовым, является более удачным со статистической точки зрения, о чем свидетельствует более высокий коэффициент лексического разнообразия и более широкий спектр использованных переводческих приемов. Перевод К. Савельева, хотя и уступает с лексической точки зрения эталонному переводу М. Волосова, также обладает своими преимуществами.

Список литературы

1. Бузаджи Д.М., Ланчиков В.К. Буквализм и языковое разнообразие. Об использовании одного метода корпусной лингвистики в переводоведении // Мосты, 2011. – № 4 (32). – С. 12-31.
2. Горожанов А.И. Особенности употребления модальных глаголов в романе Ф. Кафки «замок» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2021. – С. 44-55.
3. Насанбаева Э.Р. Проблема модальности при переводе художественного текста // Вестник Челябинского государственного университета, 2011, № 24 (239). Вып. 57. – С. 255-257.
4. Gonçalves L.L., Gonçalves L.B. Fractal power law in literary English // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications, 2006. – Vol. 360, Issue 2. – S. 557-575.

© Смакова А.Л., 2024

СОВРЕМЕННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МЕДИА-ДИСКУРСЕ

УДК 81'42

Алимбеков Д.О.
аспирант 2 г.о. УУНУТ,
г. Уфа, Россия

НЕОЛОГИЗМЫ И ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ МЕДИАДИСКУРСА

В статье рассматриваются понятия неологизма, дискурса и медиадискурса. Особое внимание в исследовании уделяется изучению влияния факторов языковой среды на формирование неологизмов в медиадискурсе. Помимо этого, в работе приводятся актуальные примеры новых языковых единиц, сформировавшихся в сфере медиадискурса.

Ключевые слова: неологизмы, дискурс, медиадискурс, лингвоэкология

Актуальность изучения неологизмов и экосистемы медиадискурса заключается в необходимости наименования новых тенденции в языковом пространстве СМИ и социальных сетей в определенный период времени. В данном случае изучаемый период времени охватывает последние пять лет.

Само понятие дискурса может рассматриваться с разных сторон. Например, в концепции Мишеля Фуко дискурс может являться и процессом, и результатом речевого взаимодействия. [5, с. 72] В понимании отечественного лингвиста Ю.С. Степанова дискурс является отражением языковых и культурных реалий социума, т.е. представляет собой способ применения языка с учетом особых правил лексики и грамматики участников речевого акта. Дискурс можно рассматривать как текст, последовательность реплик, обусловленную семантикой и грамматикой, имеющую формат монолога или диалога, в устной или письменной форме, принимающую во внимание экстралингвистические факторы всех участников коммуникативно-речевой ситуации. [4]

В настоящее время понятие медиадискурса может определяться как сама речевая деятельность и её результаты в сфере массовой коммуникации, принимая во внимание их разносторонность и трудности взаимодействия. Определение медиадискурсу может быть дано несколькими способами. Понятие медиадискурса может подразумевать речевую деятельность, характерный для экосистемы средств массовой информации. В таком случае следует разграничивать медиадискурс и другие самостоятельные типы дискурса, такие как политический, религиозный, научный и т. д. С другой стороны, медиадискурс рассматривается как любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации. В таком случае могут рассматриваться политический медиадискурс, педагогический

медиадискурс и прочие, предполагающие для своей реализации наличие относительно устойчивого набора практик производства, трансляции и интерпретации массовой информации [2]

Неологизм согласно определению лингвистического энциклопедического словаря представляет собой слово, значение слова или сочетания слов, характерное для определенного временного периода в языке или же слово, использованное единожды (окказионализм) в каком-либо тексте или акте речи. [3]

Для проведения разграничения между неологизмами и иными языковыми инновациями существует ряд критериев. Среди них можно выделить следующие: 1) номинативность (необходимость обозначения нового предмета или понятия); 2) новизна формы и/или содержания; 3) временной показатель (временные границы появления и существования нового слова в языке); 4) языковое пространство (сферы и жанры употребления).

Говоря об экологии языка, стоит обратиться к работе её основоположника Эйнара Хаугена «Экология языка». В концепции Хаугена язык предстает частью экосистемы, видоизменяясь и эволюционируя в зависимости от запросов и потребностей его носителей или пользователей, если рассматривать сферу медиадискурса. [7, с. 43-44].

Многие языковые единицы, относимые к неологизмам, формируются в среде медиадискурса ввиду необходимости описания нового явления или же в результате популяризации авторских окказионализмов в социальных сетях.

К первой категории можно отнести, например, неологизм *Traumdumping*. Он описывает практику, когда один человек раскрывает другому свой травмирующий опыт без явного выражения согласия реципиента с целью вызвать сочувствие или жалость к себе.

Также к данной категории относится выражение *Mewing*. Данная единица описывает технику, приписываемую британскому стоматологу по имени Майк Мью. Суть её заключается в надавливании языком на небо, чтобы попытаться изменить форму лица, перемещая верхнюю челюсть вверх и вперед с помощью бокового давления языка, с целью формирования правильной формы челюсти. С этой единицей тесно связан неологизм *Looksmax*. Под данным словом понимается физическое совершенствование тела, лица и мускулатуры человека с целью сделать себя более привлекательным. Существует предположение, что данный неологизм происходит от термина *max stats*, используемого в видеоиграх.

Еще одной единицей, относимой к первой категории, является *Kinnie*. Данный неологизм используется для описания человека, который чувствует очень крепкую (почти родственную связь) с вымышленным персонажем.

Рассматривая категорию авторских окказионализмов, набравших популярность, стоит выделить широко распространённый в социальных

сетях неологизм *Fanum tax*. Изначально данная единица была сформулирована американским стримером и контент-мейкером *Fanum*, который на своих онлайн трансляциях брал у друзей еду в качестве своеобразного налога. Неологизм набрал популярность в среде фанатов стримера, а в последствии вышел за рамки онлайн трансляций и распространился в социальных сетях.

Среди популярных языковых единиц также выделяется *Skrunkly*. Данный неологизм обозначает ласковое отношение и/или привязанность к чему-либо. Может использоваться как существительное или прилагательное. Обычно имеет яркий эмоциональный, но позитивный оттенок в отношении знаменитости, персонажа, но чаще всего животного. В 2021-2022 годах данная единица получила популярность в интернет-сообществе, публиковавшем изображения милых собак. Существует версия, что единица является слияние слов *crinkly* и *scrunched*.

Продолжая тему интернет-сообществ, стоит выделить одно из самых крупных из них – это фанаты музыкального жанра К-поп. В среде поклонников корейских айдолов возник неологизм *Visual*, описывающий самого красивого участника К-поп группы или лучше всего соответствующего корейским стандартам красоты.

Еще одна единица, которую можно отнести к данной категории это *Yasspilled*. Для полноценного понимания значения единицы следует разделить ее на составные части *yass* и *pilled* соответственно. *Yass* – это преобразование определенного изображения при помощи различных графических редакторов и ИИ (т.е. добавление макияжа, маникюра и т.д.) Популярность это явление получило в 2020-2021 годах ввиду популярности приложений для ретуши фотографий и прочих изображений. *Pilled* имеет значение принадлежности к чему-либо (e.g. *bluepilled*, *redpilled*). Следовательно, данная единица имеет следующее приблизительное значение: объект или существо внешность которого была отретуширована с помощью определенных инструментов (чаще всего с целью высмеивания).

Исходя из приведенных выше примеров видно, что на формирование неологизмов в медиадискурсе оказывают влияния такие экологические факторы как деятельность «пользователей» и требования языковой среды (т.е. необходимость обозначения нового предмета или понятия). Сфера социальных сетей и сеть Интернет в целом предоставляет яркий пример взаимного влияния экосистемы на язык и наоборот. Наблюдения за средствами массовой информации позволяет в реальном времени наблюдать за изменениями и новыми веяниями в языке.

Список литературы

1. Беллерт, И. Об одном условии связности текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 172-207.
2. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». – 2010. – № 12 (83). – С. 13-21.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения 24.04.24)
4. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 35-73.
5. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Касталь, 1996. – 447 с.
6. Gen Alpha Is Here. Can You Understand Their Slang? URL: <https://www.nytimes.com/2023/11/08/style/gen-alpha-slang.html> (дата обращения 22.04.2024)
7. Haugen E. The Ecology of language. Essays by Einar Haugen. — Stanford: Stanford University Press, 1972. – 366 p.
8. The new Gen Alpha slang 'fanum tax' has even stumped Gen Zers, who worry they're too old to keep up. URL: <https://www.businessinsider.com/fanum-tax-gen-alpha-gen-z-millennials-confusing-slang-2023-10> (дата обращения 21.04.2024)
9. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения 10.10.2023)

© Алимбеков Д.О., 2024

Лебедева А.В.
аспирант УУНУТ,
г. Уфа, Россия
преподаватель БГМУ,
г. Уфа, Россия

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА МЕДИЙНОЙ ЛИЧНОСТИ, СФОРМИРОВАННОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ И НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ УЧАСТНИКАМИ ДИСКУРСА

Данная статья посвящена речевому осмыслению процессам в косметологическом дискурсе, которые возникли в связи с деятельностью Емельяна Брауде. Он проводил инвазивные процедуры и вел педагогическую деятельность без медицинского образования. Исследование анализирует отличие речевого портрета медийной личности, сформированного разными типами участников косметологического дискурса. Базой исследования послужили 4 видеоматериала и свыше 1000 комментариев к интервью Емельяна Брауде в сети интернет. В ходе анализа была установлена неоднородность состава речевого портрета Емельяна Брауде вследствие особенностей текстов, продуцируемых профессиональными и непрофессиональными участниками дискурса.

Ключевые слова: *косметологический дискурс, профессиональный дискурс, участники дискурса, поддискурс, речевые стратегии.*

В современной косметологии наблюдается активный рост популярности инъекционных процедур, так как малоинвазивные методы омоложения и коррекции лица – более безопасная и не требующая долгой реабилитации альтернатива пластическим операциям. Согласно приказу Минздравсоцразвития № 381н, такие процедуры могут проводить только специалисты с высшим медицинским образованием и при наличии действующего сертификата, позволяющего работать в сфере косметологии.

Однако был зафиксирован факт нарушения норм оказания косметологических услуг: Емельян Брауде проводил процедуры, такие как увеличение объема губ, коррекция лица нитями, инъекции филлеров, без медицинского образования и без соблюдения необходимых санитарных требований и мер безопасности, а также организовал так называемую «Секту Брауде» – обучающие курсы, на которых все желающие могли научиться делать косметологические инвазивные процедуры. В 2021 году против Емельяна Брауде возбудили уголовное дело по п. «а» ч. 2 ст. 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекшие

по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека) из-за многочисленных жалоб пациентов.

Это породило в интернет-сегменте косметологического дискурса ряд языковых процессов. Эти языковые процессы продуцируются виртуальной коммуникативной личностью, или коммуникационным персонажем, по определению О.А. Косовой: «Виртуальные коммуникативные личности / форумчане, вступающие в интеракцию на дискуссионных форумах с целью реализации своего личностного и коммуникативного потенциала, предстают как коммуникационные персонажи» [1, с. 27].

При анализе видеоматериалов было установлено, что содержание исследуемого речевого портрета различается в зависимости от ситуации. Это обусловлено тем, что непрофессиональные и профессиональные участники медиадискурса дают разные оценки деятельности Емельяна Брауде. Материалом послужили примеры из многочисленных видеointервью и блогов, связанных с деятельностью Е.Брауде, например: О технике увеличения губ ТП – рассуждения косметолога / Емельян Брауде URL:

https://www.youtube.com/watch?v=PT_e2Kfj0z4&ab_channel=SchoolofcosmetologybyAntoninaGUZ; Емельян Брауде про ТП губы, Смерти Пациенток, Скандалы, Отношения и Доходы URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=q2THiakYIgM>; Мясник ИЗ Инстаграм | Емельян Брауде | живое интервью URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=eiq2jrWFH44&t=5s>; Разоблачение Серых Косметологов: Как секта Брауде делает на нас миллиарды. URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=zJpvtG0tMc>; Культовый аферист в сфере косметологии – Емельян Брауде: биография, деятельность и семья

<https://dzen.ru/a/YaZ9m5O8sV64WyUU> и др.

Профессиональные и непрофессиональные участники интернет-дискурса подробно рассмотрены А.А. Хустенко и Н.А. Мишанкиной на примере юридического неофициального дискурса (см. [2, с. 135]). Непрофессиональные участники косметологического дискурса – это блогеры, инфлюэнсеры, их зрители, клиенты косметологических клиник, которые дают резко негативную оценку данной медийной личности. Продуцируемые ими тексты обладают предельной эмоциональностью и пафосом, которые реализуются за счет некоторых языковых особенностей, которые мы рассмотрим ниже.

1. Демонизация главной фигуры – Емельяна Брауде. Коммуниканты задействуют концепты «нечистая сила» («губы дьявола», «инфернальный цирк», «сами по себе «секретные конгрессы», похожие на шабаш»), «криминал» («кустарный метод», мафиозный бизнес», «преступная халатность», нелегальный», «темные делишки») и «власть» («король серой косметологии», «Властелин серой косметологии», «основатель секты»).

2. Наблюдается превалирование семантем с резко негативным компонентом значения при описании Емельяна Брауде и его деятельности: «мясник из соцсетей», «скандальный косметолог-самоучка», «маньяк». Также многие отмечают девиантное поведение и возможные проблемы психиатрического спектра, называя Емельяна Брауде «психопатом», «маньяком-садистом», «пациентом психиатра», «больным». Многие отмечают сходство с персонажем из произведения П.Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы».

3. Блогеры, участники видеоинтервью, зрители и читатели в комментариях дают противоречивую оценку личностных качеств Е. Брауде: *«ужасает и при этом сложно оторвать от него взгляд»; «своим «безумием на семинарах» Емельян изрядно всполошил все СМИ мира, заставил нервничать здравоохранение и влюбил в себя сотни тысяч женщин»; «то, что он творит, вне сомнений, ДИКО, грязно, сумбурно и гениально одновременно».*

4. Использование обесцененной лексики, жаргонизмов, бранной лексики в сочетании с книжной лексикой при описании последствий медицинских манипуляций: *«Полгода назад у нас в городе ученица его испортила женщине лицо и жизнь. Это просто кошмар. Куда смотрят власти? Я лично знаю профессиональных косметологов, у них волосы дыбом от этого урода».*

5. Гиперболизация и генерализация при выражении субъективного мнения коммуниканта: *«зрелище не для слабонервных», «к слову офигела от увиденного», «и те, кто давно смотрит мой канал, знают, кто такой Емельян Брауде, уже вздрогнули и почувствовали как холодок пробегает по спине», «для меня (это) было, конечно, шоком и захотелось выпить Корвалола», «непредсказуемые результаты шокировали зрителей и вызывали истерики у самих «подопытных», «после таких семинаров и выпущенных профессионалов рыдающие, искалеченные женщины годами лечат психологические травмы и восстанавливают здоровье».*

Из этих речевых характеристик складывается гипертрофированно негативный образ Емельяна Брауде, что свидетельствует о резко отрицательной и крайне субъективной оценке действий данного медийного лица.

Однако, профессиональные участники косметологического дискурса – врачи-косметологи – трактуют данное событие в мире косметологии в другом ключе. Большая часть косметологов анализируют не сколько законность и этические аспекты деятельности Е. Брауде, сколько созданные им техники выполнения процедур, особенности протоколов выполнения медицинских манипуляций, возможные осложнения и аспекты реабилитационного периода после операции

Обсуждение данной темы профессиональными участниками более близко к научному дискурсу, а именно к научной дискуссии, нежели

выражение мнения непрофессиональных участников. В большинстве текстов наблюдается использование характерных маркеров научного медицинского дискурса: экономия речевых средств, отсутствие выраженной негативной или положительной оценки действий Брауде: «так называемая «техника тп», «мне как врачу, все равно, кто придумал (эту технику), «неважно, какая история у методики». Характерно использование внутридискурсивного сленга («Но как потом поведёт себя филлер в губах – неизвестно»).

На основании проведенного анализа, можно говорить о расслоении косметологического дискурса на профессиональный и непрофессиональный поддискурсы. Перспективой данного исследования является исследование степени и характера этого выявленного расслоения, а также его типологических черт в сравнении с дискурсами и поддискурсами в других областях речевой деятельности.

Список литературы

1. Косова О.А. Модели презентации и реализации коммуникационного персонажа в Интернет-коммуникации (на материале дискуссионных форумов о здоровье) // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 30-5. С. 26-29.
2. Хустенко А.А., Мишанкина Н.А. Лингвокогнитивное моделирование категории «участник дискурса» (на материале интернет-мемов профессиональных сообществ юристов в социальных сетях) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 81. С.132-152.

© Лебедева А.В., 2024

УДК 81

Маркова В.Ю.

*ассистент, преподаватель МГУТУ им. Разумовского,
г. Москва, Россия*

ТЕХНОЛОГИЯ CLIL КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАМОТНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ

В статье рассматриваются преимущества применения технологии Content and Language Integrated Learning (CLIL) для эффективного совмещения изучения английского языка и развития компьютерной грамотности. Автор заключает, что использование CLIL в вузе способствует их более глубокому усвоению.

Ключевые слова: лингва франка, ИКТ, компьютерная грамотность, CLIL, мотивация, интеграция, вуз.

В настоящее время информационные технологии играют ключевую роль во многих сферах жизни, и вопрос о компьютерной грамотности, а также усиливающейся значимости английского языка и владения им при сохраняющейся тенденции мировой глобализации являются не просто желательными, а необходимыми навыками для успешной реализации обучающихся в работе и жизни.

Так компьютерная грамотность, то есть обладание навыками решения задач с помощью вычислительной техники, помогает студентам организовывать свою работу, выполнять задания более эффективно за счет навыков работы с текстовыми редакторами, электронными таблицами, презентациями, и является актуальным качеством при проведении научных исследований и обучения онлайн, открывая в дальнейшем больше возможностей для трудоустройства и карьерного роста [7, 130–137].

В то же время английский язык, являясь средством международного общения, науки, технологий, бизнеса и культуры, – выступает в качестве лингва франка для тех, кто не носитель. Владение им развивает межкультурную компетенцию, то есть позволяет обучающимся общаться и узнавать людей из разных стран, участвовать в международных конференциях и проектах, расширять свой кругозор при контакте с разными культурами, и одновременно открывает доступ к огромному количеству научных статей, книг, онлайн-курсов и других образовательных ресурсов, доступных только на английском языке [10, 6–14].

Таким образом, наличие компьютерной грамотности и владение английским языком являются не просто навыками, а инструментами, помогающими обучающимся быть успешными в учебе и конкурентоспособными на рынке труда, где в современных реалиях в эпоху глобализации и прорыва в информационных технологиях с появлением искусственного интеллекта, особенно актуально наличие и сочетание этих двух составляющих в человеке [9, 4–12].

Исходя из актуальности инструментария, задействованного в процессе получения профессионального образования, прослеживается целесообразность развития компьютерной грамотности обучающихся на занятиях по английскому языку. Однако возникает ряд проблем, связанных с подходом к изучению данных инструментов в вузах:

Недостаточная мотивация. Обучающиеся могут терять интерес к изучению дисциплины «иностраный язык» из-за скучных и однообразных занятий, не связанных с их интересами и профессиональными потребностями, а также за счёт быстрого уставания от однообразной деятельности без задействования современных средств ИКТ - то есть информационно-коммуникационных технологий.

Согласно опросу 2020 года, проведённому ВЦИОМ среди 1600 респондентов старше 18 лет по вопросу оценки качества российской

системы образования, самым популярным ответом было «удовлетворительно» с 42% голосов, следом шла оценка «плохо» — с 13% и «очень плохо» — с 9%; затруднились ответить 5% опрошенных. Лишь 31% респондентов оценили образование на «хорошо» и «отлично» [1].

В то же время считается нужным отметить результаты опроса 2021 года, организованного ВШЭ (Высшая Школа Экономики), проведённого среди 19 176 респондентов из 9 округов России, поступивших в университет в 2019/2020 году, где доля людей, сделавших выбор в сторону своего вуза исходя из критерия технической оснащённости и задействования на занятиях ИКТ, равняется 10 %, что опережает такие пункты, как «лёгкость программы», «наличие в вузе родственников или друзей», что показывает потенциальную заинтересованность в самом образовательном процессе [2].

Недостаточное использование современных технологий. Многие вузы не используют в полной мере потенциал современных информационных технологий для обучения английскому языку, таких как использование онлайн-платформ, мобильных приложений и интерактивных ресурсов, доступных в сети интернет. Согласно имеющейся статистике, предоставленной ВШЭ, за 2021 год на 59 онлайн-платформ было выложено 1262 курса 94 образовательными организациями высшего образования, часть из которых лежат в открытом доступе для всех желающих, как например на НПОО (Национальная Платформа Открытого Образования) [2].

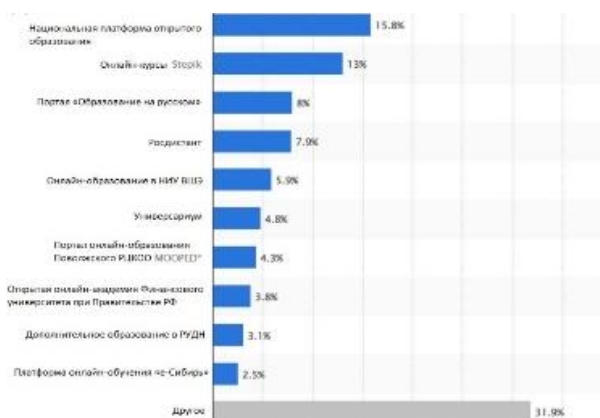


Рис. 1. Распределение онлайн-курсов вузов РФ по используемым платформам

Недостаточная интеграция с другими дисциплинами. Компьютерная грамотность часто преподается в рамках отдельного предмета, как например «Информатика», часто не связанного с другими дисциплинами. Это затрудняет понимание обучающимся того, как применять полученные знания в своей будущей профессии.

Беря в качестве предмета исследования повышение компьютерной грамотности посредством проведения занятий в вузе, рассмотрим, какие

атрибуты определяют грамотного человека в сфере ИТ, информационных технологий:

Понимание работы устройства компьютера. Наличие представления о периферийных устройствах, как мышка и клавиатура, и работе на них.

Владение навыком работы с текстовым редактором, как, например, Microsoft Word, и электронной таблицей – Excel. Знать имеющиеся аналоги данных программ, уметь работать с ними и знать их основные возможности, такие как: создание сводных таблиц, закрепления заголовков, использование формул и функций.

Наличие опыта создания презентаций как простых, так и с применением наложенных фильтров и спецэффектов.

Понимание работы браузера для выхода в интернет. Уметь его находить и скачивать при необходимости на разных платформах, начиная с IOS и заканчивая стационарным компьютером. Уметь осуществлять поиск по ключевым словам, удалять историю браузера.

Понимание работы гиперссылок и путей их использования в своей работе и профессиональной деятельности.

Наличие практического опыта работы с горячими клавишами, как например CTRL+V, для упрощения работы с документами.

Знание основных принципов обеспечения безопасности персональных устройств, как например планшета или стационарного компьютера. Уметь устанавливать антивирус, утилиты и другое ПО (программное обеспечение).

Использование социальных сетей как в работе для продвижения бренда, так и в жизни.

В качестве тезиса представим английский язык как средство общения и получения новых знаний в профессиональной деятельности, и для решения существующих проблем при изучении иностранного языка и одновременного повышения компьютерной грамотности эффективным способом рассмотрим интеграцию технологии CLIL (Content and Language Integrated Learning) или предметно-языкового интегрированного обучения в занятия по английскому языку, при котором предметное содержание дисциплины – например, биологии, информатики – изучается на иностранном языке, активно задействуя при этом приёмы работы с информацией, часто требующие владения ИКТ [4]. Использование CLIL особенно является уместным обучающимся тех специальностей и направлений подготовки, которые включены в область цифровых технологий и производства связанных с ними продуктов, как например: математика, информатика, машиностроение, ядерная энергетика, физико-технические науки, электроника, экономика и управление, культуроведение, медиа коммуникации, режиссура и ряд других [3].

Использование технологии CLIL на занятиях по английскому языку для одновременного развития навыков владения английским языком и

компьютерной грамотности у студентов является целесообразным, поскольку:

CLIL фокусируется на изучении предметного содержания на английском языке, что позволяет студентам не только улучшать свои языковые навыки, но и получать знания в области компьютерных технологий. Например, обучающиеся могут изучать принципы работы СМИ (средства массовой информации) на английском языке, что способствует более глубокому пониманию материала и одновременному развитию языковых компетенций [6].

CLIL способствует развитию навыков критического мышления и решения проблем. Обучающиеся учатся анализировать информацию на английском языке, применять полученные знания на практике и решать задачи, связанные с использованием компьютерных технологий, как например, совершение видеозвонка через интернет, участие в онлайн-конференции дизайнеров одежды с рассмотрением кейса выбора закупки тканей по оптимальной цене и совместным с коллективом решением его [5].

CLIL повышает мотивацию обучающихся. Интеграция интересного материала профессиональной направленности обучающихся и актуального предметного содержания в занятия по английскому языку делает процесс обучения более увлекательным и мотивирует присутствующих к активному участию. Так учащимся экономического профиля можно предложить подготовку базы данных в текстовом редакторе с сопровождением каждого действия комментарием и дальнейшим рассмотрением основных приёмов работы с таблицами.

CLIL готовит студентов к реальным жизненным ситуациям. В современном мире знание английского языка и компьютерных технологий необходимо во многих сферах деятельности. CLIL помогает студентам развить навыки, которые будут востребованы на рынке труда и в повседневной жизни, как например загрузки личных файлов на сайты и платформы, отправки писем по электронной почте, подготовкой презентаций по своему профилю и последующего выступления с защитой подготовленного материала [8].

В данной научной статье были рассмотрены преимущества применения методики Content and Language Integrated Learning (CLIL) для эффективного совмещения изучения английского языка и компьютерной грамотности. Результаты исследования показали, что использование CLIL способствует более глубокому усвоению обоих навыков благодаря интеграции содержимого из различных предметных областей с языковым обучением, позволит обучающимся не только развивать навыки английского языка, но и осваивать ключевые компетенции в области информационных технологий, что повысит их конкурентоспособность на рынке труда.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Елтанская Е.А., Аржановская А.В. Технологии применения искусственного интеллекта в обучении иностранному языку // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 1 (104). – С. 43-46.
3. ВЦИОМ. Образование в России: востребованность, доступность, качество. [Электронный ресурс]. // Электрон. дан. Режим доступа URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obrazovanie-v-rossii-vostrebovannost-dostupnost-kachestvo> (дата обращения 20.03.2024)
4. Высшая Школа Экономики. Индикаторы образования 2022: статистический сборник. [Электронный ресурс]. // Электрон. дан. Режим доступа URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/557472415.pdf> (дата обращения 20.03.2024)
5. Министерство Науки и Высшего Образования РФ: Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 30 августа 2019 г. № 664 «О внесении изменения в перечень направлений подготовки высшего образования - бакалавриата, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 сентября 2013 г. № 1061». [Электронный ресурс] // Электрон. дан. Режим доступа URL: https://minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=16192&sphrase_id=8142463 (дата обращения 20.03.2024)
6. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. Словарь //Электрон. дан. Режим доступа URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/clil> (дата обращения 20.03.2024)
7. Coyle, Do. CLIL: Content and Language Integrated Learning. / Coyle, Do, Hood P. and Marsh D. – Cambridge University Press, 2010. – 74 p.
8. Dale, L. CLIL Activities with CD-ROM. A Resource for Subject and Language Teachers: CLIL Activities with CD-ROM. A Resource for Subject and Language Teachers / Dale, L. Tanner, R. – Cambridge, 2012. – 284 p.
9. Denning, P.J. Computational Thinking. / Denning P.J., Tedre M. – Cambridge, MA : The MIT Press, 2019. – 543 p.
10. Marsh, D. (Editor), Cañado M.L.P. (Editor), Padilla J.R. (Editor): CLIL in Action: Voices from the Classroom. – Cambridge Scholars Publishing, 2015. – 210 p.
11. Ross, A. The Industries of the Future. – Simon & Schuster, 2017. – 320 p.
12. Sharifian, F. English as an International Language: Perspectives and Pedagogical Issues. – Multilingual Matters, 2009. – 303 p.

© Маркова В.Ю., 2024

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОСОБЫЙ ПОДВИД РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

В данной статье рассмотрено понятие туристического дискурса, с точки зрения рекламных направлений, в связи с этим он определен как подвид рекламного дискурса.

Туристическая сфера в современном мире стремительно развивается, это характеризуется ростом туристических компаний и туроператоров, предложения в сфере туризма все более удивляют своим разнообразием и широтой. Уровень туристического сервиса все более высок. Сложившаяся ситуация на рынке туризма делает необходимым акцентировать внимание на рекламных технологиях, чтобы способствовать динамичному развитию конкретной фирмы.

Ключевые слова: туристический дискурс, рекламного дискурса, туризм, туристических услуг, рекламных целей.

В качестве определения институционального дискурса в сфере туризма принимается термин «туристический дискурс», под которым можно понимать речь, которую используют для общения с целью развития сферы туризма.

Туристический дискурс можно определить, как особый подвид рекламного дискурса, так как он объединяет в себе различного рода рекламные мероприятия и тексты туризма, а также имеет своей целью продвижение туристических услуг путем аргументации потребителей с помощью лингвистики.

Это может быть одно яркое или множество постоянных текстовых компонентов, которые имеют определенные экстралингвистические параметры.

Туристический дискурс, ориентированный на рекламные цели, имеет своей целью убеждение клиентов в исключительной организации туристической поездки, направленность текстов которого сводится к формированию аттрактивного образа той или иной туристической программы.

Как самостоятельный вид дискурса туристический дискурс выделяют на основании особой тематической направленности (путешествия и отдых), ориентации на строго определённого адресата (туриста), уникальности цели (проинформировать адресата о том, или ином туристическом продукте и таким образом стимулировать продвижение этого продукта и одновременно помочь в непривычных обстоятельствах), маркированности специфичным

набором языковых средств. Эти аспекты были изучены и описаны в туристике и маркетинге, в жанроведении, в концептологии. Тексты, связанные с коммуникацией в сфере туризма, рассматривались в лингводидактических, лингвострановедческих, лингвокультурологических целях. Стратегии туристического дискурса подробно описаны Л.М. Гончаровой¹, которая считает, что все они направлены на создание позитива. Констатируется наличие у туристического дискурса собственной жанровой парадигмы².

В связи с этим в сфере туризма активно используются разнообразные дискурсивные жанры: брошюра, проспект, буклет, справочник и другие. Если вникнуть в их суть, все они имеют рекламные цели, что предопределяет термин туристический дискурс как один их видов рекламного дискурса.

Другими словами, туристический дискурс выполняет, прежде всего, информативную функцию, и, наряду с этим, сопряженную с ней убеждающую функцию. При этом необходимо заметить, что отбор и передача информации, ее оценка осуществляются таким образом, чтобы наиболее полно информировать адресата сообщения и как результат – убедить его в целесообразности приобретения предлагаемого турпродукта или услуги.

Достижение поставленной цели целиком зависит от степени аргументированности самого сообщения, его прагматическими качествами.

Под аргументацией в туристическом дискурсе можно понимать определенный тип речевой деятельности адресанта, который пытается реализовать попытку речевого воздействия на адресата с целью добиться от него самостоятельного решения о потребности в приобретении тура или тур услуги.

Очевидно, что туристический дискурс по целевым ориентирам очень близок к рекламному и массово-информационному, но несмотря на это у него имеются определенные отличия.

Так, основным является то, что он может быть представлен в различных медиа-сферах – в периодических изданиях, на телевидении, в буклетах и справочниках.

Важно отметить, что рекламный текст обладает формульным характером, который связан с жесткой последовательностью его элементов. При этом наиболее распространенная формула рекламы включает в себя четыре элемента, идущие друг за другом в строгой последовательности:

- привлечение внимания адресата,
- возбуждение интереса к рекламируемому продукту,
- возбуждение желания обладать товаром,
- побуждение к нужному адресанту действию³.

Данную теорию можно применить и исследуемому туристическому дискурсу. Но здесь будут свои особенности. Так, внимание клиента можно

достичь яркой подачей материала, это может быть оригинальный заголовок, это может быть заманчивая фотография или картинка, любой яркий момент привлекает клиента к необходимой туристической информации. Одно из значительных отличий туристического дискурса – это то, что наиболее выигрышными в нем являются аттрактивные объекты, тогда как в рекламных сообщениях предлагается не всегда достаточно интеллектуально адекватные иллюстрации.

Интерес к рекламируемому продукту далее поддерживается с помощью рекламно-информационных текстов, которые, как правило, являются, во-первых, реализованными текстами, во-вторых, гипертекстами.

Что касается второй задачи, возбуждения желания обладать товаром, в данном случае – осуществить ту или иную поездку, подогревается также набором отзывов туристов.

В данном аспекте существенным отличием является то, что возможна масса негативных отзывов на туристический продукт. Данная информация позволяет построить свой гипертекст, то есть выбрать тот маршрут, который представлен наиболее интересным реализованным текстом и подтвержден наибольшим количеством положительных отзывов и наименьшим – отрицательных.⁴

Побуждение к нужному адресанту действию построено на рекламной информации, которая может содержать в себе информацию о стоимости программы, о получении визы, требованиях к фотографии туриста, документам и т. п.

Побуждением к приобретению тура также может служить сторонний отзыв о нем, о предлагаемых экскурсиях и услугах. Поэтому для того, чтобы туристический дискурс в полной мере работал эффективно, необходим положительный имидж компании, тура и экскурсий.

Среди всей лексики в текстах-отзывах выделяются опорные слова: отель, экскурсия, номер, ресепшн и некоторые другие; оценочная лексика (прекрасно, великолепно, замечательно, ужасно, отвратительно). В основной массе лексических единиц наблюдается заметное смещение стилей.

Многие тексты пишутся не профессиональными медиа- работниками, а клиентами, это и предопределяет используемую лексику и разнообразный стиль.

Тексты отзывов представляют собой особый вид расчлененного текста, который состоит из таких компонентов, как заглавие, начало отзыва, полный вариант, оценочная часть, возможно последующее обсуждение. Текст может быть строго структурированным:

Но именно эта информация является мощнейшим ресурсом, который способствует туристическому дискурсу достичь поставленных целей и добиться решения определенных рекламных задач.

Но необходимо отметить, что туристический дискурс может существовать и обособленно от рекламного, так как он имеет свою собственную экстралингвистическую основу, которая обусловлена особенностями его лингвистического воплощения; это реально существующие изначально привлекательные туристические объекты. Существующие тематические, лексические и структурные особенности текстов отзывов позволяют говорить о них как об особом новом информационном жанре.⁵

В широком смысле, туристический дискурс определяется как текст, включающий такие формы общения, в которых к сфере туризма относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле это разновидность дискурса, целью которого является информирование туристов и распространение сферы туризма.

Между тем, туристический дискурс определяется как форма институционального общения, характеризующаяся социальными правилами и идеализированными рамками функционирования⁶

Инструментами реализации функций туристического дискурса могут стать тексты туристических проспектов и брошюр, Интернет-сайты предприятий сервиса, наряду с этим ими могут служить невербальные параметры (мимика, телодвижения и внешний вид людей, занятых в туристической индустрии).

Важно заметить, что туристический дискурс имеет место в таких социально обусловленных речевых ситуациях, как экскурсия, регистрация в том или ином отеле и т.д. С другой стороны, он находит свое отражение в новостных сообщениях средств массовой информации, на сайтах предприятий сервиса, в туристических проспектах и брошюрах, в произведениях художественной литературы. Развертывание туристического дискурса в Интернет – один из эффективных способов актуализации персуазивности, на достижение которой направлено употребление специфических лингвистических средств в текстах. Публикуемые на сайтах, они представлены вербальными единицами, в частности, лексическими, морфологическими, синтаксическими, и невербальными компонентами, среди которых наиболее частотными являются графические и фотографические.

Ценностная ориентация исторического дискурса, как правило, определяется историком, который также вносит в него индивидуальный стиль. Всё это верно и в отношении соответствующих полифонических включений в туристическом дискурсе: автор отбирает только те исторические факты, которые повлияли на современный архитектурный облик описываемого города, на политическое устройство страны, на её национальный или конфессиональный состав. Кроме того, автор использует особые языковые приёмы, позволяющие максимально уплотнить историческую информацию: с этой целью употребляются сложные

предложения с сопоставительными отношениями, которые объединены в сложное синтаксическое целое с помощью параллельной связи.

Главная особенность туристического дискурса в том, что она имеет своим компонентом исторический дискурс. Многочисленная информация построена на исторических событиях. И любое историческое событие, обозначенное в туристическом дискурсе, может служить основной рекламной информацией.

Другой разновидностью включений в туристический дискурс являются фрагменты искусствоведческого дискурса. Этот вид речи «устойчив к внеязыковым изменениям и обладает общим фондом концептуализации, общими стратегиями и лексико-грамматическими особенностями (термин логичность, книжность, обилие клишированных форм, обязательно большая степень пересечения с литературным языком)». 7

Включения, относящиеся к историческому и искусствоведческому дискурсам, выполняют, на первый взгляд, информативную функцию. И всё же нельзя не заметить, что и они являются гибридами, поскольку нередко нагружены дополнительной функцией – воздействия через драматизацию повествования. 8.

Во многом меняет иной характер туристского дискурса способствует его взаимодействию с другими типами дискурса (бытовым, научным, рекламным и др.), что обуславливает использование в туристском дискурсе ценностей и стратегий, характерных для вышеуказанных типов дискурса. Будучи полифункциональным объектом, метафора может выполнять в дискурсе ряд функций, одна из которых, как правило, доминирует и формирует «дискурсивное пространство» 9. В поэтическом тексте главной функцией метафоры следует признать эстетическую (метафора как украшение речи). В научном дискурсе основной является познавательная функция метафоры, позволяющая осмыслить новый объект исследования, опираясь на знания о других типах объектов. В политическом дискурсе метафора выполняет преимущественно прагматическую интерактивную функцию, нивелируя наиболее опасные политические высказывания, затрагивающие спорные политические проблемы, минимизирует ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом 10. В рекламном дискурсе метафора выполняет экспрессивную функцию, являясь средством эмоционального воздействия на реципиента 11, в научно-популярном дискурсе метафоре присуща функция популяризации 12.

Важнейшая интенция туристского дискурса – повышение привлекательности туризма как разновидности досуга и продвижение туристских услуг – реализуется через «предельно положительную аттракцию». По-видимому, основной функцией метафоры в туристском дискурсе является функция аттракции. В связи с этим следует подчеркнуть, что само понятие аттракции имеет широкий диапазон толкований: от узкоспециальных (например, психологических) до абстрактно-

философских. В большинстве случаев толкование дается на основе логических понятий: аттракция (от лат. *attractive* — привлекать, притягивать) – притяжение, привлечение¹³, и в литературе представлены мнения об аттрактивной функции метафоры в значении «привлекать внимание». Аттракция – процесс формирования привлекательности кого-либо или чего-либо для воспринимающего и продукт этого процесса – привлекательность, то есть некоторое качество отношения. Этот методологический ход открывает широкие возможности для описания и объяснения специфики метафоризации в туристском дискурсе. Сущность аттрактивной функции метафоры заключается не просто в «привлечении внимания», а в «создании привлекательности знания для реципиента». Таким образом, аттрактивная функция метафоры в дискурсе заключается в создании привлекательности специального знания для адресата.

Прежде чем перейти к анализу аттрактивной функции метафоры в туристском дискурсе, необходимо выявить когнитивные особенности функционирования туристского дискурса на основе метафорического моделирования. Одним из эффективных методов изучения метафоризации является составление словаря метафор.

В ходе анализа материала было установлено, что денотативный дескриптор туристского дискурса соотносится с концептом «туризм». Туризм определяется как «временное передвижение людей по какой-либо территории за пределы постоянного местопребывания с целью отдыха, познавательными, деловыми и иными целями»¹⁴, при этом в значении лексемы «туризм» выявляются компоненты «движение», «направленность движения», «место», «время», «целевая направленность», «субъектность». Анализ материала показал, что данные компоненты представлены в исследуемом дискурсе неравномерно. Более репрезентативным является компонент «место», что подтверждает широко признанное понимание туризма как территориального явления. Анализ денотативного дескриптора позволяет определить содержание туристского дискурса и совокупность раскрывающих его тем, составляющих тематическую структуру. В ходе исследования тематической структуры было выявлено, что «тематический репертуар» туристского дискурса строится в соответствии с репрезентацией в тексте концепта “дестинация”. Дестинация означает место (территория) посещения, привлекающее туристов своими специфическими природными и рекреационными ресурсами, достопримечательностями, историческим и культурным наследием.

Исследование показало, что туристический дискурс является особым подвидом рекламного дискурса, за счет выполнения тех же задач и целей, за счет схожих применяемых инструментов, важным аспектом туристического дискурса является его вовлеченность в исторические события, что также может стать отличным инструментом для рекламных целей.

Список литературы

Аликина Е.Ю. Особенности функционирования метафоры в туристском дискурсе // Вестник Пермского университета. – 2010. – № 4.

Гончарова Л.М. Туристская реклама в СМИ: позитивно настраивающие тактики / Л.М. Гончарова // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Материалы II Международной научной конференции (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 14–16 февраля 2008 г.) / сост. М.Н. Володина. – М.: МАКС Пресс, 2008. – С. 339–343.

Зирка В.В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект: монография. Днепропетровск: ДНУ, 2004. 294 с.

Карасик В.И. Модусы институционального дискурса / В.И. Карасик // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. Материалы Междунар. научн. конф. (МГЛУ, 17–18 ноября 2011 г.). – М.: Рема, 2011. – С. 22–24.

Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология, 2001, № 6. С. 136-137

Елина Е.А. Особенности синестезии в искусствоведческих текстах / Е.А. Елина // Вопросы психолингвистики. – М., 2003. – № 1. – С. 62–71.

Мишланова С.Л. Метафорическое пространство в медицинских текстах // Словесность и современность: материалы научной конференции. Пермь: ПГПУ, 2000. С. 260-266.

Медведева Е.В. Рекламный текст как переводческая проблема / Е.В. Медведева // Вестник Москов. ун-та. – Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 4. – С. 23–42.

Панченко Е.И. Отзыв туриста как новый вид текста // Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

Погодаева С.А. Языковые средства аргументации во французском туристическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2008. – 20 с.

Рябова И.А. Словарь международных туристских терминов (русско-английско-французско-немецкий) / И.А.Рябова, Д.К.Исмаев, С.Н.Путилина. – М.: Книгодел: МАТГР, 2005. 466 с.

© Сабер Айман И.Э.С., 2024

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕДИА-ДИСКУРСА

В статье рассматриваются какую роль играют социальные сети в формировании общественного мнения. Будут рассмотрены характеристики медиа-дискурса, его понятие. Какова роль современных социальных сетей в современном информационном пространстве. Влияние социальных сетей на формирование общественного мнения.

Ключевые слова: социальные сети, медиа-дискурс, скорость распространения информации, влияние, фильтрация контента, проблемы дезинформации.

В современном информационном обществе социальные сети играют ключевую роль в формировании и распространении медиа-дискурса. Они стали неотъемлемой частью жизни многих людей, обеспечивая мгновенный доступ к информации и возможность выражать свои мнения и взгляды.

В контексте медиа-дискурса социальные сети выступают как платформы, где формируются и обсуждаются актуальные темы, создаются новости и мнения, влияющие на общественное сознание.

Целью данного исследования является анализ влияния социальных сетей на формирование медиа-дискурса с учетом их особенностей и механизмов воздействия. В рамках работы будут рассмотрены ключевые аспекты этого влияния, такие как скорость распространения информации, алгоритмы фильтрации контента, проблемы дезинформации, а также роль социальных сетей в формировании общественного мнения.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью понимания изменяющейся медиа-среды и ее влияния на общественное сознание. Понимание роли социальных сетей в формировании медиа-дискурса поможет раскрыть особенности современной информационной среды и ее воздействие на формирование общественного мнения.

Понятие медиа-дискурса и его основные характеристики

Медиа-дискурс – это концептуальная рамка, в которой осуществляется коммуникация в средствах массовой информации. Он представляет собой совокупность языковых, стилистических, жанровых и других характеристик, определяющих способы передачи информации и воздействия на аудиторию. [2, 6]

Основные характеристики медиа-дискурса включают в себя:

1. Информационную направленность. Медиа-дискурс ориентирован на передачу и интерпретацию информации, формирование общественного мнения и воздействие на публику.

2. Использование специфических языковых средств. В медиа-дискурсе активно применяются различные лингвистические приемы и техники для достижения целей коммуникации.

3. Строгое соблюдение стандартов жанровой структуры. В зависимости от типа медиа-ресурса (печатные издания, телевидение, интернет и т.д.) существуют определенные жанры, которые имеют свои характерные особенности.

4. Манипулятивный потенциал. Медиа-дискурс способен влиять на мнение и поведение аудитории путем подачи информации с определенной окраской или уклоном.

5. Многоуровневость и плюрализм. В современном медиа-дискурсе активно используются различные подходы и точки зрения, что позволяет создавать многогранные и многоплановые образы мира.

Понимание сущности и основных характеристик медиа-дискурса позволяет не только анализировать современные медийные тексты, но и самостоятельно создавать информационный контент, адаптированный под требования современной аудитории.

Роль социальных сетей в современном информационном пространстве

Современные социальные сети играют огромную роль в формировании медиа-дискурса. Одним из основных аспектов их влияния является скорость распространения информации. Благодаря социальным сетям новости моментально распространяются по всему миру, что значительно ускоряет процесс информационного обмена.

Другим важным аспектом является фильтрование и алгоритмы, которые определяют, какая информация отображается пользователям в первую очередь. Это может привести к созданию "информационного пузыря", когда люди видят только определенный тип контента, что отрицательно сказывается на общественном диалоге. [4. 6]

Также социальные сети сталкиваются с проблемой дезинформации, когда ложная информация намеренно или случайно распространяется в сети. Это создает путаницу среди пользователей и может привести к серьезным последствиям.

Большое влияние социальных сетей на медиа-дискурс оказывает и их мобильность и доступность. Благодаря возможности постоянно быть онлайн, пользователи могут быстро реагировать на события и общаться с другими людьми в любой точке мира.

Социальные сети также играют огромную роль в современном информационном пространстве. Они стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, позволяя людям быть на связи, общаться, делиться

мнениями и информацией. Социальные сети стали не только платформами для общения, но и важным инструментом для распространения информации, маркетинга, рекламы и продвижения товаров и услуг [6, 6]. Они помогают нам быть в курсе всех событий, следить за новостями, узнавать мнения других людей, находить новых друзей и деловых партнеров.

Однако социальные сети также имеют отрицательные стороны. Многие люди сталкиваются с проблемой зависимости от соцсетей, тратят на них слишком много времени, что может отрицательно сказываться на их здоровье и отношениях с окружающими.

Кроме того, постоянное сравнение себя с другими людьми, представленными в идеализированном свете в соцсетях, может привести к появлению комплексов и недовольства своей жизнью.

Еще одной проблемой соцсетей является легкость распространения фейковых новостей и дезинформации. Это может привести к искаженному восприятию реальности и влиянию на общественное мнение.

Также социальные сети являются удобной площадкой для кибербуллинга, что может привести к серьезным последствиям для психического здоровья людей.

Список литературы

1. Ахмедова Г. Хоммадова А. Социальные сети, как инструмент формирования общественного мнения / Ахмедова Г. Хоммадова А. [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-instrument-formirovaniya-obschestvennogo-mneniya> (дата обращения: 09.05.2024).
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008. – 203 с.
3. Лисенкова А.А. Мельникова А.Ю. Социальные сети как фактор активного влияния на формирование ценностей молодежи / Лисенкова А.А. Мельникова А.Ю. [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-faktor-aktivnogo-vliyanija-na-formirovanie-tsennostey-molodezhi> (дата обращения: 09.05.2024).
4. Огнева А. С. Социальные сети: понятие, виды, технологические возможности продвижения / Огнева А. С. // Молодой ученый. – 2021. – № 9 (351). – С. 75-79. – URL: <https://moluch.ru/archive/351/78875/> (дата обращения: 10.05.2024)
5. Роль социальных сетей в формировании общественного мнения: анализ влияния популярных платформ / [Электронный ресурс] // диссертант.пф : [сайт]. – URL: <https://диссертант.пф/2023/09/04/rol-socialnyx-setej-v-formirovanii-obshhestvennogo-mneniya-analiz-vliyanija-populyarnyx-platform/> (дата обращения: 10.05.2024).
6. Селезнева Л. Специфика медиатекста в PR-дискурсе / Селезнева Л. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ: [сайт]. — URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/50709> (дата обращения: 09.05.2024).

© Соколова А.Ю., Киселева Я.Н., 2024

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 372.881.111.22

Габдуллин С.С.
канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия

О ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОСТАНОВКАХ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ В УРОЧНОЕ И ВНЕУЧЕБНОЕ ВРЕМЯ

В настоящей статье рассматриваются вопросы взаимодействия иностранного языка с элементами театральной педагогики. Особое внимание уделяется проблеме адаптации и преломления театральных этюдов в методике преподавания иностранного языка.

Ключевые слова: *театральные этюды и постановки на иностранном языке, театральная педагогика, иноязычный текст, страноведческий материал, план мероприятия, языковая импровизация*

Театр и мир вокруг него существуют уже с периода существования человечества, со времён Древней Греции, Римской империи, Древней Индии, Китая, Японии. Люди, приходя в театр, ждут какого-то яркого представления, чуда, игры, отдыха, расслабления или же, наоборот, напряжения, и желают увидеть на сцене уменьшенную копию нашей реальности из современной жизни или чего-то из минувшего, прошлого наяву.

Театр и театральная жизнь привлекает многих и у большинства людей есть желание заглянуть туда за кулисы, за широкий занавес и своим глазом лицезреть, что происходит, как там бурлит, кипит творческая работа актёров и перевоплощённых героев многообразных литературных произведений.

Одним из подступов в стремлении увидеть многогранный мир театра, его деятельности и театральной жизни изнутри является детский театр, школьный театр, студенческий театр или же самодеятельный театр на производстве или в Домах культуры. Все они представляют собой живой пример непосредственного включения участников труппы в кипучую воображаемую жизнь героев того или иного художественного произведения и выражение заложенных творческих задатков и возможностей на сцене, на публику, на зрителей и слушателей.

Сказанное выше касается, в основном, классического академического театра или самодеятельного театра. Мы же в нашей работе остановимся на вопросах:

1) взаимодействия таких двух областей наук, как театральная педагогика и лингводидактика [1, 34];

2) разработки театральных сцен, сценок, инсценировок на занятиях по иностранному языку [2, 16].

Включение этюдов и иных элементов театральной педагогики в сферу преподавания иностранных языков известно в методической науке давно. Часто используемыми в иноязычном обучении представлениями являются, например, драматизация и симуляция праздника урожая, Новый Год, Рождество, Пасха или постановка какой-либо сказки или отрывка художественного произведения страны изучаемого языка.

Сначала участники с преподавателем начинают составлять приблизительный рабочий план, сюжет или режиссёрскую экспликацию выступления на иностранном языке, подготавливать необходимый сценический реквизит. Педагог, как правило, сам предлагает учащимся иноязычный тематический материал, который предстоит им заучивать с чувством, толком и расстановкой, подсказывая им в оформлении грамотного и чёткого произношения, включающее в себя отработку идиоэтнических гласных и согласных, их долготу и краткость, ударных позиций в структуре слова, а также интонационного рисунка в синтаксических конструкциях.

Работу над представлением на иностранном языке на сцене следует начинать заблаговременно до назначенного срока, так как это нацеленная и большая работа, которую создать экспромтом с учащимися за короткий промежуток времени невозможно, даже при благополучном стечении обстоятельств.

Интересным и увлекательным представляется, на наш взгляд, драматизация и симуляция иноязычных постановок в урочное или же во внеурочное время. Это работа долгая, творческая, кропотливая. В нашей работе мы хотели бы поделиться своим опытом по проведению нашего языкового мероприятия и представить вашему вниманию план проведения такого праздника, как немецкое рождество. Для лучшего понимания инсценировка частично переведена на русский язык. В нашем обзоре мы опускаем [4, 37] литературоведческий анализ, событийное развитие, его радиальную структуру и, соответственно, фабулу и сюжет данного представления.

Дата проведения мероприятия: 16.12.23 в 12.00.

Тема: Рождество в Германии

Форма: Открытое мероприятие

Цели:

1. Раскрыть учащимся роль и значение немецкого рождества
2. Привитие любви к иноязычной культуре и стране изучаемого языка.
3. Привлечение интереса школьников к изучению немецкого языка.
4. Знакомство с традициями празднования Рождества в Германии,
5. Развитие устной речи, творческих способностей школьников

Оборудование: мультимедийный проектор, подготовленная презентация Power Point с символами немецкого рождества

Ход мероприятия

Звучит немецкая рождественская песня на немецком языке. Читает Арина. Ее перевод:

Каждый декабрь, во вьюгу и тишь
С неба спускается милый малыш.
И начинается тут торжество
Значит опять к нам пришло Рождество.

Амалия озвучивает немецкое рождественское стихотворение:

Morgen, Kinder, wird es geben.
Morgen werden wir uns freuen.
Welch ein Jubel, Welch ein Leben
Wird in unserem Hause sein!
Einmal werden wir noch wach.
Heia, dann ist Weinachtstag.

Василий: перевод текста на русском языке:

24 по 26 декабря - самые тихие дни в Германии. Учреждения, предприятия, магазины - закрыты. Все празднуют Рождество. Рождество в Германии - самый любимый праздник в Германии. И к нему готовятся заблаговременно.

Групповое исполнение немецкой песни: Alle Jahre wieder

Alle Jahre wieder
Kommt das Christuskind
Auf die Erde nieder
Wo wir Menschen sind

Kehrt mit seinem Segen
Ein in jedes Haus
Geht auf allen Wegen
Mit uns ein und aus

Ist auch mir zur Seite
Still und unerkannt
Dass es treu mich leite
An der lieben Hand

Любовь на немецком языке:

Слово адвент пришло из латинского языка и означает прибытие, ожидание и начинается с первого воскресения адвента, которое выпадает между 27 ноября и 3 декабря. Время адвента было временем покаяния, молитв, добрых дел и строго поста.

Стас на немецком языке: Каждая немецкая семья с нетерпением ждет Рождества. И немцы начинают готовиться к празднику задолго до этого. Это предпраздничное время называется Адвент.

Ильдар: Advent! Advent! Das Lichtlein brennt.
Erst eins, dann zwei, Dann drei, dann vier.
Dann steht das Christkind vor der Tür

Гузель: Advent, Advent, die erste Kerze brennt.
Die Weihnachtszeit beginnt.
Advent, Advent, die erste Kerze brennt.
Der Nikolaus kommt bestimmt.

Камилла; Advent, Advent, die zweite Kerze brennt,
Das Haus ist voll Tannenduft.
Advent, Advent, die zweite Kerze brennt.
es liegt was in der Luft.

Андрей: Advent, Advent, die dritte Kerze brennt.
nun ist es nicht mehr weit.
Advent, Advent, die dritte Kerze brennt.
Macht euch schon bereit.

Саша: Advent, Advent, die vierte Kerze brennt.
Die Päckchen sind gepackt.
Advent, Advent, die vierte Kerze brennt.
Bald ist Heilig'Nacht.

Групповое исполнение немецкой песни: Stille Nacht, Heilige Nacht, что в переводе означает: Тихая ночь, святая ночь.

Stille Nacht, heilige Nacht!
Alles schläft, einsam wacht
Nur das traute hochheilige Paar.
Holder Knabe im lockigen Haar,
Schlaf in himmlischer Ruh!

Stille Nacht, heilige Nacht!
Hirten erst kundgemacht
Durch der Engel Halleluja,
Tönt es laut von fern und nah:
Christ, der Retter ist da!

Stille Nacht, Heilige Nacht!
Gottes Sohn, oh, wie lacht
Lieb' aus deinem göttlichen Mund,
Da uns schlägt die rettende Stund,
Christ, in deiner Geburt!

Светлана на немецком языке: Дети ожидают рождество с нетерпением. Дети ставят обувь возле двери или вешают носки, чулки на окно. Если дети были послушными, утром они найдут там подарки св. Николая. Если ребёнок не слушался родителей, там будет лежать кусочек угля или прутик. Дети с нетерпением ожидают св. Николая и поют ему песенку:

Групповое исполнение рождественской песни:

Kling, Glöckchen, klingelingeling
Kling, Glöckchen, kling
Lasst mich ein ihr Kinder
Ist so kalt der Winter
Öffnet mir die Türen
Lasst mich nicht erfrieren
Kling, Glöckchen, klingelingeling
Kling, Glöckchen, kling

Kling, Glöckchen, klingelingeling
Kling, Glöckchen, kling
Mädchen hört und Buben
Macht mir auf die Stuben
Bring euch viele Gaben
Sollt euch dran erlaben
Kling, Glöckchen, klingelingeling
Kling, Glöckchen, kling
Kling, Glöckchen, klingelingeling
Kling, Glöckchen, kling
Hell erglüh'n die Kerzen
Öffnet mir die Herzen
Will drin wohnen fröhlich
Frommes Kind, wie selig
Kling, Glöckchen, klingelingeling
Kling, Glöckchen, kling

Артём:

Lieber, lieber Nikolaus,
Meine Stiefel stell' ich raus.
Gehst du in der Nacht durch Haus
Bitte lasse sie nicht aus!

Гульнара на немецком языке:

Адвен невозможно представить без рождественских символов. Самый главный из них - венок Adventskranz, которым украшают квартиры, офисы, школы и магазины. На нем 4 свечи, которые символизируют, что до Рождества должно пройти ещё 4 воскресения. Каждое воскресение на венке зажигают свечу. Красная лента на венке – символ крови, пролитой Иисусом за счастье людей. Зеленый цвет символизирует его верность и преданность людям и нашу верность Иисусу Христу.

Зульфия на немецком языке:

Кроме венка и пирамидки символом Рождества стал Adventskalender.

Когда в немецких домах появляется венок, дети часто спрашивают родителей «Когда же наступит Рождество?». Когда то очень давно дети рисовали на двери мелом 24 черточки, которые они зачеркивали каждый вечер и считали сколько дней осталось до праздника. Сейчас выпускают такие календари с 24 окошечками, в которых лежат маленькие шоколадки.

Юлия на немецком языке:

По всей Германии проходят рождественские базары, где можно купить елку, украшения для неё, подарки для родных и близких. В офисах и школах, больницах и магазинах, стоят празднично украшенные елки. А вечером улицы городов сверкают яркими огнями.

Рождественская песня всей группой Das Lied Oh, Tannenbaum (2), wie grün sind deine Blätter,

Сергей: Конечно же ни одно рождество не обходится без ёлки. Ёлка устанавливается в комнате, украшается фигурками из дерева, орешками, соломенными звёздами, восковыми фигурками.

Айгуль на немецком языке:

К зеленым ветвям ели подвешивали яблоки - символ плодородия, яйца - символ развивающейся жизни, гармонии и полного благополучия, орехи - непостижимость божественного помысла. Считалось, что наряженные таким образом ветки ели отводят злых духов и нечистую силу.

Юрий на немецком языке:

Ну и, конечно, главной композицией в эти дни является изображение яслей с маленьким Иисусом, его матерью и тремя волхвами. Макеты "яслей" устанавливаются в церквях, на рождественских рынках и в миниатюрном виде продаются в лавках.

Исполнение вместе рождественской песни:

So war der Herr Jesus geboren
im Stall bei der kalten Nacht.
Die Armen, die haben gefroren,
den Reichen war's warm gemacht.

Кристина на немецком языке:

Немецкий "Дед Мороз" называется "Рождественский дед" (Weihnachtsmann), у которого тоже есть мешок с подарками и который сегодня в представлении детей очень напоминает английского Санта Клауса. В Баварии же вместо Деда Мороза, прилетает Рождественский Ангел, который оставляет детям подарки.

Алина:

Süßer die Glocken nie klingen, als zu der Weihnachtszeit
Es ist ob die Engelein singen,
Wieder von Frieden und Freude
Glocken mit heiligem Klang
Klingen die Erde entlang.

Исполнение рождественской песни на немецком языке Alle Jahre wieder!

Ребята готовят заранее открытки сами, подписывают их следующими словами, которые они будут дарить друг другу и родителям:

Weihnachts- und Neujahrsglückwünsche:

Frohe Weihnachten und ein gutes (glückliches) neues Jahr!

Viel Glück im neuen Jahr!
Alles, alles Gute für das neue Jahr!
Ein gutes (gesundes und erfolgreiches) Neujahr!
Die besten Wünsche zum neuen Jahr !
(Meinen) Herzlichen Glückwunsch zum Jahreswechsel!
Meine besten Glückwünsche zum Weihnachts- und Neujahrsfest!
Frohe Festtage und viel Glück und Erfolg für das kommende Jahr!
Frohe Weihnachten und ein gutes (glückliches) neues Jahr in bester Gesundheit

Учащимся перед выступлением предстоит заучивать и удерживать большое количество иноязычной информации в памяти и помнить её во время иноязычного выступления, чётко без волнения воспроизводить заученный текст на сцене, а также сопутствующую пластику и движение. В связи с этим появляется потребность в многократной тренировке и заучивании иноязычного текста, перманентно повторяя произношение, артикуляцию иноязычных слов, следить за дикцией, чтобы быть понятным и перцептивным для слушателей и зрителей. Как уже мы ранее говорили, что постановка литературного произведения на иностранном языке занимает огромное количество времени, которое является трудоёмким и ценным, а это нужно учитывать.

Кроме того, не следует забывать разнообразные движения на сцене, пластику, динамику, танец, заученные тексты иноязычных песен, необходимо всегда помнить ту или иную роль иноязычного героя, имманентно вживаясь в его идиоэтнический образ, без ошибок и запинаний озвучивая диалоги и монологи иноязычного произведения.

Время от времени нужно переосмысливать вопросы организации сценических задач, импровизационные моменты, активно заниматься разжимом речевого аппарата, вопросами настройки голоса и тела во время репетиции. Также необходимо осознанно работать над избавлением и высвобождением излишней и ненужной скованности и волнения в теле.

В качестве заключения хотелось особо подчеркнуть, что проведение тематических выступлений на иностранном языке является делом полезным и нужным в плане расширения личного кругозора учащихся и содействует навыкам овладения свободной иноязычной речью.

Сцена, театр, непосредственная подготовка, инсценировки занимают огромное количество времени, требует концентрации памяти и внимания всех участников. Это особенно ярко, напряжённо, эмоционально и волнительно проявляется при подготовке к выступлению на иностранном языке.

Благодаря различным постановкам и сценкам у обучаемых происходит активное закрепление немецкого произношения, специфических идиоэтнических звуков, соответствующей интонации, ударных позиций в простых и сложных словах. Новые лексемы будут способствовать

расширению словарного запаса, знакомить учащихся с существующими реалиями и культурой стран изучаемого иностранного языка.

Использование такого комбинированного подхода, как соединение, синтез и симбиоз театральных этюдов в практике преподавания иностранного языка ведёт к активному формированию творческой личности, раскрытию заложенных талантов, помогает заронить интерес к иностранному языку, к театру, к высокому искусству. Театральные элементы на занятиях по иностранному языку ведут к высокому эстетическому восприятию реальности, даёт непосредственный живой импульс к жизни у молодого поколения, толчок к выражению позитивных эмоций, которые, в конечном итоге, будут выступать в качестве незабываемого финального результата [3, 28] многогранной работы всех участников постановки.

Список литературы

1. Hippe Eva, Hippe Lorenz. Theater Direkt – das Theater der Zuschauer. Ein Beitrag zur kollektiven Kreativität. – Weinheim: Deutscher Theaterverlag, 2011. – 188 S.

2. Sambanis Michaela, Walter Maik. In Motion. Theaterimpulse zum Sprachenlernen. Von neuesten Befunden der Neurowissenschaft zu konkreten Unterrichtsimpulsen. – Berlin: Cornelsen Verlag GmbH, 2019. – 80 S.

3. Габдуллин С.С. Рекламные тексты о туризме и отдыхе в немецких СМИ / Научный электронный журнал «Доклады Башкирского университета». Том 8. № 3. – Уфа: Изд-во УУНиТ, 2023. – С. 27-32.

4. Габдуллин С.С. Выражение причинно-следственных отношений в текстах немецких СМИ // Материалы Международной научной конференции «Гармония и алгебра текста: филология, семиотика, аналитика». – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2023. – С. 37-38.

© Габдуллин С.С., 2024

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ-ФИЛОЛОГАМ, ИЗУЧАЮЩИМ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВНОЙ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК

В статье представлены ключевые этапы освоения общеобразовательной дисциплины «Латинский язык» в рамках реализации учебного плана по специальности «Зарубежная филология», по профилю «Английский язык и литература». Подчеркивается исключительная важность преподавания классического языка студентам-филологам Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода. Представлен детальный план освоения дисциплины, начиная с истории древних цивилизаций и заканчивая глубоким филологическим анализом классических текстов на латинском языке.

Ключевые слова: латинский язык, английский язык, филология

Латинский язык, как известно, повлиял на развитие литературных европейских языков и прежде всего на зарождение и развитие романских языков. Германские языки также испытали мощное влияние латинского языка как в лексическом составе, так и в грамматическом строе.

Преподавание латинского языка предполагает, во-первых, ознакомление с краткой историей латинского языка, его ролью в формировании новых языков и использованием в различных областях человеческой деятельности; во-вторых, ознакомление с историей древних бриттов: образ жизни древних бриттов Центральной Европы и Британии, контакты бриттов с римской цивилизацией и латинским языком, пути проникновения элементов латинского языка в британские языки в эпоху Римского господства и в более поздние периоды.

В процессе работы перед студентами ставятся следующие задачи:

1. усвоение правил фонетики и грамматики,
2. заучивание лексических минимумов (около 400 лексических единиц),
3. сопоставление их с лексическими единицами английского языка и интернациональной лексикой.

Приступая к изучению фонетики, студенты знакомятся с историей возникновения латинского алфавита, собственно латинским алфавитом и его сопоставлением с алфавитом английского языка, правилами чтения и ударения. Работа с фонетическими упражнениями позволяет достичь правильного чтения, ударения и хорошего темпа прочтения слов, фраз,

текста, а также безошибочного обнаружения латинских «вкраплений» во фрагментах текстов на английском и немецком языках и почти безошибочного – в текстах на французском, итальянском, испанском, румынском, молдавском языках.

Работа со словарным составом латинского языка предполагает следующее: латинская лексика должна изучаться и изучается не изолированно, а в тесной связи с грамматическим материалом, диктующим выбор лексических единиц. Грамматика и лексика вводятся комплексно. И в этом единстве, выполняя организующую роль, определяющей является грамматика. Так, например, при объяснении первого склонения имён существительных и прилагательных в качестве лексического минимума для заучивания наизусть предоставляются соответствующие грамматической теме лексические единицы. То есть грамматика способствует увеличению словарного запаса. С другой стороны, выбор латинской лексики всегда ориентирован на этимологическое родство с английским языком.

Например:

aqua > aqueduct,

filia > filial, filiation,

nauta > nautical,

longa > prolongation,

premere > presse.

Этимологическое родство помогает студентам более осознанно и с наименьшими усилиями овладеть лексико-грамматической базой. Поэтому заучивание и цитирование латинских вокабул для студентов труда не представляют.

Грамматика всегда проблематична, особенно на начальных этапах обучения. Аналитизм английского языка нелегко уживается с латинским синтетизмом. Основные трудности, с которыми сталкиваются студенты, можно охарактеризовать следующим образом:

1. усвоение пяти склонений имён существительных, трёх склонений имен прилагательных, а также способов выражения падежных отношений в английском языке;
2. синтаксис падежей латинского языка;
3. согласование прилагательных с существительными в роде, числе и падеже;
4. общая характеристика латинского глагола и её особенности;
5. видовременная характеристика латинского глагола и существующие соответствия в английском языке;
6. грамматическое введение записей при выполнении домашнего задания.

Усвоению лексико-грамматического материала способствуют следующие виды учебной аудиторной работы, а также самостоятельной работы студентов с основной и дополнительной рекомендуемой

литературой по дисциплине [1-3]: проведение углублённых опросов, предоставление индивидуальных заданий с последующим опросом, работа по переводу текста с подстрочником и дальнейшим анализом форм, перевод с русского языка на латинский, что дает хороший результат в понимании грамматики, составление грамматических таблиц.

Необходимо ещё раз подчеркнуть важность проведения, где возможно, параллелей между латинским и английским языками на всех уровнях языка.

Например:

Accusatīvus cum infinitīvo > the Objective-with-the Infinitive Construction
Ablatīvus absolūtus > the Nominative Absolute Participial

Тематика текстов, предназначенных для чтения, перевода и лексико-грамматического анализа, различна: Древний Рим (география, население, культура и пр.), галльские войны, поход Цезаря в Британию, античная мифология, Троя, Спарта [4].

Таким образом, урок латинского языка в группах, изучающих английский язык как основной иностранный язык, способствует расширению лингвистического и культурно-исторического кругозора, учит сопоставлять языковые факты, развивает внимание и логическое мышление.

Список литературы

1. Денисова Л.А. Латинский язык: учеб. пособие. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – 112 с.
2. Подосинов А.В. Введение в латинский язык и античную культуру. – М.: Флинта, 1998. – 192 с.
3. Ярхо В.Н., Лобода В.И. Латинский язык. – М.: Высшая Школа, 1998. – 384 с.
4. *Chraestomatia latina* (Хрестоматия латинских текстов) / сост. В.П. Смышляева. – Уфа: БашГУ, 2003. – 70 с.

© Денисова Л.А., 2024

Камалов Р.И.

*канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия*

Дёмина О.Ф.

*канд. филол. наук, доцент УУНиТ,
г. Уфа, Россия*

ГРАММАТИКА В ПРАКТИЧЕСКОМ КУРСЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В данной работе рассматривается место и роль грамматики в обучении русскому языку как иностранному (РКИ). Подчеркивается, что грамматика является фундаментальной составляющей процесса преподавания РКИ, определяющей структуру и функционирование языка. Раскрываются основные методики преподавания грамматики в практическом курсе обучения РКИ.

Ключевые слова: *грамматика, методика, речевая практика, коммуникация.*

Грамматика, будучи фундаментом языка, определяющим его структуру и правила функционирования, играет ключевую роль в преподавании русского языка как иностранного. Понимание грамматических структур иностранными учащимися является неотъемлемой частью успешного изучения языка. Первостепенная роль грамматики в овладении любым иностранным языком, в том числе и русского, заключается в том, что она является необходимой базой, без которой полноценное использование языка в качестве средства коммуникации не представляется возможным.

Учёный-лингвист Е.Б. Захава-Некрасова отмечала, что «грамматика занимает центральное место в системе обучения иностранных учащихся русскому языку на начальном этапе и играет в процессе обучения ведущую роль» [2]. Понимание грамматических правил позволяет ученикам образовывать слова, строить предложения и гармонично сочетать различные языковые элементы. В свою очередь, отсутствие прочных грамматических знаний, может вести к неправильному использованию языка, нечеткости в выражении собственных мыслей.

Так, грамматическое согласование является важным аспектом русской грамматики, заключающееся в том, что определённые части предложения необходимо согласовывать в роде, числе и падеже, например, существительные и прилагательные (Настя ищет большую сумку (вместо «большой сумка»)), что может оказаться трудным для восприятия иностранцами, в родных языках которых не имеется системы падежей, как, например, в языках аналитического строя.

Сложная система русских падежей, определяющих функцию существительного в предложении, позволяет указывать на взаимоотношения между существительными, глаголами и другими частями речи в предложении. Например: Он взял (что? В.п.) игрушку из коробки.

Временные формы глаголов в русском языке указывают на время действия или состояния. Их правильное использование позволяет точно выражать последовательность событий и время действия в предложении. Например: Я ходил в магазин вчера; Я иду в магазин сейчас. Здесь также необходимо указать на порядок слов в русском предложении, который имеет свою логику и особенности. Обычно основные правила порядка слов включают размещение глагола во второй позиции в утвердительных предложениях, существительного после прилагательного и т. д. Правильное использование порядка слов позволяет сделать предложение более логичным и понятным. Например, иностранцы часто могут путать местами слова в предложении: вместо «Я ем сладкое яблоко», могут употреблять «Сладкое я яблоко ем».

В методике преподавания РКИ существуют различные подходы к изучению грамматики. Один из них, называемый «пассивной грамматикой», сосредоточен на изучении функций и значений грамматических форм. Другой подход, «активная грамматика», фокусируется на практическом применении этих форм. В обучении РКИ оба подхода могут использоваться в сочетании.

Учебный материал по грамматике должен быть организован комплексно-концентрически, с постепенным расширением подаваемой информации. Комплексный подход в данном случае предполагает совокупную подачу материала по всем частям речи и синтаксическим единицам. Правильно отобранный материал помогает студентам постепенно и систематически овладевать грамматической структурой языка.

При формировании грамматического минимума на начальном этапе изучения РКИ стоит учитывать ряд важных факторов. Во-первых, при обучении языку необходимо предлагать наиболее употребительные в речи морфологические формы и синтаксические конструкции. Во-вторых, отбирая грамматический материал, полагается учитывать его практическую ценность для коммуникации. В-третьих, нужно принимать во внимание соответствие отобранного материала общей системе русского языка. И, наконец, важно, чтобы грамматические темы были тематически и ситуативно связаны с содержанием обучения на начальном этапе. Методисты предлагают учитывать следующее:

1. употребляемость – часто употребляемые конструкции и формы должны быть включены в материалы обучения;
2. стилистическая нейтральность – формы и конструкции с эмоционально-экспрессивным оттенком следует исключить из материалов

на первоначальном этапе, так как они могут представлять сложность для начинающих изучать русский язык;

3. образцовость – необходимость включения шаблонных форм и конструкций для дальнейшего использования при образовании новых форм по определенному алгоритму;

4. исключение синонимов – синонимичные формы и конструкции на начальном этапе обучения необходимо исключать во избежание путаницы при выборе нужной лексической единицы;

5. ограниченность лексического минимума – необходимо адаптировать грамматический материал к объему лексического минимума, чтобы соответствовать принципам комплексно-концентрической методики;

6. учитывание особенностей родного языка – требуется уделять внимание отсутствующим или частично совпадающим с родным языком морфологическим формам и синтаксическим конструкциям [1, с. 107].

Традиционно грамматический минимум для начального этапа включает в себя следующие морфологические темы, которые подаются во время обучения в определенной последовательности (от лёгкого к сложному): склонение существительных, изменение прилагательных по родам, числам и падежам, использование местоимений, употребление числительных, спряжение глаголов, видовременные формы глагола, наречия, предлоги, союзы, частицы и модальные слова. А также на начальном этапе необходимо ввести простые словосочетания, простые и сложные предложения, синтаксические связи и активные словообразовательные модели.

Таким образом, на начальном этапе обучения русскому языку грамматический минимум необходимо составлять, учитывая важные грамматические формы и конструкции, необходимые для формирования начальных навыков общения.

Соотношение между подбором грамматического материала и речевой практикой в обучении языку представляет определенную сложность. По мнению З.Н. Иевлевой, основная трудность заключается в том, чтобы соотносить содержание обучения с его конечной целью – овладением коммуникативными навыками [3], то есть необходимо установить взаимосвязи между грамматическим материалом, который носит обобщенный, абстрактный и систематизированный характер, и определёнными способностями и навыками в различных видах речевой деятельности. Иными словами, необходимо понять, каким образом грамматические знания связаны с развитием коммуникативных компетенций учащихся.

Материал для изучения грамматики и речевая практика, безусловно, тесно связаны друг с другом. К примеру, грамматический материал служит основой для формирования и развития языковых навыков, является основой для понимания и продуцирования речи в различных ситуациях общения,

однако простое владение грамматическими правилами не является достаточным для свободного овладения языком. Необходима реальная практика общения, при которой иностранные студенты будут применять грамматический материал в речевой деятельности. Грамматические навыки формируются через систематическую тренировку и применение грамматических правил в практических ситуациях. Упражнения, нацеленные на повторение и применение грамматического материала, играют важную роль в развитии устной и письменной речи студентов.

Тем не менее, чтобы завершить формирование и совершенствование грамматических навыков, необходимо интегрировать их в реальные коммуникативные ситуации и обеспечить активное использование их в речевой деятельности, в чём главную роль должен сыграть преподаватель, обучающий иностранцев, который должен иметь четкое представление о грамматике русского языка и глубокое понимание грамматических правил и структур. Ему необходимо преподнести грамматику в доступной и понятной форме, объяснить сложные концепции и языковые явления с помощью наглядных примеров, схем, таблиц и иллюстраций, использовать разнообразные методы и подходы к обучению грамматике, учитывать разные стили обучения и индивидуальные особенности студентов, так как некоторые студенты могут предпочитать более формальные и структурированные методы, в то время как другие могут быть более визуальными или аудиальными и предпочитать более интерактивный подход. Преподаватель также должен регулярно оценивать прогресс студентов в обучении грамматике, проводя проверочные и контрольные работы, тесты и предоставляя обратную связь и конструктивные комментарии, чтобы студенты могли проработать ошибки и совершенствовать свои навыки.

Развитие технологий и широкая доступность интернета предоставляют преподавателям все больше возможностей для использования новых и инновационных методов обучения, что также представляется важным аспектом в практике обучения русскому языку. Это способствует повышению эффективности образовательного процесса и позволяет достигать более высоких результатов в обучении студентов.

Одной из важных методик является коммуникативный подход, который акцентирует внимание на коммуникации и практических навыках учащихся. Указанный подход основан на создании ситуаций реального общения, в которых студенты активно участвуют и применяют свои языковые знания и навыки. Применение таких инструментов, как ролевые игры, инсценирование модели общения в реальной жизненной ситуации, диалоги и задача-ориентированные активности, даёт возможность студентам использовать грамматические знания в практической речевой деятельности, что, в свою очередь, способствует развитию их навыков аудирования и говорения.

Методисты также признают контекстное обучение в качестве эффективной методики, так как оно основывается на том, что грамматические правила и структуры языка усваиваются в контексте конкретных ситуаций и текстов. Вместо изучения правил отдельно от контекста, студенты изучают их в реальных контекстах, таким образом, связывая грамматику с реальным использованием языка, что способствует более глубокому пониманию грамматических структур и применению их в практической речи.

В качестве ещё одной уникальной методики предлагается аутентичное обучение, при котором преподавателю рекомендуется использовать оригинальные материалы, такие как фильмы, видео, игры, аудиозаписи, статьи и другие, чтобы погрузить студентов непосредственно в русскоязычную среду, что поможет им развить навыки понимания аутентичного материала.

В результате использования указанных выше методик процесс обучения становится более действенным и результативным. Преподаватель, гибко применяя их, должен учитывать потребности и цели студентов, обеспечивать поддерживающую обучающую среду и постоянную обратную связь для успешного освоения грамматического материала.

Таким образом, грамматика является фундаментальной составляющей практического курса обучения РКИ. Она обеспечивает формирование языковой и коммуникативной компетенции учащихся, а также способствует систематизации языковых явлений. Для эффективного преподавания грамматики в рамках практического курса РКИ необходимо использовать интегративный подход, дифференцированное представление материала и сочетание имплицитных и эксплицитных методов обучения.

Список литературы

1. Дмитриева Д.Д. Особенности формирования грамматических навыков речи на начальном этапе обучения РКИ // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2021. – Т. 10. – № 2(35). – С. 106–108.
2. Захава-Некрасова Е.Б. Роль и место грамматики в процессе обучения русскому языку на начальном этапе // Русский язык и методика его преподавания не русским: учебное пособие. – Москва, 1973. – С. 52–60.
3. Иевлева З.Н. Методика преподавания грамматики в практическом курсе русского языка для иностранцев. – М.: Русский язык, 1981. – 144 с.
4. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 267 с.

© Камалов Р.И., Дёмина О.Ф., 2024

СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемы статуса русского языка как средства межнационального общения. Автором сделаны выводы о том, что русский язык, несмотря на глобальные социально-экономические изменения, продолжает выполнять на постсоветском пространстве ряд значимых функций. Прежде всего это функция языка межгосударственного значения, языка науки и культуры.

***Ключевые слова:** русский язык, межкультурная коммуникация, средств речевого общения, государственный и национальные языки.*

Еще в древнейшие времена необходимость межнационального общения в сфере науки, культуры, дипломатии способствовала появлению языков-посредников. Языком-посредником называется язык, принимаемый некоторым количеством стран и народов (в идеале – всеми странами и народами, существующими на Земле) в качестве основного средства межнационального общения [3].

Выдвижение, становление и функционирование русского языка как средства межнационального общения проходили в разных исторических условиях и на различных этапах развития общества. Употребление русского языка как неродного для преодоления языкового барьера между представителями разных народов насчитывает не одно столетие, поэтому в истории русского языка как средства межнационального общения условно можно выделить три периода, каждый из которых характеризуется своими специфическими особенностями: первый период – до начала XX в. в России; второй период – до конца 80-х годов в СССР; третий период – с начала 90-х годов в РФ и странах ближнего зарубежья.

Русский язык был и продолжает оставаться одним из ведущих мировых языков. Сейчас он занимает в мире третье место после китайского (свыше 1 млрд человек) и английского (750 млн человек). Русский язык – это один из шести официальных языков ООН, официальный или рабочий язык в большинстве авторитетных международных организаций, таких как МАГАТЭ, ЮНЕСКО.

«В мире на русском языке говорят более 300 млн человек, в том числе более 140 млн считают его своим родным языком. Русский язык является языком общения более 160 народов и национальностей» [1].

Граждане России понимают значимость русского языка как способа консолидации народов нашей страны, однако сегодня в сознании молодежи получили широкое распространение равнодушие, эгоизм, цинизм, неуважительное отношение к государственному языку. Это вызывает беспокойство за будущее России, а ведь судьба страны в полной мере зависит от развития общества, основу которого составляет молодое поколение. По словам Л. Н. Толстого, «нравственность человека видна в его отношении к слову».

Проблема осознается как несоответствие качества знаний, умений и навыков по предмету «русский язык» ожидаемым результатам, закрепленным в различных государственных документах.

Государственный язык в нашей стране – русский. «Русский язык был и продолжает оставаться одним из ведущих мировых языков. Сейчас он занимает в мире третье место после китайского (свыше 1 млрд человек) и английского (750 млн человек). Русский язык – это один из шести официальных языков ООН, официальный или рабочий язык в большинстве авторитетных международных организаций, таких как МАГАТЭ, ЮНЕСКО» [1]. Граждане России понимают значимость русского языка как способа консолидации народов нашей страны, однако сегодня в сознании молодежи получили широкое распространение равнодушие, эгоизм, цинизм, неуважительное отношение к государственному языку. Это вызывает беспокойство за будущее России, а ведь судьба страны в полной мере зависит от развития общества, основу которого составляет молодое поколение. По словам Л.Н. Толстого, «нравственность человека видна в его отношении к слову».

Проблема осознается как несоответствие качества знаний, умений и навыков по предмету «русский язык» ожидаемым результатам, закрепленным в различных государственных документах. «Русский язык был и продолжает оставаться одним из ведущих мировых языков. Сейчас он занимает в мире третье место после китайского (свыше 1 млрд человек) и английского (750 млн человек). Русский язык – это один из шести официальных языков ООН, официальный или рабочий язык в большинстве авторитетных международных организаций, таких как МАГАТЭ, ЮНЕСКО» [4]. «В мире на русском языке говорят более 300 млн человек, в том числе более 140 млн считают его своим родным языком. Русский язык является языком общения более 160 народов и национальностей» [2; 4].

В разных странах изучают русский язык, ставший языком международного значения, наряду с английским, испанским, китайским. На русском языке публикуются документы Организации Объединенных Наций, на нем составлены международные соглашения и договоры по жизненно важным вопросам сотрудничества народов земного шара [5]. Интерес к русскому языку связан со стремлением людей разных стран

ближе познакомиться с культурой России, ее научным и техническим потенциалом, традициями.

Таким образом, русский язык имеет мировое значение. Еще одним фактором, сыгравшим немаловажную роль в признании русского языка языком межнационального общения, стало расселение русскоязычных жителей в малонаселенные территории вглубь страны. А реформация 1861 года и разработка новых территорий поспособствовали переходу в общении на русский язык нерусского населения. Все языки, на которых разговаривают народности, проживающие на территории России, постоянно равноправно развиваются и взаимообогащаются и роль русского языка в многонациональной России – это межнациональное общение. К сожалению, русский язык, будучи основным языком межнационального общения в СССР и странах СНГ, смог сохранить свои позиции далеко не во всех республиках, получивших самостоятельность [6].

Тем не менее, можно говорить об определенной стадии функционирования русского языка, сохранившего, несмотря на социальные и политические перипетии, статус: 1) мирового и международного, 2) государственного и межнационального внутри СНГ и РФ.

В складывающихся условиях важно сохранить высокий уровень речевой культуры на всех уровнях и во всех сферах применения русского языка, а дву- / полиязычие с русским лингвистическим компонентом также рассматривать как весьма перспективное явление во всех отношениях: в повседневной жизни, в сфере образования, культуры, науки и т.д.

Список литературы

1. Доклад МИД РФ. Роль русского языка в мире: новые вызовы и решения // http://www.mid.ru/ns-vnprop.nsf/osn_copy/F5503AF2EBBC56EFC325704300315469 (дата обращения 27.04. 2024 г.).

2. Ишмуратова Л.Н., Фаткуллина Ф.Г. Занимательный русский язык: Учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 220 с.

3. Мусорин А.Ю. Основы науки о языке. Общие сведения о языке и языках // <http://www.binetti.ru/> (дата обращения 27.04. 2024 г.).

4. Пьянков А.Е. Статус русского языка в странах СНГ // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2011. – № 3 (47). – С. 55.

5. Фаткуллина Ф.Г. Сопоставительная лингвокультурология: Учебное пособие / Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – 104 с.

6. Хайруллина Р.Х., Фаткуллина Ф.Г. «Родные & иностранные языки: равновесие или противостояние?» // Вопросы этнополитики. Москва: РГГУ, 2020. – № 2. – С. 10-17.

© Фаткуллина Ф.Г., 2024

Шакирова Р.Д.

*д-р филол. наук, доцент НГПУ,
г. Набережные Челны, Россия*

Щербакова И.А.

*старший преподаватель Елабужского института
Казанского федерального университета,
г. Елабуга, Россия*

КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ВЕДЕНИЯ ДЕЛОВОГО РАЗГОВОРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НОСИТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В настоящей работе обсуждается трактовка понимания словосочетания «культурно приемлемого ведения делового разговора», закрепленного в качестве индикатора универсальной компетенции в программе магистратуры по педагогическому образованию. В силу того, что эта компетенция реализуется в процессе изучения дисциплины «Иностранный язык в профессиональной коммуникации», интерес представляет его понимание носителями английского языка как одной из сторон академического и профессионального взаимодействия. Анализ словарных дефиниций в толковых словарях английского языка позволил нам прийти к заключению о том, что при ведении делового разговора с точки зрения культурных особенностей необходимо обратить внимание на общепринятое поведение людей определенной страны, общества или группы, с учетом их традиций, привычек и верований.

Ключевые слова: *культурно приемлемый, деловой разговор, традиция, привычки, носитель английского языка.*

Образовательная программа магистратуры по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование в соответствии с ФГОС предполагает формирование такой универсальной компетенции, как способность применять современные коммуникативные технологии на иностранном языке для академического и профессионального взаимодействия [4]. При этом обучающийся должен быть подготовленным к культурно приемлемому ведению деловых разговоров на иностранном языке. В настоящей работе мы хотели бы остановиться на раскрытии сути понимания «культурно приемлемого ведения разговора» с точки зрения носителя английского языка, поскольку эта компетенция формируется в рамках дисциплины «Иностранный язык в профессиональной коммуникации» и предполагает подготовку к общению с представителями англоязычных стран, одной из которых и является Великобритания.

Известно, что зарождение культуры неразрывно связано с появлением и становлением человека разумного. Культура не создается мгновенно в

минимальный промежуток времени, а имеет длительный подготовительный период, который имеет прямое отношение, в том числе к эволюции человеческого труда и возникновению общественного строя.

Приступая к обсуждению обозначенной темы, остановимся прежде всего на лексеме *культура/culture*, которая происходит от латинского слова *cultura* «возделывание, земледелие» и в переносном значении означает «заботу, культуру, почитание». Впервые слово *culture* в значении «самосовершенствования посредством образования» было зафиксировано в английском обществе около 1500 года. Позже через три столетия слово *culture* дебютирует в значении «интеллектуальная сторона цивилизации». Сравнительно недавно, а именно с 1867 года слово *culture* начало употребляться в значении «коллективные обычаи и достижения народа».

Признанное классическим в английском социуме определение культуры, было дано британским антропологом XIX века Э. Б. Тайлором в первом абзаце его книги «Первобытная культура»: «Культура ... это то сложное целое, которое включает в себя знания, веру, искусство, мораль, закон, обычаи и любые другие способности и привычки, приобретенные человеком как членом общества» [3].

В «Большой российской энциклопедии» культура определяется как исторически сложившийся образ жизни людей, включающий в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления, технику и технологии, способы мышления, деятельности, взаимодействия и коммуникации и т. д. [1].

Как видим из перечисленных определений культуры, это понятие имеет множество различных смысловых оттенков и определений. В контексте данной работы мы остановимся на изучении культуры с поведенческой точки зрения.

В ходе изучения толкования лексемы *культура/culture*, были рассмотрены словарные статьи, посвященные дефиниции слова, в основных британских словарях, а также в Британской энциклопедии.

В оксфордском словаре «Oxford Advanced Learner's Dictionary» слово *культура/culture* определяется через понятие образа жизни, в котором отражаются обычаи и верования, искусство и социальная организация конкретной страны или группы [8].

Кембриджский словарь Cambridge Dictionary связывает слово *культура/culture* с привычками, традициями и верованиями страны, общества или группы людей [5].

Согласно словарю Collins Online Dictionary, *культура/culture* представляет собой особое общество или цивилизацию, рассматриваемое в связи с их верованиями, образом жизни или искусством, в другом значении речь идет о культуре конкретной организации или группы людей, которая проявляется через их привычки и их обычное поведение [6].

В британско-американской универсальной энциклопедии «Британская энциклопедия» под *культурой/culture* понимается в первую очередь поведение, свойственное человеку. В составе понятия культуры содержатся такие, казалось бы, далекие друг от друга элементы, как, например, язык, идеи, верования, обычаи, с одной стороны, и кодексы, институты, инструменты, техники, произведения искусства, ритуалы и церемонии, с другой. Особый акцент делается на тот факт, что существование и использование культуры зависит от способности, которой обладают только люди [7].

Суммируя толкования слова *культура/culture* на основе анализа словарных дефиниций, можно отметить, что в англоязычных словарях эта лексема связывается со стереотипным поведением людей определенной страны, общества или группы, в котором учитываются традиция и привычки этого народа, а также религиозный аспект. Следовательно, можно утверждать, что культурно приемлемым может быть такое ведение разговора, которое соотносится с обычаями, верованиями, образом жизни или социальной организацией конкретной страны или группы лиц.

В качестве главных черт национального характера, которые оказывают существенное влияние на поведение англичан как в повседневной, так и в деловой жизни, называются сдержанность, уравновешенность, невозмутимость перед лицом обстоятельств, а также неукоснительное следование привычкам и традициям [2]. Для британцев не свойственно безудержно проявлять свои чувства.

Касательно религиозной сферы жизнедеятельности представителей британского социума стоит отметить, что самой распространенной религией в Англии является христианство. Большинство жителей Британии исповедуют протестантизм, который относится к основным христианским направлениям наряду с православием и католичеством.

Итак, при проведении занятий по дисциплине «Иностранный язык в профессиональной коммуникации» следует обратить внимание на необходимость учета культурного аспекта ведения делового разговора в процессе академического и профессионального взаимодействия. Для представителей британского социума большое значение имеет соблюдение обычаев и образа жизни, а также стереотипного поведения в рамках определенной группы людей. Не следует упускать из вида и их верования.

Список литературы

1. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/c/kul-tura-26efdd?ysclid=lp5ifzkolu619852198>(дата обращения 19.11.2023).
2. Коршунова Е.С. Образ англичанина в массовом сознании современного российского общества // Е.С. Коршунова / Омский научный вестник, 2012. – С. 106-109.

3. Тайлор Э.Б. Первобытная культура: [Пер. с англ.] / Э.Б. Тайлор; [Предисл. и примеч. А. И. Першица]. – Москва: Политиздат, 1989. – 572 с.
4. ФГОС 44.04.01 Педагогическое образование Приказ Минобрнауки России от 22.02.2018 N 126 (ред. от 08.02.2021). Зарегистрировано в Минюсте России 15 марта 2018 г. N 50361[Электронный ресурс]. – URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-44-04-01-pedagogicheskoe-obrazovanie-126/?ysclid=lp5i7ei1ie655301164> (дата обращения 19.11.2023).
5. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/?ysclid=lp5hu2e4q0659132740> (дата обращения 19.11.2023).
6. Collins Online Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/?ysclid=lp5huoojwr937373882> (дата обращения 19.11.2023).
7. Encyclopedia Britannica [Electronic resource]. – URL: <https://www.britannica.com/> (дата обращения 19.11.2023).
8. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/?ysclid=lp5htfki65365503071> (дата обращения 19.11.2023).

© Шакирова Р.Д., Щербакова И.А., 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Бакиев А.Г., Черепанова Е.М. ИНТЕГРАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ СИНЕРГЕТИКИ В ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ	3
Бен Шушан А.А. ОСОБЕННОСТИ ЭМПАТИЙНОГО РЕЧЕВОГО АКТА ПОЗДРАВЛЕНИЯ В СИТУАЦИИ «ВИРТУАЛЬНАЯ СВАДЬБА»	6
Бодулева А.Р., Янгирова Г.В. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЧЕВОГО АКТА НЕОДОБРЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ У. ФОЛКНЕРА «ШУМ И ЯРОСТЬ»)	11
Войцех К.Д. ИНОСКАЗАТЕЛЬНЫЕ ПРИЁМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ	15
Газизов Р.А. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОПТИМИЗАЦИИ ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ НЕМЦЕВ	20
Гафарова Г.В. ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ	24
Голиус М. Ф. МАРКЕТИНГОВЫЙ ДИСКУРС: ПОНЯТИЕ, ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ	29
Голиус М. Ф. МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МАРКЕТИНГОВОГО ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ АВТОМОБИЛЬНЫХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ	33
Давлетова Я.А. РОЛЬ РЕАКЦИИ «МНЕНИЕ» В ХОДЕ ФОРМИРОВАНИЯ «КОНТР-ТЕКСТА» (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА ПОСЛОВИЦ)	37

Каримова Р.Х. СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (на материале немецкого языка)	41
Касымова О.П. НЕОЛОГИЯ В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ)	46
Кудряшева Ф.С., Сабатье К. О РОЛИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	50
Петухов А.С. ФЕНОМЕН РЕДУПЛИКАЦИИ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ ТИПОВ	54
Пешкова Н.П. СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИМПЛИЦИТНОСТИ В ТЕКСТЕ	59
Салимов Р.А. АББРЕВИАТУРЫ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	64
Самигуллина А.С., Корзун А.В. FROM CULTURE OF SPEECH TO ECOLOGY OF LANGUAGE	69
Шафиков С.Г. ОБСТОЯТЕЛЬСТВО КАК СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИНФИНИТИВА В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ	74
Языкова Ю. ТАКТИКА УГРОЗЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ И ЕГО ЭКРАНИЗАЦИИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ	79
Яркова В.В. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛА «МАЛЕВАТЬ» В АСПЕКТЕ АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ	83

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

- Белова Ю.А., Календарева А.И.
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ТЕАТР»
В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ РОМАНА
Т. ДРАЙЗЕРА «СЕСТРА КЕРРИ»88
- Биктимирова М.М.
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОМПОНЕНТОВ
СЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ИСКУССТВА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ 93
- Морозкина Е.А., Исмагилова Э.Ж.
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НИЦШЕАНСКОЙ ИДЕИ «СВЕРХЧЕЛОВЕКА»
В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ РОМАНА ДЖ. ЛОНДОНА
«МОРСКОЙ ВОЛК» 97
- Исхакова Э.В., Смирнова В.А.
ПРИЕМЫ РЕКУРСИИ И РЕДУПЛИКАЦИИ В ОРИГИНАЛЕ
И ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ ДЖ. БАРНСА102
- Камалов Р.И., Усатенко Г.О.
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ
(НА ПРИМЕРЕ КОМИКСОВ)106
- Корнилова А.Д.
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА РЕМАРОК
(НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛА И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
ВЕРСИЙ ПЕРЕВОДА ПЬЕСЫ А.П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ
САД») 112
- Латыпова Л.Ч.
ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА И
ОПРЕДЕЛЕНИЕ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА) 117
- Морозкина Е.А., Иткулова Т.И.
ПЕРЕВОД НОМИНАЦИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЯ
НЕФТЕГАЗОВОЙ СФЕРЫ.....123
- Сафина З.М.
СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ
ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА.....127

Терентьев О.С.
ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МИФОЛОГЕМЫ
«ЗЕВС» В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ РОМАНА
ДЖ. АПДАЙКА КЕНТАВР..... 130

Хромова А.А.
СПЕЦИФИКА АНГЛО-РУССКОГО МАШИННОГО
ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ,
ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В ОБЛАСТИ НЕЙРОБИОЛОГИИ.....134

Чераги Б.
ТРУДНЫЕ СЛУЧАИ В УПОТРЕБЛЕНИИ
ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ СТРУКТУР С
ИМПЛИЦИТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И
ИХ ПЕРЕВОДЫ НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК.....138

Чжу Шуан
КИТАЙСКАЯ СИСТЕМА РОДСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛА И
РУССКОЯЗЫЧНОГО ПЕРЕВОДА РОМАНА БА ЦЗИНЯ «СЕМЬЯ»).... 142

***ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ***

Гилязова Д.Р.
ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛИ КОММУНИКАЦИИ В ПОРОЖДЕНИИ
И УКОРЕНЕНИИ СТЕРЕОТИПОВ.....147

Гули-заде Р.Н.
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЕЁ РОЛЬ
И ВЛИЯНИЕ НА ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ..... 151

Дамман Е.А.
КОНТАКТЫ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР:
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ
ЛСГ «FOOD» АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)..... 156

Киселева Я.Н., Фаткуллина Ф.Г.
ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНИИ)162

Нгуен Тхи Зиеу Линь
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД В РУССКИХ
ПОСЛОВИЦАХ С ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ
(ПРИ СОПОСТАВЛЕНИИ С ВЬЕТНАМСКИМИ ПОСЛОВИЦАМИ)....170

Хайдарова С.М.
ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ.....174

Чжао Юаньцзэ, Кудинова Г.Ф.
КОНЦЕПТОСФЕРА СЕМЬЯ / 家 В РУССКОЙ
И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ.....178

ВОПРОСЫ КВАНТИТАТИВНОЙ И КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Мифтахова Р.Г.
ПОДГОТОВКА ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ
ДЛЯ АНАЛИЗА: КЛАССИФИКАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕКСТА.....183

Смакова А.Л.
ВАРИАТИВНОСТЬ ПЕРЕВОДА ГЛАГОЛА МАУ
(MIGHT) В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЯХ РОМАНА
Т. ДРАЙЗЕРА «ФИНАНСИСТ».....188

СОВРЕМЕННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МЕДИА-ДИСКУРСЕ

Алимбеков Д.О.
НЕОЛОГИЗМЫ И ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ МЕДИАДИСКУРСА.....193

Лебедева А. В.
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ РЕЧЕВОГО
ПОРТРЕТА МЕДИЙНОЙ ЛИЧНОСТИ,
СФОРМИРОВАННОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ
И НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ УЧАСТНИКАМИ ДИСКУРСА.....197

Маркова В.Ю.
ТЕХНОЛОГИЯ CLIL КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАМОТНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ.....200

Сабер Айман И.Э.С
ТУРИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОСОБЫЙ ПОДВИД
РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА.....206

Соколова А.Ю., Киселева Я.Н
ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ
МЕДИА-ДИСКУРСА.....213

***ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ
РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ***

Габдуллин С.С.
О ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОСТАНОВКАХ НА ИНОСТРАННОМ
ЯЗЫКЕ В УРОЧНОЕ И ВНЕУЧЕБНОЕ ВРЕМЯ.....216

Денисова Л.А.
СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА
СТУДЕНТАМ-ФИЛОЛОГАМ, ИЗУЧАЮЩИМ АНГЛИЙСКИЙ
ЯЗЫК КАК ОСНОВНОЙ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК.....224

Камалов Р.И., Дёмина О.Ф.
ГРАММАТИКА В ПРАКТИЧЕСКОМ КУРСЕ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ.....227

Фаткуллина Ф.Г.
СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВА
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ.....232

Шакирова Р.Д., Щербакова И.А.
КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ВЕДЕНИЯ ДЕЛОВОГО РАЗГОВОРА
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НОСИТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....235

При подготовке электронного издания использовались следующие программные средства:

- Adobe Acrobat – текстовый редактор;
- Microsoft Word – текстовый редактор.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

**ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ**

Материалы

*VIII Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием, посвящённой
15-летию кафедры лингводидактики и переводоведения ИГСН
(г. Уфа, 16 мая 2024 г.)*

Электронное издание сетевого доступа

*За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.
Статьи публикуются в авторской редакции*

Подписано к использованию 12.07.2024 г.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 4,49 Мб.
Заказ 85.

*ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.*

Тел.: +7-908-35-05-007
e-mail: ric-bdu@yandex.ru